

ציון
סיון

СИОН

ЛИТЕРАТУРНО - ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ КООРДИНАЦИОННЫМ КОМИТЕТОМ
АКТИВИСТОВ АЛИИ ИЗ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

Год издания 3-й

1974
תשל"ד

8

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Памяти Давида Бен-Гуриона	3
ДАВИД БЕН-ГУРИОН — Воля и способность победить	5

На нашей земле. Война

А. ЛЕВ-РАН — Некоторые уроки войны	8
МНЕНИЕ КОММЕНТАТОРА (Интервью с Хаимом Герцогом)	13
МЫ ВЫПОЛНИЛИ СВОЙ ДОЛГ (Интервью с командующим военно-воздушными си- лами Цагала, генералом Беньямином Пеледом)	16
САМЫЙ ДЛИННЫЙ ЙОМ-КИПУР (репортаж)	20
КОГДА ЗАТИХАЮТ БОИ	25
ГОЛОСА ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ	31
В. ВЕКСЛЕР — День первый	36
И. ЯДИН — Это не только раскопки	40

Новые стихи и проза

М. ШАМИР — Зеленый грузовик	46
Л. ВЛАДИМИРОВА — Из цикла «Война» (стихи)	58
Ю. Г. — Связь времен (сонет)	54
Э. ЛЕВИН — Читая тору (стихи)	55
ЭЛИ ЛЮКСЕМБУРГ — Третий храм (повесть)	56

Исход

ВИКТОР БОГУСЛАВСКИЙ — Первый ленин- градский процесс	74
Письма СИЛЬВЫ ЗАЛМАНСОН	77
ИЗ ПИСЕМ АНАТОЛИЯ АЛЬТМАНА	82

Забывтые страницы

В. ЖАВОТИНСКИЙ — Восток	88
-----------------------------------	----

—□—

ЭФРАИМ ГОРДОН — Израиль и Наири. Акту- альные параллели	94
А. ЛЕВ-РАН — Швут	101
Авторы этого номера	104

©

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

З. Гительман, А. Гиттельсон (ответственный редактор), З. Гольцберг,
М. Занд, А. Лев-Ран, М. Ульман, А. Фельдман, И. Якоби.

Давид Бен-Гурион ד"ר

1.XII.1973 в возрасте 87 лет скончался один из выдающихся руководителей сионистского движения, глава первого правительства Израиля Давид Бен-Гурион.

Давид Бен-Гурион родился в польском городе Плонске 16 октября 1886 г. Юношей он примкнул к левосионистскому движению Поалей-Цион и вскоре стал одним из его видных деятелей.

Переехав в 1906 г. в Палестину, он несколько лет работал в качестве сельскохозяйственного рабочего, одновременно продолжая активную деятельность по созданию еврейской рабочей партии в стране. «Заселение страны является единственным подлинным сионизмом, все остальное — самообман, пустословие и досужие занятия», — говорил он.

С 1909 г. Бен-Гурион редак-

тирует в Иерусалиме печатный орган рабочей партии. В 1912—1914 гг. он изучает право в Константинополе, а в начале первой мировой войны возвращается в Палестину, откуда турки вскоре высылают его как видного сионистского деятеля, представляющего угрозу османской власти в стране.

Бен-Гурион отправляется в США и совместно с будущим президентом Израиля Ицхаком Бен-Цви прилагает немало усилий по вовлечению рабочих в сионистское движение и формирование добровольческих еврейских частей в составе английской армии, а в 1918 г. вместе с созданным еврейским легионом рядовым солдатом возвращается в Палестину.

Годом позже Бен-Гурион становится одним из основателей и лидером сионистской рабочей партии Ахдут Гаавода. В 1930 году, когда она слилась с Гапоэль Гацаир, он возглавляет объединенную партию Мапай.

Бен-Гурион еще в 20-ые гг. стоял у истоков федерации еврейских трудящихся — Гистадрута и руководил им 14 лет, уделяя вместе с тем большое внимание работе Всемирной сионистской организации.

Еще до начала второй мировой войны, с 1935 г. Бен-Гурион занимал пост председателя правления Еврейского агентства, делая максимально возможное для поддержки мирового еврейства в тяжкие годы нацистских зверств.

В 1947 г. Бен-Гурион был избран председателем национального совета (Ваад Леуми) и ответственным за безопасность и оборону страны

14 мая 1948 г. Бен-Гурион зачитал Декларацию Независимости государства Израиль, провозгласил его создание и стал главой первого правительства и министром обороны.

Вопреки решению ООН об интернационализации Иерусалима Давид Бен-Гурион перевел туда центральные правительственные учреждения Израиля.

Велики заслуги Бен-Гуриона в деле слияния в единую нацию выходцев из различных еврейских общин и повышения культурного уровня евреев из восточных стран.

Кроме того, Бен-Гурион был убежден в необходимости сближения Израиля с Западом и в результате его усилий произошло установление дипломатических отношений с Западной Германией.

С 1963 г., уйдя от активной политической деятельности, Бен-Гурион жил в кибуце Сде-Бокер, членом которого он был, продолжая всемерно содействовать расцвету Негева.

В личности Бен-Гуриона гармонично сочетались ясное политическое мышление, глубокий аналитический ум, незаурядный ораторский талант и огромная воля. Его интеллектуальные, духовные и научные интересы охватывали библейскую литературу, греческую философию, буддизм, философию Спинозы.

Убежденный демократ, он внес неоценимый вклад в развитие демократических начал управления страной.

Яркая жизнь и деятельность Давида Бен-Гуриона навсегда войдут в историю нашего народа и государства.

ВОЛЯ И СПОСОБНОСТЬ ПОБЕДИТЬ

ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ «ДО И ПОСЛЕ СИНАЙСКОЙ
КАМПАНИИ»

...Два основных стремления определяют всю нашу деятельность в стране: быть подобными всем народам и быть отличными от них. Эти два стремления как будто противоречат одно другому, но в действительности они дополняют и обуславливают друг друга. Мы желаем быть свободной, самостоятельной нацией, равноправной в семье народов, и стремимся в то же время быть отличными от всех других народов своим духовным уровнем и формой современного общества, основанного на свободе, товариществе и братстве между евреями и братстве обчеловеческом.

...Прочная, верная и постоянная основа, на которой мы сможем базировать нашу деятельность по привлечению друзей и союзников, — это свет нашей творческой, освободительной и возрождающей работы; это то, что мы сами будем примером для других народов; это наша способность содействовать отсталым народам научным, культурным и техническим руководством так, чтоб не было места каким-либо опасениям или подозрениям в намерениях захвата или господства. Каждое, поднятое в Израиле дело, которое может вдохновить другие народы, ста-

новится бескорыстным вкладом нашего маленького государства, старающегося завоевать симпатию, дружбу и доброжелательность.

...Высшая цель нашей внешней политики — сломать ту стену ненависти и враждебности, которую возвели наши близкие соседи, и привести к сотрудничеству между Израилем и арабскими народами в экономической, культурной и политической областях во имя укрепления мира во всем мире и процветания всего района. Ближний Восток — это не исключительно арабский район, напротив, большинство его жителей не арабы: турки, персы и евреи, не считая курдов и других неарабских меньшинств в арабских странах, — количественно превышают число арабов на Ближнем Востоке. Шансы на мир между Израилем и арабскими народами обусловлены в значительной степени военной мощью Израиля — мощью превентивного характера — и почетным местом, занимаемым Израилем на международной арене. Ибо только тогда, когда арабские правители убедятся в том, что невозможно уничтожить Израиль ни военными средствами, ни путем блокады, бойкота и изоляции, у них созреет по-

нимание необходимости и ценности мира и сотрудничества с Израилем.

Израиль—единственная страна во всем нашем районе, где армия не представляет собой внутреннего политического фактора, хотя каждый солдат вправе принадлежать к любому легальному объединению или организации в государстве. Но армия, в качестве защитной силы, рассматривает себя исключительно как исполнительный орган избранных представительных учреждений нации, и лишь они правомочны решать, что делать и чего не делать армии.

Суммируя прения в Кнессете 5-го сентября 1949 года по вопросу законопроекта о воинской повинности, мною, как министром обороны, было сказано: «Я верю, что если мы мобилизуем нашу молодежь для военной подготовки и для сельскохозяйственного труда, и воспитаем ее в любви к родине, в духе мужественности, боевой готовности и готовности к освоению целинных земель и назовем эту формацию Армией Обороны Израиля, создастся армия на гордость и славу, которая послужит надежным оплотом обновленному государству Израиль».

Армия Обороны Израиля воспитала тысячи молодых людей для пионерского поселения на целине и создала пионерские сельскохозяйственные пункты на границах в полосе Газы, в Галилее, в Иерусалимском коридоре, в районе Лахиш, на юге и в Негеве. Армия Обороны Израиля является единственным национальным образованием, в

оценке которого нет разногласий. И подобно тому, как Государство Израиль сплачивает все еврейство в рассеянии узами любви и гордости, так сплачивает Армия Обороны Израиля весь народ в Израиле со всеми его партиями и группировками.

В Армии Обороны Израиля уроженцы Израиля встречаются с выходцами из стран рассеяния, как равные с равными. Дети новоприбывших из стран, где евреи были неполноправными, где их угнетали и оскорбляли, служа в Армии Обороны Израиля, превращаются в гордых, уважающих себя евреев, уверенных в своей силе и ценящих свое человеческое и национальное достоинство.

Армия служила и будет служить могучим средством воспитания народа, но армия — не что иное, как кость от кости, плоть от плоти народа.

Извне — армия должна быть силой угрожающей. Внутри — силой возвышающей. Своим мужеством и своим умением сражаться и побеждать Армия Обороны Израиля должна предотвратить нападение наших врагов. Своим примером и пионерским духом она должна направлять народ ко все более высоким задачам.

Но регулярная армия — это всего лишь малая часть нашей оборонительной силы. Мощь нашей обороны зависит главным образом от запасных войск, не носящих военной формы и составляющих во всех смыслах неразрывную часть гражданской общественности. Умонастроение народа, степень его сплоченности или разроз-

ненности, его чуткости или апатии, неизбежно окажут влияние на настроение запаса.

Духовный облик и внутренняя устойчивость Израиля явятся в будущем фактором определения нашей безопасности и нашего международного положения.

...Наиболее верное средство для укрепления нашей превентивной силы, являющейся основным условием безопасности, и для расширения круга наших друзей во всем мире, которое проложит путь еврейско-арабскому миру,—это внутренняя сплоченность Израиля: экономическое и культурное укрепление, прием и интеграция новых переселенцев, ликвидация внутренней раздробленности, разрозненности, унаследованных от нашей прошлой жизни в изгнании, воспитание народа в духе государственной ответственности и непрерывное и безустанное стремление быть полноценным народом.

...Духовным идеалом израильских пророков, этих наивысших представителей и выразителей еврейства, были

всеобщий мир и человеческое братство. «Не поднимет народ на народ меч и не будет более учиться воевать». Предназначение человека — работа и творчество на основах товарищества и взаимопомощи между людьми и между народами. Но и лучшие сыны нашего народа прибегали к войне, когда не было иного выхода, и величайший из пророков Израиля, Моисей, был полководцем в первой войне в истории нашего народа, сейчас же по исходу из Египта.

Но никогда мы не будем видеть в войне цель, а лишь горькую необходимость, а в победе — лишь средство осуществления жизненных идеалов, свободы и самостоятельности для народа Израиля и для всех народов мира.

Армия Обороны Израиля должна быть всегда сильной для предупреждения и предотвращения вражеских нападений. Эта сила Армии Обороны Израиля является наиболее верной гарантией мира в этом районе, пока не будет заключен истинный мир между нами и нашими соседями.

1959 г.

На нашей земле

ВОЙНА

А. ЛЕВ-РАН

НЕКОТОРЫЕ УРОКИ ВОЙНЫ

Еще не пришло время дать полную оценку тому огромному событию, которым явилась не только для нас, но и для всего мира война «Иом кипур». Ее будут изучать и историки, и политики, и военные. Но у историков есть время, а политики и военные должны сразу, немедленно извлечь самые важные уроки из этой войны. Тем более, что нет никакой уверенности в ее окончании.

Не буду касаться вопроса о внезапности нападения арабов. Дело комиссии по расследованию выяснить, кто и насколько был виноват в том, что мы не были перед войной в полной готовности. Важно лишь указать, что ошиблись в своих прогнозах не только дипломаты и разведчики, ошиблись и ученые-востоковеды, всего лишь в прошлом году выступавшие в Тель-Авивском университете на международной конференции, посвященной проблеме «СССР и Ближний Восток». Не могут гордиться точностью своих прогнозов и журналисты, и хотя сообщения в газетах в начале октября были весьма тревожными, ни один из журналистов не выступил с правильным прогнозом событий. Напротив, буквально накануне войны в наших газетах можно было прочитать статьи под оптимистическими заголовками вроде «Садат исключает военный путь решения ближневосточного кризиса».

Обо всем этом стоит вспомнить с единственной целью — подчеркнуть разницу между историей и политикой и между политикой и наукой. Наука в состоянии предсказывать хотя бы основные явления, в политике предсказания обычно невозможны. Конечно, каждый политик действует, исходя из каких-то определенных предпосылок, но он обязан учитывать возможность и того, что все его предпосылки неверны. Один из основных уроков этой войны и заключается в том, что даже правильная и полная информация может повести по неверному пути, если ей дается одностороннее толкование. Иначе говоря, недостаточно строить теории о намерениях врага, нужно учитывать его реальные возможности: большая концентрация войск может быть признаком маневров, но может оказаться и

---

* Статья написана в период предвыборной кампании, и потому не касается влияния войны на политическую жизнь внутри страны.

подготовкой к нападению. Один и тот же факт можно трактовать по-разному.

Есть самые различные мнения о том, в какой степени ход военных действий может сказаться сам по себе на политическом решении проблемы. Представим себе, что египтянам не удалось форсировать Суэцкий канал и что война с самого начала приняла позиционный характер. Из этого еще не вытекает с очевидностью, что не возник бы серьезный международный кризис, что арабы не использовали бы оружие нефти и что дорога не привела бы и в этом случае к Совету Безопасности и его решениям. Иными словами, все мы должны признать, что статус кво, существовавший до войны, был иллюзорным, а совсем не прочным миром.

Трагичность положения заключается в том, что никакая военная победа над арабами не может быть полной. Мы находимся с ними в неравном положении: они намереваются уничтожить наше государство; у нас же нет мысли уничтожить какое-либо из арабских государств. Поэтому никакая война не может закончиться их безоговорочной капитуляцией, подобной капитуляции «стран оси» во Второй мировой войне. Очень трудно иметь дело с противником, который идеологически готов к столетней войне, который сравнивает Израиль с искусственным государством крестоносцев в Палестине, хотя для такого сравнения нет ни малейших оснований. Очень трудно планировать рациональную политику по отношению к Египту, президент которого с гордостью заявил в свое время, что готов пожертвовать миллионом солдат, и народ которого приветствовал это заявление, а не возмущился им. Не забудем, что среди арабских деятелей есть немало таких, которые выступают за бесконечную войну с Израилем. Некоторые из них, как например, Каддафи, считают, что не следует прекращать войну с Израилем, даже если израильская армия займет весь Египет и всю Сирию, ибо, по его мнению, не могут же три миллиона евреев переварить 40 миллионов арабов соседних стран.

К этому надо прибавить еще один крайне важный фактор: Ближний Восток не предоставлен сам себе. Он является ареной соперничества великих, бывших великих и совсем невеликих стран. И интересы их не только противоречивы, но зачастую и очень сложны. Англия, например, с одной стороны в перспективе будет все меньше зависеть от арабской нефти, а с другой стороны хотела бы вернуть себе изрядно пошатнувшиеся позиции в арабском мире. Иран весьма заинтересован в продолжении добрососедских отношений с СССР, но для него критически важно, чтобы СССР и его союзники (например, Ирак) не стали хозяевами в Персидском заливе. Такой ненавистник Израиля, как Каддафи, пожалуй, в меньшей степени является ненавистником коммунизма и врагом СССР, хотя именно от СССР зависят в большой мере его же партнеры по федерации — Египет и Сирия. Такие примеры можно было бы приводить до бесконечности. Поэтому-то положение в нашем районе столь сложно. Эта война привела к тому, что зависимость наших противников от СССР, а нас — от США еще больше возросла. Ни ара-

бы, ни мы не в состоянии производить все необходимые для себя виды вооружения. Поэтому возможности внешнеполитических маневров каждой стороны в конфликте в известной мере ограничены. С другой стороны зависимость от великих держав далеко не абсолютная, и объясняется это тем, что в нашем районе проигрыш одной великой державы неизбежно оборачивается выигрышем для другой (и не забудем, что на горизонте вырисовывается уже третья — Китай). В своих отношениях с арабскими странами великие державы тоже не находятся в равном положении. Советский Союз не нуждается в арабской нефти, а от нефтяного кризиса в мире даже выигрывает. Запад же только теряет. СССР мог бы хладнокровно согласиться на уничтожение Израиля и был готов не мешать в этом арабам. США же, как бы ни было велико их желание улучшить отношения с арабскими странами, по целому ряду соображений (и далеко не только сентиментальных) заинтересованы в продолжении существования независимого Израиля. Обе великие державы оказались на высоте в отношении своих клиентов, и потери обеих сторон в вооружении были быстро восстановлены. Настоящая война в еще большей мере, чем война Индии и Пакистана, показала исключительную важность и эффективность быстрых и массивных поставок вооружения воюющим сторонам.

В чисто военном смысле многие специалисты в мире считают победу Израиля еще более внушительной, чем в Шестидневной войне, ибо сейчас, в отличие от 1967 года, внезапность была на стороне противника, и она вместе с громадным превосходством арабов в живой силе и технике в первые дни войны вынудила нас начать серьезные военные действия с невыгодных позиций. А окончание войны известно: если бы не сильный нажим великих держав через Совет Безопасности, третья армия Египта была бы уничтожена в течение считанных часов. Достаточно красноречиво свидетельствует о степени разгрома Египта огромное число захваченных нами пленных. На сирийском фронте наши войска воевали в тяжелых условиях, по концентрации танков бои на Голане явились, пожалуй, крупнейшими в истории. Но несмотря на нашу убедительную победу, военным во всем мире, в том числе и у нас, придется пересмотреть некоторые концепции. Например, в определенной мере оказалась неверной теория, согласно которой развитие техники требует от солдата все более высокого уровня образования. Напротив, современные самоуправляемые противотанковые ракеты, оказывается, требуют от солдата буквально трех дней тренировки. Среди египетских солдат было немало неграмотных, некоторые даже своего солдатского номера не помнили, но в их руках противотанковые ракеты оказались достаточно эффективным оружием. Иными словами, пехоте, видимо, будет отведено в будущем куда более почетное место, и развитие танковых войск совсем не превращает пехоту в устаревший и ненужный род войск.

Наши летчики доказали свое подавляющее превосходство над летчиками противника, но больше ста наших самолетов были сбиты противоздушными ракетами. Несмотря на это, наша авиа-

ция сумела подавить ракетные силы противника, но борьбе самолета с ракетой придано этой войной новое звучание.

Многие обозреватели считают, что война доказала неспособность статичной обороны выдержать натиск массовой армии. Наконец, по-новому выглядит сегодня и проблема территорий. Справедливо, что обладание территориями не спасло нас от войны и не явилось гарантией мира. Но справедливо и другое, что именно территории Синай и Голана сыграли решающую буферную роль, дали нам возможность использовать стратегическую глубину и не опасаться прорыва танков врага к жизненным центрам страны. Что было бы, если бы война началась не у Кунейтры, а у Тверии и не у Суэцкого канала, а около Ашкелона? Тот довод, что если бы не было «израильских захватов» 1967 года, то не было бы и войны, слишком наивен, чтобы рассматривать его серьезно. Необходимость стратегической глубины неизбежно должна сыграть важную роль в позиции Израиля на любых будущих переговорах.

У каждой войны есть не только объективная, но и субъективная сторона. В своих собственных глазах арабы являются победителями, и тому есть несколько причин. Во-первых, впервые после Войны за независимость они спланировали и осуществили внезапное нападение. Во-вторых, они успешно форсировали Суэцкий канал и в течение нескольких дней владели даже всем его восточным берегом. Это означает, что впервые в ходе военных действий арабы отвоевали у Израиля какую-то, пусть и небольшую, территорию. Впервые в руках арабов оказались сотни наших пленных, и под нажимом египтян некоторые из них выступили по каирскому радио с антиизраильскими заявлениями (конечно, написанными арабами). Иными словами, арабы преодолели страх и пришли к выводу, что израильский солдат тоже человек, а не сверхъестественное существо. Тот факт, что война закончилась разгромом египетской армии и доказала крах ее стратегии и тактики, неизвестен большинству населения арабских стран; война в целом воспринимается ими как победа. Никто не может сказать, хорошо это или плохо. Есть серьезные арабисты, которые полагают, что именно ощущение арабов, что они «смыли позор 1967 г.», приведет их к столу переговоров, ибо национальная и религиозная гордость мешала арабам придти к какому бы то ни было соглашению с Израилем до последней войны. Лишь будущее покажет, правилен ли такой прогноз. Совсем не исключено, что ощущение победы приведет арабов не к столу переговоров, а к новой авантюре.

Крайне важным и в большой степени неизвестным является советское участие во всем этом кризисе. Активнейшее, но косвенное участие СССР в чисто военной стороне войны не подлежит сомнению. Дипломатическая активность Москвы тоже хорошо известна. Но никто не может с точностью сказать, в какой степени СССР был заинтересован в войне, подталкивал ли он на нее арабов или только поддерживал их, обещал ли он им в случае их победы не препятствовать уничтожению Израиля, и как далеко готов он был идти на конфликт с США в достижении этой цели? Если верить сообщению одной ливанской газеты, то в Кремле у арабов не требовали останавливаться на границах 1967 г. Это

означает, что Советский Союз сознательно шел на уничтожение Израиля. Если это так, встает вопрос, в чем доказательство изменения этой стратегической цели СССР?

Советское оружие — оружие первоклассное. В 1967 году поражение арабов можно было объяснить их крайне неудачной тактикой и неспособностью выдержать первый удар. В настоящей войне во всех первых успехах арабов можно видеть применение советского опыта. Иными словами, Ближний Восток был в октябре полигоном для испытания советского и американского оружия. Но он был и ареной столкновения советско-арабской и израильской военной доктрины. Израильская доктрина оказалась более эффективной, и встает вопрос, что предпримут сейчас советские военные?

Одним из важнейших уроков войны и последовавшего за ней нефтяного кризиса явилось разоблачение перед всем миром дугото характера европейского единства. И этот факт чреват крайне опасными последствиями. Страны НАТО сочли ближневосточный кризис не входящим в компетенцию их союза. Они не поддерживали США; во время последующего нефтяного кризиса обнаружилось отсутствие не только единой внешней политики, но даже единой топливной политики Европы. Это особенно грустно в свете того, что эта война доказала иллюзорность нормализации отношений между США и СССР. Видят это американские дипломаты или нет, но очень многим в мире стало ясно, что нормализация эта весьма односторонняя.

Многие в мире связывают нефтяной кризис с войной на Ближнем Востоке. С этим трудно согласиться. Крупные западные специалисты по вопросам нефти еще на конференции в марте этого года с удивительной точностью предсказали все шаги и все методы шантажа арабских стран-нефтепроизводителей, причем вне всякой связи с арабско-израильским конфликтом. Эти специалисты предложили и пути разрешения кризиса. Очень жаль, что к ним не прислушались. Одно должно быть ясно: нет органической связи между конфликтом Израиля с арабскими странами и даже самим существованием Израиля и мировым нефтяным кризисом. И в этом отношении поражает недальновидность западных стран, особенно Западной Европы, не предпринявшей почти никаких шагов для поисков новых источников энергии. Сейчас еще не поздно. Страны Запада могут еще извлечь уроки, могут еще объединиться и показать свою силу. Если этого не произойдет, на очереди станет вопрос о «финляндизации» Западной Европы, о постепенно увеличивающейся зависимости ее внешней политики от СССР и низведении ее до положения второразрядного континента. Экономическая сила Европы, как оказалось, не подкреплена силой дипломатической и военной. Сейчас Европа готова почти на любые уступки арабам, конечно, за счет Израиля, лишь бы этой зимой ей было теплее. Но что будет завтра? Как мудро заметил Бисмарк, «нет таких богачей, которые были бы в состоянии купить своих противников уступками». Это, кстати, правильно не только в отношении Европы.

МНЕНИЕ КОММЕНТАТОРА

ИНТЕРВЬЮ С ХАЙМОМ ГЕРЦОГОМ

Вопрос: Что главное в работе военного комментатора? К кому Вы обращаетесь: к своему народу? К врагу? Или к мировому общественному мнению?

Ответ: Постоянное внимание к политической и военной жизни мира и анализ всего происходящего — это и есть главное в моей работе. Приходится, конечно, очень много читать специальную литературу и ежедневную прессу, в том числе и арабскую. Дома у меня есть профессиональная библиотека, военная и политическая, да и прошлый опыт работы в армии в качестве начальника военной разведки очень пригодился мне теперь.

Иногда я встречаюсь с официальными лицами, а во время войны — с представителями ЦАГАЛА.

К кому я обращаюсь? В основном, конечно, к своему народу. Но насколько мне помнится, однажды я обратился к зарубежным кругам и однажды — к арабам.

Вопрос. Вы не помните, о чем шла речь?

Ответ: Помню, разумеется. В одной из передач я говорил о банкротстве НАТО, о том, что Западной Европой руководят сегодня наследники Чемберлена и Даладье, и еврейский народ не должен забывать об этом. Полагаю, что и американцы тоже. Разве НАТО не должен помогать всякой стране, бо-

рующейся за свое существование против советской агрессии? Но почему тогда ни англичане, ни немцы не допустили переправки нам американского оружия со своих территорий и поспешили объявить нейтралитет? Неужели они реагировали бы таким же образом, находишь под ударом, например, Турция?

Это выступление, в особенности слова о банкротстве НАТО, цитировали во всем мире, а дневные газеты всех стран — участниц НАТО опубликовали через несколько часов.

В другом случае мой комментарий был рассчитан на арабов. Речь шла об отношениях между армиями Сирии и Ирака, воюющими против нас, и о разногласиях между правительствами этих стран. Надеюсь, что в обоих случаях мои слова были полезны. Но это, как видите, исключение. Обычно с более или менее умеренных позиций, на небольшом фактическом материале я стараюсь поглубже анализировать ситуацию. Не знаю только в какой мере мне это удается.

Вопрос: Знал ли Израиль, что арабы готовят войну? Госпожа Меир в американской программе «Лицом к нации», а также начальник Генерального штаба Д. Элазар в интервью по израильскому телевидению утверждали, что знали о планах арабов, но не хотели начинать

превентивную войну, чтобы не выглядеть в глазах всего мира агрессорами. Не верить им невозможно, тем более, что есть доказательство: информация, переданная Киссинджеру в субботу, в 4 и 6 часов утра. Однако наши солдаты на границе были захвачены врасплох.

Ответ: Ответить на этот вопрос нелегко: требуется обстоятельное расследование по всем направлениям. Армия — специфическая организация со множеством промежуточных инстанций, что часто отражается на скорости передачи информации. Часто это зависит от организации и дисциплины. Мне ясно, что наша авиация оказалась самой организованной частью ЦАГАЛа. Она и перед войной была готова нанести превентивный удар. Что касается других войск — не знаю.

Руководство страны знало об опасности и информировало об этом весь мир и в первую очередь свой народ. Но дошло ли ощущение важности момента до последней инстанции? И если дошло, отнеслись ли там к делу достаточно серьезно и в соответствии с военными правилами или махнули рукой: а, мол, глупости! Это тоже требует проверки. Со временем, я думаю, этим займется специальная комиссия. Надо только учесть, что в последние годы египтяне регулярно проводили маневры на западном берегу Суэцкого канала, что естественно, сопровождалось большой концентрацией войск. Мы в какой-то степени стали относиться к этому, как в известной сказке к пастуху, который безо всякого на то повода кричал «Волк! Волк!».

А когда волк действительно появился, пастуху уже никто не поверил.

Вопрос: Создается впечатление, что Вы пытаетесь переложить ответственность с верховного командования и руководства на низшие инстанции? Нет?

Ответ: Не знаю, требуется расследование, и невозможно делать выводы, пока все факты не станут известны. Одно лишь скажу: меня всегда беспокоила проблема дисциплины в ЦАГАЛе, и я всегда считал, что дисциплина ничуть не противоречит воинственному духу в армии, о чем и писал в своей статье, напечатанной в «Гаарец». Сегодня мне кажется, что мое беспокойство было обоснованным

Вопрос: В январе 1969 года Вы утверждали, что в разведке ЦАГАЛа работает несколько крупнейших в мире специалистов. Как случилось все-таки, что мы не ждали войны за несколько недель или дней до ее начала?

Ответ: Зато мы оказались в хорошей компании: американцы тоже ничего не знали, несмотря на свои спутники и бесконечное количество снимков. Я думаю, что русские и арабы все рассчитали до мелочей с явным намерением ввести мир в заблуждение. А Никсон, считали они, не вмешается: и так из-за Уотергейтской истории его положение не блестяще.

А что касается нашей разведки, я и сейчас считаю, что там работают специалисты мирового класса. Но одно дело — сбор информации и совсем другое — ее оценка. Вот на счет

правильности оценки и требуется расследование.

Вообще-то история знает примеры, подобные нашему. О нападении на Пирл Харбор, скажем, американцам было точно известно, а в самом порту об этом ничего не знали.

Советский Союз получил достоверные сведения о нападении Германии в 1941 году, а Сталин не хотел верить этому.

Сейчас мы не должны забывать, что перед нами не только арабы. Перед нами сложная политика одной из великих мировых держав, которая пустила в ход все имеющиеся у нее политические и военные средства. Русские ведут опасную игру, создавшую ситуацию типа «кубинского кризиса», и преследуют явную цель обосноваться на Ближнем Востоке. Представляю себе, как они сейчас злы из-за провала арабов, успеха ЦАГАЛа и неожиданного американского выступления.

Вопрос: В Би-Би-Си Вас спросили, полетят ли головы

в государстве Израиль? Как Вы считаете?

Ответ: Суть не в том, чтобы наказать виновных. Часто головы летят, но ничего от этого не меняется.

Придет время — разберемся. Не надо спешить. И нельзя сказать ничего справедливого, пока не известно все.

Вопрос: В ноябре 1967 года Вы сказали: «Произошло коренное изменение в топографическом положении Израиля: мы находимся на горах вместо долин. Такое положение безусловно повлияет на арабское командование и в конечном счете приведет их к мысли об урегулировании или даже к миру».

Ответ: Это правда, я так писал. Но одно только топографическое положение не может защитить государство. Территория является важным моментом в том случае, когда есть достаточно сил, чтобы удержать ее.

МЫ ВЫПОЛНИЛИ СВОЙ ДОЛГ

«Если бы не наша авиация...» — так говорят сейчас все, хотя далеко не все воевали и скорее чувствуют, чем знают, насколько они правы.

В одном из своих выступлений Хаим Герцог повторил слова Черчилля о том, что «никогда еще так много людей не было обязано такому малому количеству людей столь многим».

Трудно сказать, как далеко продвинулись бы египтяне и сирийцы, если бы не наша авиация...

ИНТЕРВЬЮ С КОМАНДУЮЩИМ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫМИ

СИЛАМИ ЦАГАЛА, ГЕНЕРАЛОМ БЕНЬЯМИНОМ ПЕЛЕДОМ

— Не торопитесь, давайте обо всем по порядку. Начнем с того, что общество нам ничем не обязано, ничем. Я вообще не люблю должников. Но обратимся к фактам.

Дело в том, что наша регулярная армия включает в себя только авиацию, флот и военную разведку. В остальных войсках в мирное время людей сравнительно мало, так как основная масса в резерве. А резерв еще после Шестидневной войны был отпущен домой. И вы понимаете, конечно, что для приведения войск в состояние полной боевой готовности нужна была в первую очередь мобилизация резервистов.

Вопрос: Но пока шла мобилизация, кто-то должен был воевать! Ведь необходимо было остановить арабов. Может быть, это и есть классическая роль военной авиации — задержа-

вать передвижение врага?

Ответ: Классическая — нет. И не об этом сейчас речь. Просто в этой войне наша роль была именно такова: мы пошли в бой смело и остановили арабов. Мы и раньше хорошо представляли себе, как будет в случае войны, но относились к этому, как здоровый человек к больнице: вспоминать неприятно, а заболел — приходится идти. И хотя мы надеялись иногда, что «не заболеем», но мобилизовали все свои силы и к выступлению были готовы, так что в субботу, да и в последующие дни воевали в полную силу.

Вопрос: Из Ваших слов следует, что в авиации имеются не только регулярные войска, но и резервы?

Ответ: Да. Но соотношение их не такое, как в других частях ЦАГАЛА.

Вопрос: В тот момент, когда египетские бронетанковые части в огромном количестве пересекли Суэцкий канал, а сирийцы устремились к Галилее, было ли у Вас чувство, что судьба государства Израиль находится в Ваших руках?

Ответ: Оставьте, пожалуйста! Судьба государства Израиль находится в руках израильского народа и поэтому в надежных руках.

А в тот момент я не размышлял о судьбах. Нашей задачей было: задержать бронетанковые части и авиацию противника на обоих фронтах, чтобы дать возможность ЦАГАЛу сорганизоваться и подготовиться к контратаке. На Рамат Хаголане сирийцы находились уже на подступах к Эмек Ахула. Положение было очень тяжелое. Воздушным силам пришлось действовать в тот шабат и на второй день, и, в общем, во все дни войны, как никогда за всю историю их существования.

Но я уже сказал: нам никто ничего не должен! Наши летчики просто выполнили свой долг.

Вопрос: Многие, в том числе и высшие офицеры, пытались представить себе, что случилось бы, если бы наша авиация не справилась со своей задачей?

Ответ: Для меня дело не в том, сколько километров нашей территории заняли бы арабы, если бы, не дай Бог, мы не обладали такими воздушными силами. Удачное начало очень укрепило бы боевой дух арабов, и ЦАГАЛу пришлось бы тогда гораздо труднее. Не потому, что другие части ЦАГАЛа сла-

бее — никакой слабости нет! — но из-за сложности включения в войну резервных сил, из-за обстановки на фронтах, где господствуют броневые и пехотные части Египта и Сирии. Поясню это примером. В первые дни войны египтяне направили свои вертолеты с командос в наш тыл, в Синай, чтобы перерезать подходы к району Суэцкого канала и не пропустить на фронт наших резервистов.

Наши летчики сбили сразу тридцать пять вертолетов и разрушили все планы египтян. Представляете, что было бы в случае успеха врага?

А во второй день войны египтяне перебросили через канал еще несколько мостов и собирались перевести по ним дополнительные бронетанковые дивизии. А ЦАГАЛу тогда важнее всего было выиграть время. И наша авиация в соответствии со своей задачей останавливать продвижение врага должна была уничтожить все мосты на канале.

Вопрос: И вы с этим справились? Несмотря на египетские ракеты?

Ответ: Да. Несмотря на ракеты. У нас не было выбора: остановить переброску бронетанковых войск египтян было настолько важной задачей, что пришлось пойти на жертвы. Зато мы задержали бронетанковые части египтян до тех пор, пока наши замечательные танковые дивизии не начали воевать в полную силу.

Вообще, в задачу авиации входило следующее: воздушные бои для достижения превосходства в воздухе, защита неба страны, атаки на египетские

и сирийские аэродромы и стратегические объекты в Египте и Сирии и переброска необходимых сил и военного снаряжения из центра страны на север и на юг.

Вопрос: Правда ли, что самой трудной задачей для наших воздушных сил было подавление египетских и сирийских ракетных установок?

Ответ: Да. Это видно и по нашим потерям. В этой войне было уничтожено около пятисот вражеских самолетов. Из них около четырехсот — в воздушных боях, т. е. почти столько же, сколько во время Шестидневной войны с земли. Воздушные бои мы провели без потерь, что является огромным достижением наших летчиков и наземных групп. Один самолет был сбит, но и это не точно. Все наши основные потери — только из-за ракет. Правда, в Шестидневную войну мы потеряли больше.

Вопрос: В этот раз вам помогли наши бронетанковые силы, уничтожившие ракетные базы на западном берегу Суэцкого канала.

Ответ: Безусловно, они хорошо поработали и проявили удивительный героизм, но основную массу ракет уничтожила все-таки авиация. В районе канала были десятки ракетных установок. Их надо было убрать во что бы то ни стало, любой ценой. Уже за семь дней до момента прекращения огня воздушные силы действовали абсолютно свободно по всему сектору канала. ЦАГАЛу потому и удалось проникнуть на ту сторону Суэца, что египетские ракетные установки уже

бездействовали, то есть, авиация оказывала нашим броневым и пехотным частям постоянную и серьезную помощь.

Вопрос: По сравнению с Шестидневной войной внезапных атак в этот раз было больше или меньше?

Ответ: Во много раз больше. И качество атак совсем иное из-за нового снаряжения.

Вопрос: Уничтожение самолетов в воздухе имеет большее значение, чем на земле, потому что в воздухе гибнут и летчики. Так ли это?

Ответ: Безусловно. У египтян и сирийцев не хватает сейчас сотен летчиков. Если даже часть из них приземлилась и вернулась в часть, пользы от них уже мало.

Вопрос: А нас это тоже коснулось?

Ответ: Основные наши воздушные силы уцелели. Ни одна бомба не упала на территорию Израиля. Ни один дом не пострадал.

Вопрос: Были ли попытки со стороны противника атаковать цели на территории Израиля?

Ответ: Были. Но их самолеты не долетали до цели — мы сбивали их.

Вопрос: Каким образом была взорвана египетская ракета, направленная на Тель-Авив?

Ответ: Она была сбита выстрелами с нашего самолета.

Вопрос: Когда это случилось?

Ответ: На второй день войны, в воскресенье утром.

Вопрос: Как вы думаете, почему египтяне не повторили эту попытку?

Ответ: Они боялись контрмер.

Вопрос: Что еще они пытались бомбить?

Ответ: Им очень хотелось разбить наши аэродромы в Синае, но ничего не вышло. Была попытка атаковать центр страны шестеркой самолетов «Мираж». Три «Миража» мы сбили, из одного летчик выбросился с парашютом, а остальные два сами убрались. На Синай тоже летали «Миражи». В среднем Египет терял в этой войне по двадцать самолетов в день.

Вопрос: Каким было соотношение сил в начале войны между нами и арабами?

Ответ: Я бы хотел, чтобы соотношение было равное, а если можно, то в нашу пользу.

Количественную разницу мы сняли за счет уровня наших самолетов, которые гораздо лучше арабских; ну, и за счет секретного оружия номер один: качества наших ребят и на земле и в воздухе. Я не могу о них говорить — у меня не хватает слов.. Нет, у меня в самом деле не хватает слов. То, что сделали наши ребята, поверьте мне, может войти в историю. Я не в состоянии описать это. Такая полная отдача, без лишних слов, без внешнего волнения.

Перед войной я говорил им: «Ребята, если будет война, вы столкнетесь с ракетами, это

неизбежно. Будет пролито много крови». Молчат, никакой реакции. А ведь они-то знали, что такое ракеты.

После первых потерь я пошел в подразделения. Думал, увижу вытанутые лица, людей, павших духом. Хотел подбодрить. Где там! Прекрасное моральное состояние, готовы воевать хоть сию минуту! Вот так.

Но я хочу добавить: все, что сделали наши летчики, они сделали вместе с другими частями ЦАГАЛА. Бронетанковые и пехотные части ЦАГАЛА воевали, как львы. Замечательно.

Вопрос: Если египтяне и сирийцы захотят воспользоваться прекращением огня и атакуют снова, в каком состоянии они найдут наши воздушные силы?

Ответ: Воздушные силы могут хоть сейчас начать воевать в полную мощь. Кто захочет повторить эту попытку, продемонстрирует лишь свою короткую память.

Вопрос: Какова была причина того, что...

Запумела рация, послышался чей-то голос: «Командир! Египетские самолеты атакуют нас на западе канала!».

И все, Так закончилось это интервью. Дела призывали генерала Пеледа в другие места. А «какова была причина того, что...» — на этот вопрос он ответит в другой раз.

Если будет возможность...

САМЫЙ ДЛИННЫЙ ЙОМ-КИПУР

РЕПОРТАЖ

В 4 часа утра Голду Меир разбудил телефонный звонок: сообщали, что к вечеру, по-видимому, начнется война.

Тотчас же вспыхнуло окно в квартире Моше Даяна, — он получил то же известие и в 5 часов уже сидел в своем кабинете, окруженный экстренно созванными сотрудниками Министрства обороны.

**

Через несколько часов, перед началом совещания в своей канцелярии Голда Меир позвонила послу Соединенных Штатов: — Нам точно известно, что Египет и Сирия сегодня начнут войну.

Мы просим Ваше правительство воздействовать на Египет и удержать его от нападения.

— Вы будете стрелять первыми?

— Нет.

В 7.30 прибыли начальник Генерального штаба, его заместитель, шеф разведывательной службы и другие высшие офицеры. Еще вчера никто из них не предполагал, что война так близка, и теперь надо было действовать. Начальник Генерального штаба объявил состояние полной боевой готовности. Началась мобилизация резервистов.

**

Между тем, жизнь в стране

шла своим чередом: синагоги были полны молящимися, улицы тихи, радио молчало, и ничто не предвещало беды. Правда, на центральных шоссе и улицах появились военные машины. Они ехали с зажженными фарами — знак того, что они выполняют служебное задание, и от вида их становилось тревожно. Из подъездов то и дело выбегали парни в солдатской форме, торопливо «голосовали» и исчезали куда-то на этих машинах, и редкие прохожие недоуменно смотрели им вслед.

Но... «все будет хорошо», и торжественные «датим» своими черными одеждами и лисьими шляпами утверждали постоянство и неизбежность этого мира.

**

Тихо и спокойно было в это утро на границе с Сирией. Кончая свою смену, Йошуа Грин еще раз взгляделся в темноту: на сирийской заставе появилось три новых танка. «Пугают», — решил Йошуа и, зевнув, пошел спать.

Но затрещал телефон — общали о введении состояния полной боевой готовности.

**

Минувшей ночью резервист Ави Яфе, проходивший «милуим» на Суэцком канале, заметил необычное оживление на

египетском берегу: приезжали и уезжали машины, что-то лязгало, шумели моторы. Он включил радио — тишина. На рассвете вышел на улицу. Было обычное утро: вон пришел садовник на богатые виллы Исмаилии, копается в кустах; пастух пригнал к воде своих коз; египетские солдаты без оружия удят рыбу на берегу канала.

Ави подержал в руках газету, невнимательно послушал друзей, даже поел немного — тайком от верующих.

На душе было тревожно, хотя вроде бы ничто не нарушало обычной жизни.

**
*

Летчика «Фантома» вызвали на аэродром в 6.40 утра. Все были уже в сборе и говорили, что война неизбежна. Неясно было только, кто начнет первым: мы или они?

**
*

Мордехай Садовски, 19-летний ученик иешивы «Гар-Цион», в пятницу вечером приехал провести молебен «Йом-кипур» в воинскую часть на южном участке Суэцкого канала. Он отнесся к делу со всей серьезностью, установил в столовой священный ковчег, рядом положил «шофар». Правда, ситуация не располагала к длительной церемонии: в соответствии с приказом о полной боевой готовности молитвы решили проводить по ашкеназийскому ритуалу, — так было быстрее. Молясь, Мордехай обвел взглядом зал: кто-то думал о своем, кто-то спал — то ли от уста-

лости, то ли от сонной обстановки..

На следующий день командир посоветовал ему собрать вещи и быть готовым к отъезду в любую минуту. Мордехай кивнул — он учил «Гмору» и не мог сейчас прервать занятия.

**
*

В 2 часа дня по всей стране завывли сирены. Тысячи людей выскочили на улицы из домов и синагог. Что случилось? Включите радио! Что по радио? Музыка, все в порядке! Как в порядке, сегодня радио должно молчать! Может, кончился Йом-Кипур? В 2 часа дня?! Ах, эти олим, они ничего не знают! Спросите у ватиким. Тише! Последние известия! — Война.

**
*

На сирийской границе Йошуа Грин приступил к молитве «Мошаф». День был прекрасный.

Вдруг бункер вздрогнул от взрыва, Йошуа не успел ничего сообразить, как начался сильный артиллерийский огонь. Он выбежал из бункера и не поверил своим глазам: 20—30 сирийских танков уходили вглубь территории Израиля, а сирийские солдаты быстро возводили мост через противотанковый ров. Пронеслись израильские самолеты — и на мосту загорелся сирийский танк. Но по другим двум мостам танки арабов шли сплошным потоком, без помех и без остановок. Три из них отделились и устремились прямо на укрепление, воз-

ле которого в оцененении стоял Иошуа Грин.

Но солдаты уже стреляли и бросали гранаты, стараясь не думать о том, чем все это кончится и как они выберутся из этого ада. По радио передали о боях на Суэце. От этого становилось легче — одна беда на всех.

Всю ночь просидели они без сна, напрасно ожидая помощи, слушая непрерывный гул сирийских танков Т-55.

В воскресенье утром после мощной артиллерийской подготовки на них ринулась сирийская пехота. Отбивались вслепую, но было уже ясно, что долго так не продержаться. И тогда они вызвали огонь нашей артиллерии на себя, а после обеда попросили вывезти их из укрепления. Ответ был кратким: «Спасайтесь сами, как можете!» Они осмотрелись вокруг: везде были арабы. Тогда они зарядили оружие и решили стрелять только в порядке самообороны.

Бункер трещал и разваливался, сирийцы что-то кричали во дворе. Израильская артиллерия время от времени была по укреплению, и арабы разбежались.

Измученные, грязные, стояли наши солдаты у входа в бункер, отстреливаясь, когда сирийцы подходили слишком близко.

К вечеру израильские спасательные части вывезли их в безопасное место.

**
*

«Водитель, направо!» — Эфраим, водитель танка, повернул

направо, удивляясь в душе приказу командира. Там, куда они шли, был канал и могли быть арабы. Он еще не додумал до конца все это, как их окружили и командир был убит. Экипаж решил сдаться. Они открыли люк танка, но не успев высунуться и наполовину, были расстреляны египтянами. Эфраим остался в танке один и мгновенно закрыл люк. Ему стало страшно, когда он услышал, что египтяне минируют его люк. Оставалось ждать.

22 часа просидел он в танке, ожидая, пока арабы уйдут. Потом разминировал люк и добрался до израильского укрепления напротив Исмаилии.

**
*

Солдаты укрепления напротив Исмаилии внезапно увидели над головой египетские «Миги». В первую минуту Ави Яфе ничего не понял. Но очень скоро все прояснилось: сообщили, что египтяне форсировали Суэцкий канал, и огромная армия, оснащенная советским оружием, движется на Израиль. Но Ави и его друзьям казалось, что эта орда идет прямо на них. Над ними летели «Миги», вокруг падали снаряды, рядом проходили танки. В страшном напряжении стояли они с гранатами и «Узи» наготове и ждали, — ждали до тех пор, пока не поняли, что арабы прошли, не обратив на них никакого внимания.

Тогда Ави Яфе вспомнил свою тревогу накануне и египетских солдат, без оружия гулявших по Исмаилии. Неужели

их солдаты тоже ничего не знали? И как бы в ответ чей-то голос громко и зло произнес то, что думали теперь все: «Захватили нас врасплох, гады!»

На следующий день рано утром на них обрушились бомбы и сотни снарядов, а когда рассеялся дым, они совсем близко увидели египетские броневики. Эту атаку они отбили, но поняли, что арабы идут от укрепления к укреплению: кончают в одном — начинают во втором, кончают во втором — начинают в третьем. Ави Яффе был в третьем.

Бьдержав до вечера несколько египетских атак, они решили ночью уйти из укрепления. Получили разрешение по радио от Арика Шарона, подождали, пока зашла луна, и двинулись.

Они шли быстро, молча, в спасительной темноте и через 10 километров пути на бывших израильских позициях увидели египетские танки. А на рассвете, сами не зная как, оказались в самом центре танкового боя, и не обращая внимания на пули и снаряды, ничего не видя перед собой, они побежали вперед, в ту сторону, откуда шли им навстречу два израильских танка. Танки остановились, и из одного из них вышел Арик Шарон.

Через полчаса, глядя на ребята и рассказывая им обо всем, что с ними произошло, они поняли, что родились на свет второй раз.

**

Мордехай Сандовски стоял во дворе укрепления, с зави-

стью глядя на солдат, залезающих в танки. Свои дела он уже кончил и даже разрешил солдатам прервать пост, правда, после санкции главного раввина. Солдаты на шумели, напылили и исчезли со своими танками, а Мордехай тихонько спустился в бункер. Он сидел, поджав ноги во вьетнамских тапочках, и одной рукой гладил кошку, а в другой держал свою книгу. Но читать Мордехай не мог. Он был один во всем укреплении, совсем недалеко от Суэцкого канала и жадно прислушивался к звукам, доносившимся снаружи. Вот пролетели «Миги» — и издалека донесся грохот взрывов, а вот — полетели песок и камни и что-то загремело прямо над головой. Он побежал к рации, чтобы услышать хотя бы живой человеческий голос и попросить о помощи. Но можно ли делать это в такой святой день? И что сказали бы раввины Амитай и Лихтенштейн, увидев его здесь, под обстрелом?

Канонада, между тем, не утихла, и прикинув, что Йом-кипур уже наверно кончился, он позвонил и объяснил свое положение. Ему сказали — ждть.

И он снова сидел, и ждал, и пытался молиться, и услышав неясный звук снаружи, не выдержал и побежал вверх. Это были свои — машина везла в Митлу раненых и захватила Мордехая с собой.

**

Услышав сирену, экипаж «Фантома» бросился к своей машине и самолет направился к Суэцкому каналу разыскивать египетский вертолет с

командос, — было известно, что он проник в Синай. Вот и канал — голубая ниточка воды в желтой пустыне. Внезапно навстречу «Фантому» стремительно рванулись две зенитные ракеты «Сам»: буквально перед самыми глазами летчик видел оранжевый огонь из их сопел. В течение долей секунды он увернулся от ракет, и они пронеслись мимо. И тут же появилась следующая пара. «Черт побери!» — и снова молниеносный маневр, и снова ракеты прошли мимо цели. Кажется, все, больше ничего нет. Но и вертолета не видно. Вообще ничего не видно, над каналом и вокруг — сплошной дым.

Ночью он снова направился к каналу — бомбить мосты. Порадовавшись на лунный свет, летчик посмотрел вниз и ахнул: небо было полно разрывов и светящихся траекторий трассирующих пуль. «Как салют в День Независимости!»

Он снизился, сбросил бомбы и, заметив ракеты, поспешил уйти.

На базе он узнал, что двое его товарищей не вернулись...

**
*

Так прошел для них этот день, первый день войны, самый длинный Йом-кипур.

КОГДА ЗАТИХАЮТ БОИ

ОНИ СТРЕЛЯЛИ ОЧЕНЬ МЕТКО...

Шимон очень молод. Ему 20 лет. Потерял на войне руку и ногу.

«Это случилось в первый же день войны, — рассказывает он. — Мы передвигались танковой колонной, не зная точно, что происходит. Война это или нет? И вдруг началась стрельба, сильнейший огонь.

И сразу — прямое попадание в наш танк. Что-то загорелось. Мы испугались, что танк взорвется, но продолжали бой. Однако, вскоре стало ясно, что надо вылезать, а то погибнем. Я поднялся, чтобы выйти, и вдруг почувствовал два сильных удара, один за другим, и меня отбросило в сторону. Очнувшись я далеко от танка и только тогда заметил, что нет ноги. Просто нет и все. И рука едва держится. Но я был очень спокоен, даже безразличен. Почему? Наверно, потому, что считал себя смертельно раненым. А если так, то какая разница, как умирать: с ногой или без? Я лежал в пыли и не мог понять, почему я до сих пор еще не умер. Ведь по мне ударили так метко! Я лежал тихо, молча, потому что вокруг носились египетские танки. Я слышал крики их солдат. Я просто лежал и ждал смерти. И вдруг увидел своих. И тогда я крикнул. Одно только слово: «По-

могите!» Они подошли и подняли меня. И опять я увидел, что от меня осталось! Ноги не было, руки фактически тоже.

Теперь мне понятно, что такое война, и ясны ее последствия для меня. Без ноги и без руки, но остальное все в порядке. Я считаю, что мне повезло: я жив и есть вторая рука. Раньше я планировал получить отсрочку от армии и изучать психологию. Возможно, я смогу это осуществить.

Сейчас я обязан мобилизовать все свои силы для одной цели: успокоить свою семью. Семьи реагируют на это тяжелее самих раненых. Потому и настроение у меня должно быть хорошим. Надо быть мужественным ради них. Иначе они сломаются на моих глазах.

Мое ранение — это уже факт. Я утешаюсь тем, что я жив и могу жить дальше. Это много. Жаль, конечно, что так случилось, но самое страшное — это мысль, что жизнь конечна. А потеря руки и ноги — это такое несчастье, которое можно преодолеть. Странно, но это не трудно. Труднее с окружающими людьми: они не понимают моего состояния. Как же мне жить среди них, когда они не представляют себе, что именно случилось со мной?!»

ХОТЯ БЫ ПРИГОТОВИТЬ ДЛЯ НИХ СЭНДВИЧИ...

Некоторые раненые очень страдают от того, что они не могут участвовать в войне вместе с друзьями. Моше был тяжело ранен, теперь он парализован и передвигается, сидя в кресле на колесиках, к которому он привязан. Но больше всего беспокоит его не ранение, не физическая боль, а оторванность от друзей, которых он оставил на фронте.

— Меня зовут Моше, но пиши «Муц». Так меня звали в нашем полку. Но это неважно... В нашем полку есть и такие, которые все равно читать уже не будут...

Я остался жив, я был всего-навсего ранен в позвоночник. И перестал чувствовать ноги. Я надеялся, что это временное явление, и здесь, в больнице, мне сказали, что, возможно, это просто нервный шок, но возможно также, что задета кость. Первое время я требовал свое оружие, чтобы сразу вернуться на Голан, как только поправлюсь. Но оружия мне не дали.

Когда мой командир пришел навестить меня, я попросил не сообщать обо мне домой. Но ро-

дители уже знали и пришли ко мне в тот же вечер. И друзья из армии приехали при первой же возможности.

Знать, что ты парализован, — ужасно. Все воюют, а я лежу здесь и ничего не делаю. Я просил перевезти меня самолетом на фронт, я хоть чем-нибудь буду помогать ребятам, хоть сэндвичи им делать. Но и это невозможно. Это для меня тяжелее всего. Я так скучаю по ребятам, так хочется быть в своем подразделении! Я всегда считал, что человек растет, учится для того, чтобы, став юношей, взять в руки оружие. Идет война, а я беспомощен, как ребенок! Все мои друзья там, а я — здесь!.

Что касается моего нынешнего положения, то я не отчаиваюсь, но готовлю себя к самому худшему. Самое худшее — это — если я не поправлюсь. Если случится, что и в дальнейшем я не смогу двигаться, то главной задачей будет — достичь полной независимости. Но это касается только моего передвижения и все.

Хорошо, что я ранен не в голову. Вот тогда действительно было бы много проблем!

НЕ ДЕЛАЙТЕ ИЗ НАС ПРОБЛЕМЫ...

Вчера я кончила сидеть «шева» (семь дней), надела зеленую кофту с брюками и пошла в город. На улице, среди незнакомых людей мне спокойнее: никто не знает о моем горе и

ничто не выделяет меня из толпы.

Многие не понимают меня, считают, что я должна вести себя по каким-то особым правилам. Но я думаю, что прави-

ла эти облегчают жизнь им, а не мне. Все идет как по писанному, если я, например, плачу, а они стоят в трагических позах, переглядываются и утешают меня. Но если я не плачу, что они должны делать?

Как будто мало того, что я страдаю, надо, чтобы это было видно всем.

А мне теперь просто необходимо жить обычной жизнью: гулять по Дизенгоф, заходить в кафе, а если разговаривать, то с незнакомыми людьми, потому что с друзьями мне теперь говорить не о чем. Даже обычный вопрос при встрече: «Что слышно?» — имеет теперь совсем другой смысл. Всем известно, что слышно. О чем меня спрашивать? О самом главном или второстепенном? Если о главном — сыпать соль на рану; если о второстепенном — я подумаю, что специально, чтобы отвлечь меня. Улыбаться или нет? Они знают, и я тоже знаю, что о чем бы они ни заговорили, все затронет мое сердце.

В доме моих родителей, где я сейчас живу, обо мне чрезмерно заботятся и охраняют от всего, что, по их мнению, может напомнить о нем. Сестра, которая всегда вела себя при мне очень свободно со своим другом, теперь старается быть в моем присутствии от него подальше. А один из моих друзей встал и выключил телевизор, когда герои на экране поцеловались. Зачем и от чего меня оберегают? Разве я не знаю, что есть на свете молодые любящие пары, и им хорошо вместе? Разве мне не было так же совсем недавно?

Правда, есть люди, которые теряются в моем присутствии и избегают встречи со мной. Но это редко. В основном, возятся со мной, как с тяжелобольной: принимают за меня гостей, вают кофе, моют посуду.

Мы в конце концов попросили друзей не приходиться с соборезнованиями. Но это не помогло. Они все равно приходят. Им кажется, наверное, что они должны занять и отвлечь меня настолько, чтобы я не видела его даже во сне. Но кто дал им право решать, что для меня хорошо, а что плохо? А если я хочу думать о нем? Еще совсем недавно он был жив, мой муж, я до сих пор чувствую его своим мужем. Почему бы мне не думать о нем, не видеть его во сне?

У меня много дел, есть ребенок. Кроме того, меня одолевает сонливость. Я сплю днем, а в девять часов вечера я уже опять мертвая. А гости приходят и сидят, сидят...

Меня раздражает поведение родственников с моим ребенком. Они отрывают его от меня. Я хочу сама ухаживать за ним, следить, чтобы его жизнь была нормальной. Он осиротел, и все теперь жалеют и балуют его. Он уже стал капризным, но пока ему всего три месяца; когда он подрастет, я должна буду пожинать плоды воспитания. И нельзя ничего сказать!

Люди, с которыми я встречаюсь, боятся говорить со мной о моем муже, боятся спрашивать, где он погиб, когда и как? Что я знаю об этом? Знаю, что он погиб на Рамат-Хаголан, и все. Но они вообще

обходят эту тему и стараются говорить о чем угодно, только не о нем. Это глупо. Я могу и хочу говорить о нем. Это мой муж. Не нужно ходить вокруг да около. Спросите естественно и слушайте, слушайте, а не ставьте диагнозы о моем душевном состоянии и не переводите разговор на другую тему.

Есть люди, которые знают о нем много интересного, но боятся рассказать мне. Не бойтесь, это не причинит мне боли. Я рада буду знать о нем то, чего не знала. Не надо только идеализировать его. Он был нормальным человеком, в нем было и плохое и хорошее.

Мы были женаты около двух лет, и я не всегда понимала его и надоедала ему по мелочам, как всякая женщина. Он, например, хотел играть в теннис, а я — нет. Он шел один. А потом я ныла, почему он пошел без меня. Теперь это звучит глупо, но какое бы платье я ни надела, он не обращал внимания. Скажет только: «Хорошо, хорошо!», — а мне иногда хотелось комплиментов.

Я знала его очень хорошо, и если уж вы рассказываете мне о нем, то, пожалуйста, только правду.

С тех пор, как это случилось, я много говорю. От этого мне легче. Говорю о чем попало, все равно. Люблю вспоминать о прошлом. О себе. О нем. О моем и его детстве. Может показаться странным, что я обращаю внимание на мелочи, не имеющие никакого отношения

к нынешнему моему положению. Но я пытаюсь делить свое горе на части, не чувствовать все в один раз.

Его фотографии я еще не смотрела. Потом. Но зато бывала на его работе, хотелось увидеть, где и с кем он работал. Когда я попросила разрешения сесть в его кресло, все испугались. Разве я сделала что-то ненормальное?

Среди близких людей я чувствую себя, как под микроскопом. Мои действия постоянно препарируются. С повышенным вниманием принимается каждое слово, взгляд, движение. Большой вопрос: что прилично делать в моем положении, а что нет? Я хочу пойти в кино, но это неприлично. Хочу развлечься — это уже скандал. Я не считаю, что должна перед кем-либо отчитываться. Все советуют мне успокоиться, а когда я хочу сделать что-либо для этого, они твердят, что это не принято. Могу я жить без внешних признаков скорби? Могу есть мороженое? Я в самом деле сильный человек или только притворяюсь?

Я сказала друзьям, что в недалеком будущем собираюсь поехать во Францию и увидеть Лувр. Я рисую и люблю искусство, и мечта всей моей жизни осесть на месяц-два в Париже и все время проводить в Лувре. Я поняла тогда, что они думают: «Посмотрите на нее! Это толь-

ко что случилось, а она уже хочет поехать за границу!» Почему нет? Почему теперь я должна отказаться от своей мечты? Я нормальный человек, и моя жизнь еще не кончилась.

Вообще, возникает много проблем. Красиво или некрасиво, но ко мне заходят парни, которые ухаживали за мной до замужества. Это вызывает разговоры. Я сейчас в таком положении, что должна обдумывать каждый свой шаг и каждое слово.

Легче всего мне с моими учениками в гимназии, где я работаю. Вот у кого понимание и зрелость чувств! И они свободны от предрассудков, которые отдалают меня от моих взрослых друзей.

Но я еще счастливая. У меня есть родители, которые понимают меня до конца. Это редкий случай.

Куда тяжелее с родителями мужа. Они меня очень любят, но я знаю, что будет разумнее не сближаться с ними особенно. Это трудно. Их боль не пройдет никогда. Они очень любят своего внука — единственное, что осталось от их сына. Но уже теперь они говорят, — и это большое мужество с их стороны, — что мне надо обзавестись новой семьей, чтобы у ребенка был отец. Но сделать хотя бы один шаг в этом направлении под их взглядами просто невозможно.

Каждый день я возвращаюсь в нашу квартиру, к своему ре-

бенку. Чтобы не было так одиноко, приглашу к себе пожить подругу или студентку. И я сразу же вернулась в школу — преподавать. Я люблю преподавать. Самое главное — быть занятой.

Между прочим, мне сказали, что хотят издать книжку в память о моем муже. Что-то вроде «Воспоминаний друзей». Вначале я вела себя ужасно. Зачем это нужно? Я хорошо его помню и без документов. Потом подумала, что все-таки... Не для меня, для сына. Когда вырастет — пусть прочитает о своем отце.

На следующий день после того, как я узнала, что случилось, я стала искать и нашла себе врача — психолога. Мне трудно самой справиться с новым положением. Психолог — приятная молодая женщина, чуть старше меня. Она очень помогает мне. Я даже чувствую свою зависимость от нее и знаю, что в будущем должна буду освободиться от этого. Но пока мне еще можно. От нее я узнала, что многие мои выводы были абсолютно правильными, и это меня особенно радует.

Вообще, приятно разговаривать с людьми. У меня много замужних подруг, с которыми я буду встречаться. Но уже сейчас я знаю, что это будут встречи без их мужей. Я не хочу видеть скованность, которую они почувствуют из-за меня.

Сейчас журналисты много пишут о войне, о смелости, о добровольцах на фронте и в тылу. Я думаю, что они должны обратить внимание и на нас, вдов. Но хватит писать о том, как мы сильны, какие у нас сухие глаза и как мы сами успокаиваем других. Нужно обратить внимание на повседневную жизнь и объяснить людям, что несмотря на боль, мы остались нормальными людьми и нуждаемся в человеческом, а не стерильном отношении. Объяснить, что можно вести себя с нами просто, можно улыбаться, а помогать — только тогда, когда это действительно необходимо. Нам не нужны призы и не нужны разбитые из-за нас сердца. Не делайте из нас проблему, из нас, вдов и сирот, которых так много после этой войны.

И объясните родственникам, что и вдова — мать, а по правде, так и мать, и отец, и не надо мучить детей жалостью. Объясните, что несмотря на трагедию, мы не потеряли связи с жизнью, что можно радоваться и целоваться при нас. Не бойтесь. Мы остались одни, и впереди у нас еще много работы. Нужно как-то собраться, поймать оборвавшиеся нити и тянуть воз дальше.

Между прочим, сначала я хотела отказаться от пособия Министерства обороны. Я еще молода и работаю, зачем же мне еще больше затруднять страну? Но подумав, решила не делать так. Из-за

сына. Я не хочу, чтобы из-за того, что у него нет отца, ему чего-то не хватало. И если уж я затронула эту тему, то хочу сказать, что от Министерства обороны нами занимаются чудесные, замечательные люди. Они всеми силами стараются помочь нам в нашей горе и делают для нас очень много.

И последнее слово — к нашим политикам. И это подчеркните, пожалуйста. Еще не успели окончиться бои, еще не схоронили всех убитых, а они уже начали свои еврейские войны. Я знаю, что такова дорога политики, но между нашими стульями падаем мы. Вы папете на наших спинах, не дожидаясь даже, пока заживут раны.

Я знаю и верю, что мой муж пал на Рамат Хаголан на справедливой войне и что он честно выполнил свой долг. Еще я верю, что руководители армии и правительства также исполнили свой долг, как было нужно. Пока я знаю и верю в это, я могу терпеть боль и бороться с ней. Но если во время борьбы за власть вдруг выяснится, что смерть моего мужа была напрасной, пусть обрушится небо на меня и на моего сына!

Так если остались у вас хоть немного уважения к тем, кто погиб, и к тем, кто страдает, и если все ваши слова не вода, отложите публичную стирку грязного белья до тех пор, пока не заживут раны.

ГОЛОСА ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ

Арабские страны при политической и военной помощи советской империи напали на Израиль.

Напали в самый священный для евреев день — в Йом-Кипур.

Рвались снаряды, падали бомбы, лилась кровь. Матери теряли сыновей, жены — мужей.

А деятели культуры Европы и Америки сохраняли молчание. Для арабов это была война престижа, для их покровителей — способ достижения своих империалистических целей, а для маленького Израиля — вопрос жизни и смерти.

Снова — в который уже раз! — многострадальный еврейский народ стоял перед страшной угрозой уничтожения.

А деятели культуры молчали. Не протестовали, не возмущались. Будто в мире ничего не случилось. А некоторые из них даже объединились с шантажистами и их мрачными вдохновителями.

Но не все оставались бесстрастными наблюдателями. Заговор молчания был нарушен. Писатели Израиля персонально и через писательские организации разных стран получили письма, выражающие солидарность с еврейским народом. Генрих Белль в интервью, транслировавшемся по германскому радио и телевидению, поддержал идею проведения очередного конгресса Пен-клуба в Иерусалиме. Знаменитый швейцарский драматург Дюрренмат занял отчетливо произраильскую позицию. От 35 центров Пен-клуба не поступило не одного отказа приехать на конгресс в Иерусалим.

Все это, конечно, утешает. Но смогут ли эти честные, мужественные выступления смыть позор с тех деятелей культуры и науки, что промолчали?

Ниже мы публикуем три письма американских и европейских писателей, выражающих позиции их авторов в войне «Йом-Кипур».

**
*

Господину Мелору Стуруа,
редактору Иностранного
отдела газеты «Известия»,
Москва, СССР.

Дорогой Мелор!

Помните ли Вы тот вечер, когда Ваш сын бегал по коридору, не выпуская из рук подаренную мной книгу с автографом? Мы улыбнулись друг другу — приятно смотреть на веселых детей! Потом ребята

рассказывали друг другу об учебе и школьных делах, а мы обсуждали войну во Вьетнаме, говорили о Пушкине и Достоевском, о новых фильмах, вспоминали Ваши поездки с Хрущевым. Это была интересная беседа и приятный вечер, один из

тех привычных, традиционных вечеров, которые особенно милы нам своей традиционностью.

Однажды, позвонив Вам, я узнал, что Вы уехали из нашей страны, что Вас отозвали в Москву и назначили на должность редактора Иностранного отдела газеты «Известия».

Я знал, что Вы не ожидали этого, и побоялся спросить о Вашем здоровье... Но в памяти всплыли Ваши слова о постоянно преследующем Вас агенте ФБР; припомнился и тот немец из Восточной Германии, что предупреждал меня не посещать в Москве Виктора Луиса во время моей поездки в СССР.

Тогда нам было смешно: что за толк в этой слежке? кто мы? просто писатели, мужья, отцы...

Сейчас я, зная Ваш интерес к Америке, хотел написать Вам письмо. Об Уотергейтском деле, о том, как трудно русскому понять, что означает для нас это следствие. И я написал бы Вам, если бы смог разобраться во всем этом. Но я не разобрался и уверен лишь в том, что Америка выдержит потрясение, вызванное этим делом. Впрочем, это для Вас не новость! Ведь наша беседа о революции в Америке была с Вашей стороны лишь искусно разыгранным спектаклем!

А может, следовало поговорить с Вами о положении тех советских писателей, которые не желают идти в общей упряжке? Но это разговор не для Вас. Или вспомнить те послеобеденные часы в кафе «Виктор», когда черный гороховый суп напомнил Вам «харчо» и

Грузию и Вы слегка опьянели от еды и выпитого вина? Вы говорили о Солженицыне, о врагах, которых он нажил себе из-за своего скверного характера. Вы еще спросила тогда, слышал ли я, чтобы Солженицын хорошо отзывался о ком-либо из писателей? Я промолчал, а когда Вы заговорили о Евтушенко, о том, что он пишет слишком много, коряво и на любые темы, — я рассмеялся.

Но и Вы согласились со мной, что Надежда Мандельштам написала сильную книгу. Мы всегда соблюдали в своих беседах тактичную сдержанность, старательно обходя острые углы.

Нас познакомили в Министерстве иностранных дел, — Вам хотелось войти в среду американских писателей. Может быть, это Министерство невольно определило и тон наших отношений? А помните, как напуганы были Вы однажды, когда Герберт Голд, насмешив нас русскими каламбурами, стихами и поговорками, вдруг заговорил о репатриации евреев из СССР и об отношении России к Израилю? Тогда его поведение показалось мне бестактным: Вы были вдвойне моим гостем — и в моей стране, и в моем доме, и Вы были только корреспондентом «Известий», а не работником МВД или МИДа СССР.

Я не могу судить о Вашем писательском таланте, возможно, Вы просто удачливый политик. Мои книги вы читали, а я Ваши — нет, ибо не знаю русского языка. Но о нескольких своих произведениях Вы

рассказывали мне сами. В одном из них описана молодая революционерка, потерявшая руки во время непредвиденного взрыва подложенной ею бомбы. Фраза: «Я целую твои руки», — показала мне смешной и мелодраматичной, Мелор, а с точки зрения художественной — просто ужасной. Но я Вас понимал, Вы воспитаны в другой традиции и иначе понимаете литературу. Когда я был в Советском Союзе, меня тоже пытались убедить, что революция состоялась благодаря Марксу, Ленину, Толстому и Горькому; что писатель — это солдат, слово — оружие, а мысль может нажать на курок! Поэтому ваши власти до сих пор еще боятся Достоевского! Поэтому Вы и целуете мертвые руки революционерки и ее кровавые раны!

Я — потомок тех, для которых политика войны всегда была чужда и непонятна, которых волнуют проблемы вселенной, человечества, времен и нравов.

Но и вы, и я — оба мы верим, что искусство и жизнь друг без друга не существуют.

Тогда, когда Вы читали мне свой рассказ, я промолчал. Я был тогда гостеприимным мечтателем.

Теперь у меня нет больше иллюзий. Я услышал вой ракет, грохот взрывов, заглушивших божественные звуки молитв, увидел в небе черные силуэты самолетов, несущих смерть моему народу. Россия — эта гора для моих соплеменников — мой враг. В Синае, в древних песках, умирают наследники Моисея, убитые русским оружием.

Это убийство, погром, а арабы — те же казаки!

Там, в песках, так много убитых, сожженных, раненных!

Мелор, я целую их руки и их окровавленные раны!

Арэл ШУРИЕ,
американский писатель, еврей.

Известный американский писатель Сол Слоу прислал письмо в израильский центр Пен-Клуба в Иерусалиме.

«В 19 веке Франция была одной из первых стран Европы, предоставивших политическую свободу евреям. В современной Франции — и это очень горько сознавать! — отношение к евреям более чем отрицательное.

Наше столетие началось антисемитским процессом Дрейфуса, затем — в сороковые годы — пришел Виши, а сейчас существует правительство Помпиду, которое, поболтав чуть-чуть о нейтралитете и объективизме, приняло арабскую сторону в этой войне. С политической точки зрения французы объединились сейчас со всеми врагами Израиля, а также с африканскими демагогами. И публичное выступление господина Мишеля Жобера, в котором он заявил, что «Франция всегда была за мирное урегулирование посредством переговоров», — прозвучало весьма кстати! Далее господин Жобер восклицает: «Неужели попытка вернуться домой является неожиданной агрессией?!».

Слово «дом» в этом смысле звучит весьма странно, тем более, что слыхано ли дело, чтобы домой ходили с русскими танками, ракетами, с русскими

и французскими самолетами?

Господину Жоберу известно, разумеется, решение Совета Безопасности от 22 ноября 1967 года, одинаково относящееся к Израилю, Египту и Сирии? Оно призывает, во-первых, к мирному договору, и, во-вторых, предполагает отступление Израиля к согласованным и безопасным границам.

Интересно, что сделает Франция для свободы и безопасности Израиля, если он будет побежден при помощи русского оружия и арабской нефти?

Всем ясна сложность ближневосточной проблемы: и к арабам надо быть справедливым и евреев нельзя уничтожить! В соответствии с этим существует два вида французской морали: мораль прогрессивная и мораль антисемитская. Антисемитизм существовал во Франции и в 18 веке — в среде интеллигенции, и в 19 веке — в революционных кругах.

Какая же мораль победит сейчас?

Будь Израиль маленьким, демократическим, но не еврейским, а, скажем, африканским государством, атакованным шестью своими соседями при полной поддержке империалистической супердержавы, — как тогда реагировала бы Франция?

Я, как и все мои современники, привык к безответственной деятельности и болтовне политиков, к дешевым спектаклям в ООН. Но политика Франции поражает меня своим растущим и неприкрытым цинизмом.

Конечно, глупо надеяться, что правительство будет строить

свою политику в соответствии с культурными традициями своей страны. Но почему бы Франция не учесть, что Израиль — современное, демократическое государство, а арабские страны находятся на феодальном уровне развития, ненавидят «тузюков» и управляются диктаторами? Неужели у французского правительства нет ни капли преданности принципам свободы и равенства, тому, что всегда было главным в культуре Франции?

Что ж, придется признать, что культура во Франции, так же как вино, сыр и духи, является всего лишь предметом экспорта!

Письмо немецкого писателя
израильскому писателю
Бартову.

Рим, 7.И.73 г.

Уважаемый господин Бартов!

Антиизраильское решение стран, участниц Общего рынка, от 6.И.73 г. — это шаг в сторону уничтожения демократии в Европе. Когда Европа из-за холодной зимы плюет на судьбу Израиля и на совесть, появляется опасность и для независимости писателей.

А может, это классическая реакция европейцев — равнодушные к преследуемому меньшинству, маскируемое высокопарными рассуждениями о морали? Допустим на миг, что Израиль неправ, ведь не проблема же справедливости интересует европейских правителей! Их позицию точно определяют слова Лессинга, в отличие от других немецких писателей яв-

когда не бывшего антисемитом: «Ну, сожгут еврея, подумаешь...!».

Неужели гуманные люди и народы всегда в меньшинстве?

Любая война бесчеловечна. Человек, погибающий от меча ближнего, всегда является жертвой. Человечество и по сей день не научилось разрешать свои конфликты без войн. Это так. Но Израиль не нападает, он защищается и косвенным образом отстаивает существование всех меньшинств.

Многие писатели выразили

желание приехать на международный конгресс Пен-клуба в Иерусалиме в декабре 1973 года не только как на литературный форум, но и с целью продемонстрировать свою солидарность с Израилем. Я надеюсь, что предстоящий конгресс пройдет под знаком мира

Мы будем рады приветствовать израильский центр Пен-клуба в качестве хозяина конгресса.

С пожеланиями всего
наилучшего

Ваш Герман Кастен.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Тишина. Замок Шенау потихоньку засыпает.

Близится полночь, а я все брожу по пустынным аллеям старинного парка. Над головой тихо шепчутся вековые вязы, под ногами шуршат первые опавшие листья. В прохладном осеннем воздухе слышны гортанные голоса часовых. Они прогуливаются вдоль забора из колючей проволоки с овчарками на поводках, с автоматами на груди. Яркий свет прожекторов вырывает из тьмы их силуэты, и я изредка останавливаюсь и долго гляжу на все это. Колочая проволока. Овчарки. Яркий свет прожекторов. Часовые в кителях стального цвета. Гортанные, так хорошо сохранные памятью голоса... Смотрю на все это, один в пустом, притихшем парке... Где я? И что все это значит? Но через мгновение улыбаюсь собственным мыслям. Тогда, сопровождаемые овчарками, они нас вели на смерть, теперь, с теми же овчарками, они охраняют нас от смерти...

Да. Меняются времена.

Самолет вылетел поздно. Далеко видны были огоньки каких-то неведомых городов и сел. Чьи они? Какой стране принадлежат? Кто живет в этих домах и что делают люди в столь поздний час?

Все это уплывает и остается позади, как остается позади вся прожитая жизнь. Полвека! Прожитые годы и те, что суждено еще мне прожить на белом свете, разделит эта ночь. Ночь — черта! Как черта оседлости, черта концентрационных лагерей, как невидимая глазу, но так хорошо ощутимая черта, начинающаяся со слога — «не». **«НЕ ПРИНИМАТЬ. НЕ ПОВЫШАТЬ».**

Исчезли внизу огоньки: летим над морем. За иллюминацией — звезды, необыкновенно крупные, яркие и такие близкие, что, кажется, — высунь руку и коснешься их пальцами.

Неожиданно быстро начинает светать. Побледневшая зари и наш самолет стремительно несутся друг другу навстречу. Внизу виднеется море, потом, далеко-далеко впереди начинает вырисовываться берег — золотистый, почти сказочный.

Как зачарованный, гляжу на быстро приближающуюся землю и спрашиваю себя: неужели там, за теми еле виднеющимися холмами, или на склонах тех высоких гор, окутанных синей дымкой, жили когда-то, давным-давно, мои прямые предки?! В это почти невозможно поверить. Но я знаю, что это так. Жили! Вот на этой, расстилающейся подо мною земле. Ведь не с неба же мы упали, я и эти дремлющие вокруг евреи.

Самолет делает крен влево, и земля вдруг начинает быстро подниматься вверх, навстречу. Становится тяжело дышать...

За всеми этими мыслями и волнениями я забыл о главном, — что там война! Правда, и война эта была для нас до сих пор чем-то абстрактным. Близкая и в то же время далекая, как эта земля, по которой мы несемся теперь в такси в направлении

Нахарию. И вдруг война дохнула мне в лицо всем своим смердящим угаром: с платформы огромного грузовика, стоящего у переезда через железную дорогу, глянул на меня подбитый советский танк Т-54. Снаряд попал в основание башни. Башню заклинило. Ствол стомиллиметрового орудия опущен, как сломанный клюв чудовищной птицы.

И сразу всплыла иная картина...

...Озеро Балатон. Немцы окопались на вершине высокого холма. Наш танковый батальон пошел в атаку. В ушах еще и теперь стоит лязг гусениц, рев моторов, грохот взрывов, короткие, рывкающие приказы в наушниках шлема. Тогда все было привычным, обыденным: шел четвертый год войны. Через смотровую щель я вдруг заметил, что танк моего друга Саши Шнайдермана выпускает густое, черное облачко дыма, а еще через миг — яркое пламя, охватившее всю машину. Танк горел как огромная коробка спичек.

Я прилип к смотровому прибору — успеет ли Саша выпрыгнуть! Но нет! Пламя все ярче и ярче...

— Какую, ребята! Сашин экипаж накрылся!

И не успел я закончить фразу, как перед самым носом нашей машины вздыбилась земля.

— Метко стреляют, сволочи! — процедил сквозь зубы Ваня Фирсов, мой механик-водитель.

Это были его последние слова: следующее попадание было точным.

Тот, кто хоть раз в жизни слышал, сидя в танке, звук попадающего в броню снаряда, знает, что описать невозможно этот жутко-ядовитый звук, пронизывающий все насквозь. В следующее мгновение в нос ударяет запах горящего масла. Это ты чувствуешь, если ты еще жив.

— Прыгай!

Фирсов не шевельнулся. Он был мертв. Остальные выпрыгнули. Успели. Потом ребята показали мне на полу моего полшубка. Она была пробита осколком.

Фирсова мы потом вытащили. Огромная головешка... Мы прошли вместе почти всю войну.

И теперь... Гляжу на стоящий передо мной подбитый танк. Он так похож на тот, сгоревший тогда у озера Балатон.

Может быть, тот, кто учил араба водить его и стрелять из него, был далеким родственником Вани Фирсова? Или даже его младшим братом? Невероятно! Но почему же? Вот он, танк, стоит перед моими глазами такой знакомый во всех деталях и такой жуткий для меня в эти мгновения.

Да, меняются, меняются времена.

Такси быстро несется по гладкому асфальту. Вокруг — апельсиновые рощи. Из густозеленой листвы мигают нам оранжевые шарики апельсинов. Справа — высокие скалистые горы, слева — море. Оно стелется — гладкое ласковое — и убегает да-

леко-далеко на запад, а там, на горизонте, море и небо сливаются в единое целое, и не верится, что в этом благодатном покое, в этом сказочном мире может бушевать где-то совсем рядом война.

Но вот еще один подбитый танк, и еще один...

В Нахари́и нас должна встретить двоюродная сестра. Много лет тому назад она приехала в наш маленький приднестровский городок прощаться перед отъездом в Эрэц. Я был тогда еще ребенком, но хорошо помню, как они стояли вдвоем — она и ее жених — двое халуцим. Возле своего жениха — высокого, широкоплечего парня с добрым лицом — Роза казалась совсем маленькой. Только глаза были большие и печальные на узком девичьем лице с острым носиком. С тех пор прошло почти сорок лет! «Как выглядит Роза теперь? Если мне уже стукнуло пятьдесят, то ей уже около шестидесяти. И жизнь была не из легких — четверть века в кибуце, со дня его основания, потом трое взрослых детей — два парня и девушка...»

Два парня! Как же я об этом не подумал? Два взрослых парня! Они, наверняка, там, на фронте.

Навстречу все чаще и чаще попадают подбитые танки. Вполне возможно, мелькает в голове, вполне возможно, что и розыны сыновья танкисты. Или летчики. И, быть может, те развороченные гусеницы и заклиненные башни — дело и их рук. Подбил же их кто-то, стоял же кто-то стеной перед страшной лавиной из стали и огня!...

Роза нас не встретила, и тревога мгновенно выросла в огромную черную тучу. Не выдержав, набираю номер.

— Да, — раздается в трубке незнакомый густой бас.

— Это говорит только что прибывший в страну розин брат.

— А-а! С приездом! Я муж Розы. Прости, что не приехали встречать, но... Роза в Беер-Шеве. Сын там лежит в больнице. Он тяжело ранен.

Голос глубокий и как-будто спокойный.

— Простите, я не знал.

— Откуда же тебе было знать?

Я долго молчу, не знаю что сказать, а сказать что-то надо, и я произношу первые попавшиеся слова, тут же чувствуя, что вопрос глупый, никчемный.

— Какой же из ваших сыновей? Их, кажется, у вас двое.

— Да. Двое. Младший. Он танкист.

— Танкист?! — вырывается у меня поневоле.

— Да, танкист. Но теперь он лежит тяжело раненый.

Я стою, немой, с забытой трубкой в руке.

— Алло! Ты меня слышишь?

— Да, да!

И глубокий бас будто старается меня успокоить:

— Тут родственники, что приехали до тебя, увидев Амнона, говорили, что он удивительно похож на тебя. И внешне, и голосом, и даже повадкой. И Аммон очень тебя хотел видеть. Он с нетерпением ждал твоего приезда. Он все шутил: «Хочу посмотреть на

себя со стороны, и заодно увидеть, как я буду выглядеть через тридцать лет». А теперь он в больнице..

— К нему можно поехать?

— Можно, конечно. Но боюсь, что к нему не пустят. Он — под стеклянным колпаком лежит и никого к нему не допускают.

— Все равно поеду.

— Как хочешь. Там и Розу увидишь. Она днем и ночью возле больницы.

И вот мы стоим рядом — Роза и я — у входа в больницу. Она такая же маленькая, с седыми висками, с высоким, изборожденным морщинами лбом. Глаза, как и прежде, большие и добрые, — очень встревожены. Она все время молчит, и я не знаю, что говорить, как утешить.

К Амнону не пускают, и мы ждем у входа врача. Амнону сделали шесть пластических операций. Из скупого розинога рассказа узнаю, что его танк был подбит, загорелся. Амнон приказал членам экипажа выпрыгнуть, а когда решил выбраться из горящей машины сам, передний люк был уже весь красный. Его заклинило. Амнон хотел толкнуть его руками и обжегся. Пришлось пробиваться через пламя к верхнему люку. И вот — шесть пластических операций... Стеклянный колпак...

На пороге появляется врач. Роза ничего не спрашивает. Только глаза — ее огромные, карие, застывшие глаза — глядят на человека в белом халате.

— Все идет нормально, — спокойно говорит доктор. — Выживет. А это — главное.

— А руки? — спрашивает Роза.

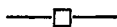
— С руками дело хуже. Возможно придется ампутировать пальцы правой руки.

Стоим молча. Не радостна, ох, как не радостна наша встреча после столь долгой разлуке. Там, за этими каменными стенами, лежит неподвижно, под колпаком, ее младший сын, и еще неизвестно, что будет с его правой рукой. Но как он будет выглядеть внешне, я хорошо знаю. Он горел в танке, а как выглядят после этого танкисты мне приходилось видеть, и не раз. Ведь и я мог гореть. На озере Балатон, или в другом бою. Но судьбе было угодно, чтоб я уцелел, Амнон же не уцелел, и я его больше никогда не увижу таким, каким он был до боя — двадцатилетним, со смуглой, гладкой кожей, с сильными, большими, как у отца, руками, с высоким, покатым, как у матери, лбом. Шесть пластических операций. Выговорить это, и то стоит невероятных усилий. Мысль же о том, что воюя против гитлеровцев, мы тоже как-то, косвенно, защищали эту древнюю землю, не утешает. И во мне поднимается чувство неведомой тяжелой вины.

Роза, наконец, поднимает глаза, долго меня разглядывает, будто только что увидела, и говорит тихим голосом:

— Как он на тебя похож, Амнон! Будто младший твой брат.

Нахария, октябрь, 1973 г.

ЭТО НЕ ТОЛЬКО РАСКОПКИ

Известному археологу профессору Игалу Ядину за книгу «Бар-Кохба» была присуждена премия имени Жаботинского. На церемонии вручения он сказал, что никогда не принадлежал к какой-либо политической партии. Однако, на мировоззрение ученого большое влияние оказала книга Жаботинского «Самсон-Назорей».

— Хотя я был воспитанником «Хаганы»,— говорил И. Ядин,— и не принадлежал к организациям «Эцел» и «Лехи», руководителем которых был Жаботинский, я утверждаю, что он был одним из величайших руководителей еврейского народа и сионистского движения. Его взгляды, принятые и непринятые, повлияли на ход создания еврейского государства больше, чем взгляды других руководителей, чьи заслуги общеизвестны.

Политическим руководителям не всегда удается осуществить свои планы. Даже Моисей не вступил на свою землю. Иногда важнее указать дорогу. Ученый вспомнил слова Жаботинского, сказанные в 1929 г. руководителям организации «Бейтар»:

— Вместе с вами будем искать, блуждать и ошибаться до тех пор, пока не найдем того, чего искал и не нашел Ахад Гаам, искал и не нашел Герцель, искал и не нашел Трумпельдор: облик еврейского по-

коления, не только жаждущего возрождения, но и способного к возрождению.

Значение этих слов трудно переоценить, и они актуальны и по сегодняшний день.

В заключение профессор Ядин выразил надежду, что точно так, как мы дожили до обнаружения Маадады и нашли останки воинов Бар-Кохбы, мы возродим «Бейтар» из его руин.

После войны за независимость меня часто спрашивали, как повлиял Танах на успехи ЦАХАЛа. Одному английскому генералу я сказал: «Во время второй мировой войны величайшие полководцы включали в свои приказы слова из Танаха, чтобы поднять дух солдат. В нашей же войне, когда, кстати, Танах являлся частью снаряжения каждого солдата, командиру не надо было долго искать главу, описывающую, как несколько тысяч лет тому назад наши предки воевали на том же самом месте. Кодовое название, взятое из пасхальной Агады «Десять казней», действовало на солдат больше, чем самые напыщенные приказы командования.

Святое писание и многие исторические описания помогают археологу в Эрец Исраэль как большой вдохновляющий фактор, которым не располагают исследователи других стран. С детства я почитал Шлимана, который держал в одной руке

творения Гомера, а в другой — лопату для раскопок. Ему удалось обнаружить Трои и Микены, о которых многие думали, что это — плод фантазии. Но я даже не мог представить себе, что придет день и мне посчастливится вместе с другими археологами-евреями шагать с Танахом в руке, как с настоящим путеводителем, указывающим наиболее подходящие места для раскопок, что Мишне и Талмуд помогут понять содержание пергаментов Мацады и Бар-Кохбы.

Как археолог, я заинтересован и в поисках следов первобытных людей, ибо для меня, исследователя истории нашего народа, представляет ценность любая находка. Наиболее радостные дни были у меня, когда мы обнаружили замки и крепости Соломона в Хацоре и Мегиддо, когда нашли следы воинов Мацады и послания Бар-Кохбы. Но самое волнующее — то, что мне посчастливилось быть одним из первых, кто обнаружил и прочел ивритские свитки, спрятанные в пещере более 2000 лет тому назад.

ХАЦОР

Ученые, изучающие времена Иегошуа, историю завоевания нашей страны, исписали немало чернил и вели бесконечные споры о достоверности событий, описываемых в книге Иегошуа. Немецкие исследователи, например, писали, что в этой книге нет достоверных исторических фактов. Когда была завоевана страна? И была ли она вообще завоевана? А ведь это главные проблемы при исследовании прошлого Эрец Исраэль и изра-

ильского народа. Ясно было одно: ключом к пониманию прошлого является история завоевания города Хацор, описанная во второй главе в книге Иегошуа: «Услышав сие, Явин, царь Хацора... и выступили они и все ополчение их, с ними многочисленный народ... И собирались все цари сии, и пришли и расположились станом вместе при водах Мейрома, чтобы сразиться с Израилем... И Иегошуа взял Хацор, и царя его убил мечом (Хацор же прежде был главою всех царств сих)... А Хацор сожжет он огнем».

Много было теорий для понимания этой главы, но все оказались не приемлемыми потому, что исследователи сомневались в исторической правдивости написанного. И вот в 1955 г. я получил возможность участвовать в раскопках в Тель-Адире, между Айелет-Гашахар и Рош-Пина. Наша группа была одной из самых крупных, когда-либо действовавших в стране.

У подножия холма находилась площадь в 700 дунамов, защищенная огромной насыпью. Ранее ученые предполагали, что она являлась местом стоянки колесниц. И каково же было наше волнение, когда стало выясняться, что эти руины не что иное, как остатки города Ханаана времен Давида, который в 15 раз больше Мегиддо или Иерусалима. Стало ясно, что это город Явина. И все же нас мучил вопрос: как и когда был уничтожен город? Случилось это вследствие землетрясения или пожара? Произошло ли это во времена Иегошуа?

Трудно описать нашу радость,

когда среди развалин домов мы обнаружила черепки «Микенского типа». Обычно такие черепки находят в районе Средиземного моря, и они не представляют особой ценности. Не думаю, что археологи когда-либо так радовались, как мы, когда обнаружили эти вещи в Хацоре. После долгих исследований стало ясно, что наши находки датируются XIII веком до н. э., а это свидетельствует, что Хацор пал во времена Иегошуа. Черепки были найдены и в пластах земли, среди остатков города, уничтоженного огромным пожаром. Таким образом, еще раз доказана достоверность описанных в Танахе событий.

СОЛОМОН (ШЕЛОМО)

Имя Соломона (Шеломо) по сей день вызывает разные ассоциации: для почитателей женщин — он величайший возлюбленный, для любителей рысаков — искуснейший коневод, для мудрых — он мудрейший, для археологов — величайший строитель. В «Книге царей» написано: «Вот распоряжение о подати, которую наложил царь Шеломо, чтобы построить храм Господу и дом свой, и стену Иерусалима, и Хацор, и Мегиддо, и Гезер».

Мне думается, что вряд ли еще существует часть Танаха, которая бы так помогла археологам. С самого начала раскопок мы поставили перед собой задачу: обнаружить Хацор Шеломо, который был построен одновременно с Гезером и Мегиддо. Много лет тому назад в Мегиддо были обнаружены ворота с

особыми приметами, которые исследователи относили к времени Шеломо. После того, как были обнаружены при раскопках в Хацоре похожие ворота, стало ясно, что найдены ворота Шеломо.

Когда факты подтвердились, мы разметили план города Мегиддо (место раскопок). По забитым кольшкам в разных местах и по ходу работы мы предсказывали, что и где будет обнаружено. Видя, что наши предсказания сбываются, рабочие стали смотреть на нас как на чудотворцев.

Ученые, занимавшиеся раскопками в Гезере в начале нашего столетия, не обнаружили следов, похожих на ворота Мегиддо или Хацора. Однако, осваиваясь на этой главе, я решил еще раз внимательно просмотреть археологическую литературу. Моему волнению не было границ, когда я обнаружил рисунки ворот, которые напоминали найденные в Мегиддо и Хацоре. Английский Макалистер считал по ошибке, что они являлись частью крепости Хашмонаев. Я решил еще раз все проверить. И в написанной позднее статье на основании главы из Танаха доказывал, что это — строения эпохи Шеломо. И все-таки я прекратил раскопки в Гезере из-за опасения разрушить собственными руками прекрасную гипотезу. Я рад, что работу завершили другие, более объективные люди.

Недавно в Гезере закончили раскопки американские геологи. Они искали ворота Шеломо. Из-за неуверенности американцы называли их «ворота-

ми Ядина». И они действительно обнаружили вторую часть ворот, а черепки, найденные на этом месте, оказались черепками времен Шеломо. Один из ученых был так взволнован, что даже статью о раскопках закончил словами: «Действительно, Шеломо построил Герзер!».

СВИТКИ

Обнаружение свитков времен второго Храма было одним из важнейших открытий в нашей стране (первый, кто признал их научную ценность и удостоился чести их исследовать, был мой отец и учитель — профессор Сукеник). Кто бы мог подумать, что пергамент сохранится в пещерах 2000 лет и свитки можно будет развернуть и прочесть!

Главная их ценность — само содержание и единая точка зрения авторов. Я верю, как и многие другие исследователи, что в Кумране была обнаружена библиотека таинственной еврейской секты, о которой нам немного известно из писаний Иосифа Бен Матитяху и Филона. Это были ессеи.

По их описаниям исследователи пришли к выводу, что ессеи были сторонниками пацифистской идеологии. Но после более тщательного исследования свитков стало понятно, что они были далеки от пацифизма. Это то же самое, что назвать пацифистами людей «Натурей Карта» за то, что они отказываются служить в ЦАХАЛе.

Это была секта с крайними позициями, требующая принять Тору Моисея такой, какая она есть. Они оставили Иерусалим, утверждая, что город вместе со своими священнослужителями

предал святое дело. И читая комментарии к Торе, которые, на мой взгляд, являются верными, я еще раз убеждаюсь в величии наших мудрецов. При всем своем фанатизме они были либералами по сравнению со своими современниками — сторонниками других вероисповеданий.

Несмотря на то, что ессеи надеялись на приход Мессии, на то, что воевать за них будет Всемогущий — и тут самое интересное — они все же были убеждены: в будущей войне между детьми света и детьми тьмы им все же придется воевать.

Мне первому выпала честь обнародовать чудесный свиток, являющийся самой древней книгой, в которой описаны принципы Иудейской войны. Должен признаться, что когда я писал о правилах войны для ЦАХАЛа, то волновался гораздо меньше, чем при изучении свитка, написанного более 2000 лет тому назад.

Моему покойному отцу удалось выразить связь между старыми свитками и событиями нашего времени. Он писал: «Эта работа, которую я представляю впервые, была выполнена во время осады еврейской части Иерусалима в 1948 г. Днем и ночью в течение долгих месяцев слышался грохот пушек. Молодое поколение ответило врагу молниеносной войной и дети еврейского Иерусалима вели себя так, как было принято в старину, — «кусочек хлеба с солью будешь кушать ты, и воду будешь пить, и на земле спать будешь».

Как раз в то время из отрывков древнего свитка мы узнали

о далеком прошлом нашего народа и нашей страны. И казалось, что стерлись границы времени, что старые свитки не рассказывают о делах далекого прошлого, а являются страницами нашей современной жизни.

После воссоединения Иерусалима в 1967 г. в итоге восьмилетних поисков ко мне попали другие свитки из Кумрана, содержание которых превосходило все известное до сих пор. И не только потому, что большая часть их была посвящена строительству Храма. В этих свитках автор приводит свои соображения о потерянной Торе царя.

Более 5 лет я работаю над этими свитками и скоро закончу исследование. Я надеюсь, что в ближайшее время тексты будут изданы и тогда несомненно развернется дискуссия. В свитках очень много материала для изучения и понимания иудаизма времен второго Храма.

МАСАДА

Это не только место раскопок, это, в первую очередь, великолепная и трагическая глава истории нашего народа. Решение храбрых «погибнуть свободными людьми» стало символом для многих поколений. И в наши дни Масада — символ. Но слова поэта «Масада вторично не падает» мы понимаем не так, что «погибнем свободными людьми» но, что «свободными жить будем». Это одно из доказательств нашего возрождения.

Никогда не забуду восторг раби Давида Минцберга, специалиста по строительству микваот (бассейн для ритуального

омовения), когда мы впервые обнаружили синагогу и микву времен второго Храма Несмотря на пылающую жару и на свой преклонный возраст, раби тут же измерил микву со всех сторон и установил, что она отвечает самым строгим требованиям, пригодна для использования. После этого раби Минцберг и его хасидим вошли в синагогу и были первыми евреями, молящимися здесь после 2000-летнего перерыва.

А под полом той синагоги мы нашли спрятанные когда-то святые книги, разорванные и испорченные. И снова чудо: мы обнаружили книгу Иезекииля, в которой уцелела всего одна страница. Разве когда-нибудь археолог-нееврей поймет чувства археолога-еврея?

* * *

После Шестидневной войны я приобрел у антиквара коробку, в которой оказались тфилин и в них — все 4 комментария к молитве, посвященной им. Это были старинные тфилин времен второго Храма. Чтобы прочесть комментарий, пришлось обратиться в университетскую лабораторию. И вот я уже еду из Иерусалима в Тель-Авив, а в кармане — фотокопия комментария к найденным в Масаде тфилин, которые еще не видел ни один человек. Когда поезд остановился возле Кфар-Хабат, в вагон вошли молодые парни. Один из них подошел ко мне и предложил одеть его тфилин и помолиться. Я сначала отказался. Но узнав, что парень из Советского Союза, я спросил: — Ты и в России молился?

— Да, со дня моего Бар-Мицва я одеваю тфилин и молюсь, — ответил он.

— Если ты в России выполнял мицве, то я не откажусь.

И я выполнил обряд.

После этого ко мне подошла женщина и сказала: «Профессор Ядин, я рада, что Вы выполнили просьбу того парня, хотя он Вас не знает. Мой сын, из хасидей Хабад, пал недавно у Суэца. Он был единственным хабадником среди парашютистов. Перед смертью его спросили, чего бы он желал. И сын ответил: «Оденьте тфилин и помолитесь». И вот когда ты молился, мне казалось, что и ты выполняешь просьбу моего сына».

Признаться, в ту минуту я не смог сдержать нахлынувших слез. И я ей рассказал о странном совпадении: «В моем карма-не снимки текста тфилин, самые старинные из известных нам, и самое большое, что я могу сделать — это показать их тебе».

БАР-КОХБА

Как археолога-еврея меня взволновали обнаруженные письма израильского князя Шимона Бен Косьба (Бар-Кохба), любимца раби Акивы. По веревочным лестницам спускаюсь над страшным ущельем в пустыне Иудеи. Дохожу до другой пещеры глубиной около ста метров. Летучие мыши, вонь. Кругом огромные камни. В узких щелях находишь скелеты и

черепя последних воинов за свободу Сиона. Вынимаю из истлевшей сумки связку пергамента и читаю: «Шимон бен Косьба, анаси аль Израэль».

Один английский исследователь сказал после открытия — «счастливым». Но я ему ответил:

— Это было бы верно, если бы я нашел письма, прогуливаясь по бульварам Пикадили. Но когда целая группа археологов с полным снаряжением ходит по пещерам Иудейской пустыни с намерением найти следы боев против римлян, то это не просто удача, а доказательство того, что мы являемся сыновьями тех воинов, которые дрались с римлянами, и готовы проникнуть во все щели, чтобы обнаружить следы прошлого.

Когда читаешь письмомена, то удивляешься, насколько Израиль не был готов к избавлению. Наси Израиля и главнокомандующий армией был вынужден писать своим подчиненным, сидящим в осажденном Эйн Геди: «Вы сидите, едите, пьете, пользуетесь благами дома Израиля и не заботитесь о братьях своих».

Но ты утешаешься, когда читаешь в другом послании, что руководитель восстания в разгар войны посылает в Эйн Геди проводников с ослиами и просит нагрузить этих ослов пальмовыми листьями, миртами и ивами, необходимыми для отправления молитвы в праздники кущей.

НОВЫЕ СТИХИ И ПРОЗА

М. ШАМИР

ЗЕЛЕНЫЙ ГРУЗОВИК

Отрывок из книги «Своими руками»

Вчера он допоздна сидел в кафе «Звон», в этой берлоге, куда спускаешься, будто в склеп.

Вышел на улицу. Внизу лежал его город; издалека доносилось по-зимнему глухое ворчание моря, остро пахла напоенная дождями земля. Он повернулся, снова спустился в зал. На душе полегчало, но не надолго: так искусственно это ресторанное веселье — призрачный дымный сумбур с хриплым пением полуголой девицы и грохотом посуды — все это, чтобы отвлечься, развлечься... А по сути дела — здесь собрались очень грустные люди. Или еще дезертиры, но ведь и у дезертиров есть своя грусть.

Сидят, пьют кофе — и хочется им чего-то другого; кто умеет — танцует, и им хочется чего-то другого. Только думать о том, что будет завтра утром, не хочется никому. Человек не думает о том, что придет неизбежно — как день или ночь. Ему естественно думать только о том, что само по себе не придет, чего нужно добиваться, прилагать усилия... Или о том, что можно предотвратить. А то, что ждет его на рассвете, — неотвратимо, как восход солнца, и лучше не думать, не поддаваться тоске, как советует она, его подруга.

Он дотрагивается до ее нежно бархатистой щеки, гладит ее руку, перебирает пряди ее волос. Он танцует с ней, не умея делать этого с той необходимой долей равнодушия и автоматизма, без которых нет в танце легкости и веселья. Они возвращаются к столу. Он не замечает склонившегося к нему официанта, потом спохватывается — но тот уже отошел, и некому принять заказ... Ведь им всегда так хочется быть вместе и одним, только вдвоем, без посторонних, — почему же он всегда ведет ее в эти битком набитые кафе, в эти дурацкие берлоги, где так шумно, душно и отчего-то подступает непонятное чувство обиды и жалости к себе? Будто их насильно держат здесь взаперти. Ему хочется побыть с нею наедине — только с ней, с ее глазами, с двумя ее кулачками, зажатыми в одной его ладони; пошептать ей о разном, договориться о следующей встрече в пятницу, дома, в тишине, в полном одиночестве. Ему хочется и здесь, в этом сумбуре, быть только с ней; он пытается не слышать музыки и общего говора, не замечать тесноты, не вдыхать дыма и чада, ни о чем не помнить и не думать. Но тогда вновь подступают невеселые мысли, которыми до

думать. Но тогда вновь подступают невеселые мысли, которыми до краев полна тишина в эти дни, — только шум и галдеж может их заглушить.

Плохо, очень плохо в стране, хавейрим. Крутом беспорядок и бессилие. Никто не знает, что делать и что сулит завтрашний день. Люди сражаются почти голыми руками и почти вслепую.

Вот только и остается, что подсесть к общему столу. Видимо, это нужно — бывать время от времени на людях, пусть даже в такой дыре, как эта. А может, и не в нужде дело, а в инстинктивном порыве, влекущем тебя в призрачную праздничную суетолюку. Здесь рассказывают разное, и есть что послушать; здесь встретишь людей, делающих свое дело в Галилее, и тех, что спустились с иерусалимских гор; услышишь и о Негеве, и о пароходах, все еще прибывающих в страну — раз, и два, и даже три раза в неделю. Один прорвался в Тель-Авив, другой в Нагарию. Моряки выглядят растерянно, смотрят оторопело, будто утратив внезапную точку опоры. Но, как всегда, они окружены общим вниманием и любовью. В их честь поднимают стаканы.

Заводят песню. Кафе преобразается: дымная берлога превращается в вечернюю роцу, фонарики — в сосновые шишки, стол мерцает сказочными огоньками светлячков.

Песня сменяет песню. Вокруг уже не роца, а серый полог походной палатки, вместо стульев — койки, покрытые грубыми колючими одеялами; стол шипит, как сковорода на примусе. По брезенту палатки монотонно барабанит дождь.

Из глубины добрых старых времен, которые, возможно, еще вернуться, всплывает песня за песней, и вот уже замороженное обоняние улавливает запах раскаленных камней пустыни, походную пыль: палатка поднимается, расправляется, уходит в знойное палашее небо; стулья — это уже обломки гранитных глыб у подножья скалистых утесов. Прикосновение к столу обжигает, как обжигает затекшую ногу прикосновение к каменной почве. И мечется в мозгу непрерывное мучительное жужжание, от которого не спастись, как от зноя, от жажды, от отчаянья... Замирает песня, возникает другая: остывают раскаленные камни, пустыня сжимается в тускло освещенную комнату с узорчатыми квадратными плитами пола, с блеклыми стенами, с тщательно запертой дверью. И в слабом свете электрической лампочки — самое драгоценное: оружие, которое в последний раз бережно смазывают и проверяют перед боем. Полумрак конспирации, тишина заговора. Одна песня сменяется другой...

Они выходят. Он обнимает ее, обнимает пальто, под которым движется упругое нежное тело — сплошная любовь. Зимняя ночь очищает мозг от дурмана — как туман, и он конденсируется в миллиарды чистых холодных капель. Чист и месяц над городом, и звезды по краям небосклона. Ночная улица приняла еще двоих: они стоят и молча смотрят на горизонт.

Он отпер дверцу кабины зеленого грузовичка. Тепло и уютно пахнет отработанным бензином. И — пока не ожил мотор —

тепло и уютно пахнет ее шея, ее пушистые волосы. Фары грузовика выхватывают из темноты украшенный росинками куст, край тротуара и кошку на асфальте, бесшумно нырнувшую в тень. Машина трогается, и вскоре он попадает во власть другого мира — мира моторов и молодых мужчин, стремительного разгона и напряженной зоркости. Они оба чувствуют, как между ними вырастает перегородка, как воздвигает ее кто-то третий, чужой. Здесь расходятся их пути. Его руки, занятые машиной, как будто погружаются в иное пространство, в тайну чуждого ей мира. А как же быть им обоим с этими только что пережитыми и ушедшими часами, с этим неоконченным свиданием?

В прощании у самых ее дверей, в молчании затаившегося города им чудится приговор. И тогда возвращается страх перед завтрашним днем, и она лихорадочно ищет то главное слово, которое защитило бы его, потянулось бы за ним спасительной нитью, держа его при ней, охраняя его, куда бы он ни ушел. И она отбрасывает их одно за другим, слабые и невыразительные слова, и под конец хватается за самую скудную, убогую и банальную фразу: сжата в его объятиях, она шепчет ему в холодное ухо: «Береги себя, Эли, ладно?»

Непонятно, это улыбка иронии или просто морщинки собрались у него на лбу, но он тут же платит ей старенькой мелкой монетой, стертой и погнутой от постоянного употребления всеми парнями мира:

— Каждая пуля находит своего адресата, девочка...

И в незатейливом полудетском воображении обоих рисуется продолговатая, овально закругленная пуля: плавно и медлительно она движется в прозрачной пустоте, в воздухе бессолнечного полдня — и на ее латунной оболочке видны три безукоризненно четкие буквы: Э Л И.

Две ночи назад. На краю апельсинового сада. Со звоном подрывников — частью боевого отряда.

Две ночи назад был вторник, и проселки были скользкими после дождя.

Одно за другим маленькие звенья отделялись и оставались позади: звено автоматчиков — на крыше заброшенной насосной станции; заградительное звено — на перекрестке грунтовых дорог, у поворота к Бейт Дагану. И наконец — звено связи, три винтовки. И вот они остались одни; тоже втроем, движутся ползком в темноте: один со взрывчаткой, второй с запалами, третий с автоматом.

Каждую ночь мы бьем их — по ночам мы сильны. Ликвидируем их базы, продвигаем доступные нашим действиям участки вглубь их земель. Хорошо ощущать уверенную быстроту ног, бесшумно двигаться, верить в железо. Их трое. Знают свое дело, согласованы между собой, как части одного живого организма. Хорошо двигаться рядом с ними, верить в них.

В такие часы дело горит в руках, как чистый спирт, жарким невидимым пламенем — без дыма и запаха. Человек в ладу с

самим собой, и ему некогда предаваться сомнениям. И глубоко скрыто сознание необходимости и цели: ненависть к убийцам, верность задаче — победить. Просто—напросто: разбить и победить!

В такие часы нет ни жалости, ни расчета. Все происходит под знаком действия, и жизнь освящена целью, которой она служит. Никогда не было в ней больше смысла, чем сейчас, когда ты на волосок от смерти, и никогда она не была такой осязаемой, ощутимой на вкус и запах, такой пленительной и желанной, обещающей продолжение и достойной продолжения, и затаившей это продолжение в себе.

Они останавливаются перед массивным темным зданием, конечным пунктом этой ночи; двухэтажный дом, с крыши которого снайперы обстреливают шоссе и дом Национального фонда. Черный и безмолвный, будто нежилой, он вырезает большой прямоугольник из ясной и блестящей небесной карты. Месяц прячется в облаках, и волны темноты наплывают на землю и затопляют ее. Молчат автоматы — их время еще не пришло. Только пальцы рук работают — напряженно и бесшумно, борются с проволочным заграждением. И вот путь открыт. Теперь счет времени идет на секунды, а вот и самая секунда дробится на десятые доли. Один вдох приходится на семь шагов, один сдерживаемый выдох на семь других. Деревянная дверь — и ни звука. Откроется ли?

Отступают назад, берут разгон и со всего маху, плечом — удар — замок сломан, дверь распахивается в темноту.

Выстрел из дому. Трое уже там, внутри. Автоматы бьют во все стороны и вверх, во второй этаж, тоже. Пальцы прикрепляют запал к каждому мешочку взрывчатки (месили, месили, и месиво удалось на славу).

Дело сделано.

Один за другим они выскакивают наружу. Оборачиваются, дают очередь по дверям и бегут. Пригибаются к земле и опять стреляют — в двери дома, чтоб не спасся никто. Все происходит, как и ожидалось, — прикрытие открывает ураганный огонь; взматывается и медленно оседает столб пыли и дыма. Был дом — и нет дома. Приподнимают головы, осматриваются — и начинается быстрое отступление с запоздалой дрожью в коленях, под аккомпанемент болтливового, лающего впустую и нестрельного теперь огня, который всегда вспыхивает после того, как дело уже сделано. Теперь во всей округе нет ни одного арабского дома, который не изрыгал бы огня со злобой и запоздалой мстительностью по всем мыслимым направлениям. Да, имей мы дело только с ними — в стране давно настал бы мир. Пока же: еще одно очко в нашу пользу.

Они знают, что в эту ночь, ясную лунную ночь, все, кто мог, вышли на задание, туда, где тянутся тропинки между изгородами, где нужно делать обход, чтоб добраться до цели, туда, где можно укрыться в густой тени неодушевленных предметов. Знают и то, что стоит раз промахнуться, как все запутается, у-

кользнет из рук, развалится, — и люди уже не действуют, а гибнут. Стоит лишь промахнуться...

А тут — только завтра или послезавтра из бюллетеня правительственного информационного бюро станет известно число погребенных под обвалом, если только, несмотря на целую кучу сознательных и невольных искажений, удастся выяснить место и час. Главное же, что все наши парни целы и амуниция в порядке. Звенья сходятся, и скоро мы засядем у огня и будем чистить оружие.

Две ночи назад. На краю апельсинового сада, ночью, с оружием в руках. Две ночи назад был вторник, и проселки были скользкими после дождя.

А в это утро, раннее утро четверга.

...Он просыпается в темной комнате. Теплая папина ладонь ласково касается его лба. Он устал, он смертельно устал; он чувствует себя строптивым школьником, который отказывается вставать в холодное зимнее утро. Что это, к черту, за мир, где не дают человеку перевернуться на другой бок и спать под теплым одеялом, сколько просит разбитое тело? Он злится на всех и ненавидит весь свет.

— Который час?

— Поздно. — слышит он, и сердце испуганно вздрагивает. Он натягивает на себя форму, словно одежду осужденного, и теперь способен тянуть ляжку дальше.

Холод разгоняет дремоту. Из освещенной кухни доносится тихий звук папных шагов. Темно. Он торопливо одевается, наощупь поправляя рубашку и затягивая ремень.

Открывается дверь — мама тоже встала. Вчера, когда он вернулся после полуночи, они еще не спали, дожидались его, а теперь встали, как и он, в половине шестого — проклятая жизнь под гнетом вечного страха. Надо бы... Что надо бы? Перевоспитать их? Чтобы не беспокоились? Не мучились, не любили?

Он шарит по круглому столу, заваленному всякой всячиной, нащупывает связку ключей и сует ее в карман. Револьвер в пальто, шерстяная шапочка на вешалке в передней. И вдруг чувствует, что не может выйти к ним, не может принять их услуг, не может вынести этот яркий свет и удержаться от крика: «Не спаситесь, родные, не спаситесь, — и любовь не защитит в наши дни. Даже самая огромная, самая страшная, готовая на все любовь — не защитит!».

Щели оконные светлеют, но в комнате еще темно. Из кухни слышится звяканье посуды, шелест горящего газа. Хлопочут для него, а у самих глаза слипаются от усталости; гадают, чем бы помочь, чем бы пригодиться ему и, если б только можно было, как бы заменить его собой.

Рывком он поднимает жалюзи. На улице клубится и стелется серое утро. Еще не моросит, но дождь будет наверняка. У тротуара — темная зелень кабины и черное днище кузова, где разместятся шесть парней: шесть стволов.

Он оглядывается, утро уже растекается по стенам комнаты. Только выйдя из ванной и встретившись взглядом с родителями, он

решается войти к ним в кухню. На столе — нарезанный хлеб, стакан молока, яйцо. Он берется за молоко и медленно пьет. Больше он ничего не сможет ни пить, ни есть. Оба молча смотрят на него, словно хотят закрепить в памяти все, что видят глаза. Он знает, что очень расстроит их, не съев приготовленного; знает и то, что они подавят огорчение и не скажут ему ни слова. В этом доме живут теперь так, будто в нем томится тяжело больной, который требует пристального внимания, полного покоя, крайней сдержанности. Но если вечером он вернется, они разыграют нарочитое веселье, подчеркнутую беспечность — до завтрашнего утра.

Поздно, он смотрит на часы. Они хотят что-то сказать и не решаются. Помедли он еще минуту-другую, может быть, сталь расколослась бы и слово было бы сказано. Но он натягивает на голову мягкую шерстяную шапочку, берет револьвер, запакивает армейскую шинель, произносит «шалом», кажется, добавляет еще «ле хитраот», а может быть и не добавляет.

Напоследок, когда он уже придерживает рукой открытую дверь, его догоняет мама и сует ему яблоко на дорогу.

Через четверть часа он в Микве Исраэль — с ребятами. Прохладно и хорошо. Высокое, серое, плотное небо. Прекрасная видимость: будет легко наблюдать с дальней дистанции. Мотор рычит мощно и ровно — все, как надо.

Ему сообщают, что водитель — парень, который должен занять его место у руля, как видно, еще спит. Вчера ночью почувствовал себя плохо. А надо бы поторопиться, проверить дорогу перед колонной. Так уж считается: чем раньше, тем надежней. Благодушно-снисходительным жестом Эли показывает: ладно, пусть выспится. Ждать не будем. Парни лезут в кузов машины, — поведет ее командир.

Вот они, один к одному: автоматчик, тоненький красавчик, он старше других, и еще пять молоденьких крепких мальчиков из последнего выпуска городских гимназий; у этого своя особенная улыбка; тот — остро слов и шутник, этот постоянно распевает свои песни, а у этого старательно отделанная, чуть кокетливая речь. Все обезличены форменной одеждой, мешковатой на их юношеских фигурах. Но какие ребята — один к одному, прямые и открытые, лучшие из лучших. Милые, скромные, верные.

Запыхавшись, подбегает Нахум, еще не успевший умыться и весь взъерошенный. Он просовывает голову в окошко кабины: «Слушай, голубчик, ходят какие-то слухи: сегодня ждут чего-то. Будь начеку и не буянь».

Эли включает передачу, разворачивается и отъезжает. Каждый день чего-то ждут, каждый день говорят: «не буянь». А пока что прокладывают новую дорогу — прямо по дюнам Ришон ле Циона, и может быть, мы больше не понадобится; может быть наступит мир: никто ничего не будет ждать, никто не станет буянить, никто не будет ловить слухи.

Сегодня он впервые оставляет свой наблюдательный пункт — наверху, в кузове, и забирается в шоферскую кабину; но парни один к одному, на них можно положиться.

Завтра уже канун субботы.

Через три минуты они уже на асфальтовом шоссе, у въезда в Язур. За темной стеной кипарисов красуется золото апельсиновых рощ, веселое яркое золото. Под кипарисами, по всей длине придорожной канавы, высypали побеги дикого щавельника, — цветы его лимонно желтеют. Зимнее цветение!

Запах возделанной, сочной, влажной земли рвется в открытое окно поверх опершегося на него локтя водителя в треплющемся рукаве. Уже месяц шеват, надо бы тебе знать. Вспомни вчерашнюю ночь, когда округлившаяся почти во всю полнолуна говорила о близости пятнадцатого шевата. Через три-четыре дня туби-шват, праздник деревьев. Родина, моя родина!

А сейчас будь начеку, мы приближаемся. Парни наверху взводят затворы. Вот уже несколько дней, как недвусмысленный приказ англичан лишил нас защиты — бронированного грузовика. Видимо, грузовик показался им излишне безопасным, и открытый кузов поможет восстановить нарушенное равновесие: одни нападают, другие несут потери. С тех пор мы ездим в этом зеленом, легком, открытом грузовичке, и только рубашка цвета хаки заслоняет сердце от пуля. Этого мы англичанам не забудем, не забудем никогда!

Но выбегают навстречу трогательные деревья в белом цвету — и снежная пена цветущего миндаля смывает суровую клятву с сердец, и они широко раскрываются навстречу светлой радости, разлитой во всем, в зеленом и желтом, в белом и коричневом, оранжевом и красном.

На асфальтовом шоссе, у въезда в Язур.

Еще минута — и они в деревне; Эли насторожен, нервы натянуты до предела. Сразу обнаруживается небывало массивное заграждение. Становится ясно: боя не избежать. Затормозить, повернуть — нельзя, надо прорваться. И мгновенно обрушивается неистовая пальба: град пуль, грохот, ад! Не прорваться, не устоять. Мы обнаружены, неприкрыты. Грузовик отчаянно отстреливается. Огонь! Огонь!

Снаряд, граната ли — вспыхивает бензин. Машина визжит всеми колесами — и останавливается. Скорее! Вниз! В канаву!

Пуля.

Так, значит, вот оно?

Сознание мутится в промежутках между вздохами — от мучительной боли, — да боль ли это? Где они?

Драться, драться, победить! Пока стреляет раскаленный ствол. Вы не покончили со мной, не покончили. Мы продержимся в огне. Боже, гибнут мои мальчики! Но наши услышат и придут. Вы не покончили со мной, со всей ненавистью, со всей жалостью, со всей обидой, со всей страстью, со всею болью, со всем недоумением, со всей непостижимостью... Боже — мои мальчики гибнут!

Так, значит, вот оно?

Непостижимо.

Больше ничего.

Перевела с иврит Тамара Должанская.

ИЗ ЦИКЛА «ВОЙНА»

ДОРОГА

I

На лице его, светлом и смуглом,
Непогашенная тревога.
И земля казалась не круглой,
А прямой, как эта дорога.

Так черна она и весома,
И оттягивала ночами
Легкий груз далекого дома —
Вещевой мешок за плечами.

И глаза, что сияли звездно,
Загуманились вдруг тоскою.
В этом мире, слепом и грозном,
Боже! Звездного нет покоя!

Так в потемках, в прорывах света
Человеческий разум бьется,
Как тесна мне эта планета,
Что огромной Землей зовется!

29.10.73.

II

Пусть раскаянье немо —
Не уйти никуда
От запретнейшей темы
Под названием «Беда»:

И когда полудети
На границах одни —
Кто за это в ответе?
Чьи спокойные дни?

Не со мной ли прощались
В час последней судьбы,
А потом превращались
В огневые столбы?

Но вернувшись оттуда
В эти скорбные дни,
Позабывшее чудо
Вновь вернули они.

И горит безыскусно
Взгляд взволнованных глаз...
О, как радостно, грустно,
Слишком грустно сейчас!

И тем горше заметен,
Больше сводит на-нет
Круг знакомых и сплетен
Суетою сует.

6.11.73.

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Сонет

Золотокудрой матери-Эллады
Иссиня-смуглый незаконный сын,
Заблудший ненавистник федаин
В чужой тени хеопсовой громады.

Лениво-деятельный славянин,
Что так взыскует вечего ладу:
Тщета сует вам общая награда.
Тщета сует! И Бог у нас един.

О связь времен! Не терпишь ты подделки.
И где б ни встал пусть даже пятый Рим —
Он сгинет, мир не обративши вспять.
С историей недолговечны сделки.

Лишь в подлинности наша благодать —
Для каждого свой Град Иерусалим.

ЧИТАЯ ТОРУ

«И сказал Он: не Иаков отныне
будет имя твое, но Израиль,
ибо боролся ты с Богом и с
людьми и превозмог...»

(Бытие, XXXII, 29)

И было: на древней земле Ханаана,
Где сонные рощи и кущи,
Отец наш Иаков всю ночь неустанно
Боролся с Единым и Сущим...
И — стало: как равный на Бога взирая,
Охваченный адской гордыней,
С тех пор дерзновенное имя Израиль
Весь род его носит доныне.
И с этих же пор — неизменно и рьяно
Владыкам земным ненавистен
Бунтующий род крикунов и смутьянов,
Врагов государственных истин,
Тернистым путем векового изгнания
Бреда сквозь столетия и страны,
Повсюду мы — первая искра восстания
И — первая жертва тирана.
В огне баррикад,
На крестах умирая,
Цепями звеня по острогам,
Несем мы
Нелегкое имя «Израиль»,
Что значит: «Боровшийся с Богом!»

1969 г.
Минск.

ТРЕТИЙ ХРАМ

ПОВЕСТЬ

ГЛАВА I

«Пусть каждый поселится там, где он хочет быть, пусть каждый живет, где пожелает!».

Такие мысли возникали у Исаака Фудыма, когда по утрам наблюдал он несчастное, заплаканное лицо Натана Йошпы, — единственного соседа по палате.

Как обычно, на рассвете истощалось действие укола, что делали Натану перед отбоем, и сейчас человек всхлипывал под простыней и корчился.

Сам же Исаак Фудым был гораздо сообразительней. Он давно обитал на родине, поэтому сочувствовал своему соседу, человеку, лишенному живого воображения, всей душой, но помочь ничем не мог.

На родине у Исаака было полно дел — он строил Великий Храм. Тут о самом себе не было времени позаботиться. И тайно он презирал соседа за скудоумие и безволие. Пробовал порой вразумить:

— Послушайте, Натан, — толковал он ему. — Почему вы вбили себе в голову, что уехать вы можете только самолетом? Вы же видите — с самолетом у вас ничего не выходит. В самолет вас не пускают, над вами глумятся самым форменным образом. Обманите же ваших таинственных мучителей, обведите всех вокруг пальца. Живите, где вам хочется жить, не прибегая к вспомогательным средствам, к материальным самолетам.

Такая мудрость была для Натана непостижима. В своем желании поселиться на родине он не дошел, очевидно, до последних границ отчаяния. Ведь это желание появилось у него сравнительно недавно, ему не довелось еще столько выстрадать.

На все советы соседа Натан только беспомощно разводил руками. Дескать, над ним властвуют более могущественные силы, нежели обычное человеческое воображение. И, вообще, обстоятельства у него совершенно иные, чем у этого счастливого Фудыма!

Конечно, не будь в лечебнице такого доброго и смелого человека, как профессор Кара-хан, Йошпа давно наложил бы на себя руки: пару раз Натана уже вытаскивали из петли. Правда, было это не здесь, не в лечебнице, а там, в лагере, в Сибири, куда упекли его за известные делишки. Чтобы разом избавиться от мучившего его наваждения, легче всего было перебраться в мир иной. Но профессор Кара-хан знал о нем решительно все. Он знал

даже его сны, поэтому уверенно распоряжался мыслями Натана, направляя его поступки.

Очевидной пользы, однако, больно́й от этого не ощущал. Может, именно этим профессор еще больше мешал Натану поселиться на родине? Быть может, Натану полезнее было бы скрывать от профессора свои подлинные сны, выдумывать их, как делает это Исаак Фудым?

Но и тут Натану недоставало хитрости. Другое дело, когда знает твои сны Фудым, родная душа, брат. Фудым не пишет научного исследования о «палестинomanии», — новой, странной болезни, не пользуется психоанализом, который, дескать, разрушает очаг болезни. Исаак Фудым ближе всех ему на белом свете. Он может взять и потрясти Натана за плечо, разбудить, когда у него струятся по утрам потоки слез.

Так поступил Исаак и сейчас, видя, как Натан мечется во сне, вскрикивает, а руками — будто бы борется с кем-то сильным и невидимым.

Босиком, в одной полосатой куртке, Исаак подошел, положил руку на плечо соседа — прервать его тягостный сон, но вовремя сообразил: — поди знай, на каком он сейчас моменте, какие видения захватили Натана в плен? Облегчит ли его пробуждение или же навредит?

Быть может, именно в эту минуту чудится Натану, что дали посадку на его самолет. А он не расслышал, не разобрал голоса иностранного диктора. И мечется среди пассажиров по залу, приставая и тормоша каждого, — на какой именно самолет дали посадку?

Возможно, происходит с ним и такое: все поле окутано лиловым, непроницаемым туманом. Едва различимые, поблескивают вдали серебристые точки. Одна из них — самолет Натана. Он совершенно убежден, что там, по трапу никто еще не поднялся. Пассажиры все тут. И последний в очереди, Натан отчаянно хочет сесть в самолет первым. Изо всех сил он начинает орудовать локтями, отбиваться кулаками от злонамеренных дам и джентльменов. Потом и вовсе переходит в атаку, — начинает визжать и кусаться...

Родная душа — Исаак Фудым — отлично знает: на этом месте будить соседа ни в коем случае нельзя. Кто его тут разбудит, может нанести Натану непоправимый вред. Если самолет еще не взлетел, у Натана есть шанс в него сесть. Вполне может статься, что это и есть тот самый единственный шанс, что ему отпущен, а на нем и держится вся надежда. Натан подстергает его в каждом своем сне.

А что, если все пассажиры сидят в креслах, давно пристегнутые ремнями, и самолет готовится выруливать на старт? Ревут моторы, начисто забывая вопли живого человека. Один Натан всем помеха. Безумно напрягшись, стюардесса один за другим отрывает его пальцы от двери. Не помогают ни слезы, ни уговоры, Натан размахивает перед ней билетом, точно бритвой. Билет абсолютно

соответствует этому рейсу. Натану во что бы то ни стало надо поехать на родину! Он так долго простоял за этим билетом в чудовищной очереди, он простоял за ним целую вечность. Но вот стюардесса поборола его, бросив на верхнюю ступеньку трапа. И трап поехал в одну сторону, а самолет, стремительно удаляясь, — в другую...

Ах, знать бы точно, что с Натаном так произошло, — тогда разбудить его самое время. Пусть он очнется, обведет мутным взором сверкающие от солнца стены палаты, вернется в действительность. Пусть он увидит славное майское утро, и теплый ветерок, что колышет тюлевые занавески, просушит его слезы.

Да, знать бы только, на каком он сейчас моменте? И Фудым отстранился от кровати соседа, посмотрел на снежную, ослепительную вершину Синая, которая в это утро имела для него особую притягательную силу.

Но размышлять он продолжал о нелепой и несчастной судьбе Натана Йошпы, хотя стоило это большого усилия воли, ибо, глядя на Синай, думать он мог только о Храме, Лейвике и скрижалях.

Говоря по правде, даже профессор Кара-хан, у которого в журналах тщательным образом изложен весь случай с Натаном, даже он, добрый профессор — всего лишь холодный соглядатай. Сердце Исаака разрывается на части от сострадания, когда он подумает о том роковом промахе Йошпы. Очаг болезни соседа ясен ему, как ясный день, безо всяких психоанализов. Искушение на то и есть, чтобы в зависимости от степени готовности к нему человека наградить его или наказать.

Объявилась однажды у Натана тетушка. И не в каком-то, скажем, Усть-Каменогорске, или Кременчуге, а в самой настоящей загранице. Жил себе на свете сирота Натан, сирота-сиротой и нате вам — тетушка!

Решили родственники видаться.

Прислала тетушка вызов по всем правилам. И надо бы тут заметить, что деньги на подобное мероприятие у Натана имелись. И деньги немалые! Все интересные города и курорты в собственной стране он давно повидал, а съездить в эту самую соблазнительную за границу — страх как хотелось.

Итак, гуляли они с тетушкой как-то под вечер по городу. А точнее говоря, эта самая старушенция умышленно прогуливала племянника мимо дома одного по тихой улочке.

«А здесь, Натанчик, — сказала она, — очень пикантное заведение одно помещается... Очень пикантное для вашего брата! Не хочешь ли зайти, кое с кем познакомиться? Когда у тебя другой такой случай представится? Авось и решение примешь?»

И, жадно любопытный до всех пикантных мест в мире, Натанчик переступил порог предназначенного ему искушения.

Был вечер, лампы в кабинете, вытянутые наподобие свеч, располагали к покою и умиротворению. А сердечность хозяина обескураживала, задевая за самое сокровенное, что хранил Натан,

кажется, именно для таких людей. Консул, совсем еще молодой человек, показался ему родной матерью, которая одного только добра тебе хочет. И до чего же легко было дышать одним воздухом с этим братом с другой планеты! Энергичный консул тотчас же приступил к делу. А когда Натан с трудом признался, что надо бы ему назад возвращаться, консул пришел в отчаяние: «Йошпа, брат мой, на что вы себя обрекаете, очнитесь! Вам же неслыханно повезло! В аэропорту как раз сейчас стоит самолет, я вам место даю, и буквально сегодня вы будете у себя на родине!»

Но как Натану ни было удивительно хорошо с консулом, он решительно помотал своей рассудительной головой: «Нет, уважаемый и любезный, это никак невозможно! Так сразу, вдруг? На кого я покину жену и детей? Кому достанется мой дом, мой очаг, стоявший мне стольких страхов и пота? А деньги мои?..».

И чувствуя, как прикован он всей душой к деньгам, к оставленной им стране, Натан обратился взглядом к тетушке.

И та мудро прошамкала: «Это верно, человек не щепка, не пушинка на изменчивом ветре!».

Надо признаться, что при этом Натанчик сильно краснел от собственного вранья. Никаких детей у него не было. А жена была татарка. Но все это очень ловко он скрыл от тетушки. А дом действительно был. И весьма зажиточный, по понятиям его страны. Вот этот-то самый дом оставлять ни с того, ни с сего больше всего было жаль. Броситься сломя голову в незнакомый мир, который он знал по газетам?.. А ведь газеты его страны, мягко говоря, этот мир не очень хвалили.

Когда же Натан возвратился к своему очагу, его будто дождались уже все карающие ангелы.

Галантерейный цех, в котором он состоял начальником, накрыли соответствующие органы. Ревизия обнаружила, что начальник крал, и крал с волчьим аппетитом. И следствие было потом. И камера — одиночка в сырых подвалах. И суд, как и положено. Дом его и имущество конфисковали до последней нитки. Жена, естественно, отеклась от вора, взяла развод, ибо влупили ему на всю катушку — пятнадцать лет строгача, отправили в Сибирь, на шахты. Там-то и стали являться ему заграничные аэропорты, и начал он гоняться за самолетами на родину. И довели его самолеты эти черт знает до чего. Был человек рассудительным и нелюбопытным, а сделался душевнобольным.

Исаак же Фудым, как это всем хорошо было известно, давно проживал на родине. И не будь сегодня такой знаменательный день — окончание строительства Храма, — он бы уселся сейчас, по своему обыкновению, возле окна, целиком погружившись в блаженное созерцание сияющей вершины Синая. И просидел бы он так до самого завтрака, пока не ударят в рельс и не позовет его к себе профессор Карахан.

«Доходяга Лейвик знает, разумеется, что Храм мой готов, — говорил себе зодчий. — Готов, и осталось внести только скрижали. Лейвик бродит уже где-то там, у подножья Синая, ждет меня. Я и

сам жажду встречи с ним. Спешу, чтобы нам помириться. Мы взойдем на Синай, и Бог даст нам скрижали из рук в руки!»

Исаак облачился в полосатые шаровары, надел тапочки, поправил ермолку на макушке. Отметил с удовольствием, что сейчас он очень походит на Лейвика, какого он встретил у концлагеря Вульфвальде — Волчьего леса.

После той встречи он во многом стал походить на Лейвика. Можно сказать — Лейвик во многом переселился в него.

Подумал еще так зодчий: при их свидании у Синая, как можно больше вещей, вся обстановка, — должны напомнить Лейвику те странные вечера у Волчьего леса. Им обоим легче будет вспомнить, что же произошло тогда между ними на самом деле? Ведь есть же оправдание у Исаака Фудьма за тот выстрел!

Воссоздать ту обстановку во всех подробностях Исааку не так-то просто при его скудных нынешних возможностях. Огарок свечи у него припасен, буханка черного хлеба — тоже, Мундир с регалиями обещала принести после обеда женщина. Осталось побриться, принять душ.

По всем подсчетам Исаак предстанет у вершины Синая завтра утром.

Он вышел тихонько в коридор.

На полу была толстая ковровая дорожка, по обе стороны коридора стояла утренняя тишина.

Он дошел до вестибюля. И тогда мысли зодчего обратились к его врагам:

«В этом доме никогда я не ведал покоя, — говорил он себе, навсегда расставаясь с лечебницей. — Зачем, ответьте мне, понадобилось профессору поселить нас вдвоем в палату, предназначенную на дюжину больных? О, неспроста, совсем неспроста! Я знаю, до чего он желал докопаться: до Лейвика, Синая, скрижалей. Профессор объявил наши болезни исключительными. Выделил нам в столовой отдельный столик кошерный, с усиленным рационом... Ему спустили на это особое правительственное указание! Если бы профессор и в самом деле желал нам добра, он бы давно оставил нас в покое. Особое внимание к нам со стороны администрации вызвало только зависть и ненависть у обитателей скорбного дома к обоим «палестинцам». И тут, дескать **ОНИ** сумели тепло пристроиться, ловкачи эти! А как эти люди мешали мне во время строительства!? Последний кретин путался под ногами, лез со своими советами... Что тут вспоминать? Слава Богу, все уже позади. Храм наш готов!»

В вестибюле стояли два дивана, столик с телевизором. По вечерам собирались здесь больные, смотрели программы, с позволения профессора. В программах этих ничто не должно было возбуждать нервы зрителей.

Потом сидел Исаак в кресле у парикмахера.

Тот едва пришел на работу, едва успел разложить инструмент на столике. Исаак был его первым клиентом в это утро.

Зодчий уселся поудобней, велел побрить себя. Хотел он еще и постричься, чтобы совсем походить на Лейвика у Волчьего леса,

но прикинул разумно, — это вызовет ненужные подозрения у профессора.

Он глядел на себя в зеркало глазами Лейвика.

«Как же ты изменился с тех пор, капитан! Где он, геройский взор орденосного артиллериста, прошедшего всю войну до Берлина? Куда подевалась твоя круглая, самодовольная рожа? О тебе, должно быть, говорит предание: кто убьет брата своего, с того зыщется всемеро семижды семь».

После парикмахерской он прошел к кастелянше, тете Маше. Попросил свежего белья вне очереди.

Когда Лейвик возьмет его с собой на вершину, не предстать же зодчему пред Всевышним судом в полосатой пижаме или бранном мундире! Как старый солдат, он отлично знает — внешняя форма — превыше всего!

Он предстанет там, как и положено, — босиком, в белом одеянии.

И еще раз пришлось в это утро смотреть на себя в зеркало, в моечном отделении:

«Куда подевалась крутая и крепкая грудь твоя, капитан! Вот наденешь ты завтра мундир, и будет он болтаться на тебе, как на пугале огородном! Иссох ты весь от своих покаяний...»

Вернувшись в палату чистым и выбритым, он нашел Натана Йошпу закутанным в простыню по самые глаза, сжавшегося в маленький, трагический комочек. По-прежнему теплый, весенний ветерок волновал тюлевые занавески, но не осушил мокрого лица соседа.

Фудым подсел к нему на постель: у него был план спасения Натана.

— Брат мой, — тихонько дотронулся он до трагического комочка. — Вы приземлились, наконец, в Галилее? Мне это страшно важно знать.

— Нет, консул, брат мой, — вскрикнул тот. — Я бежал за своим самолетом до конца взлетной дорожки. Я лег поперек полосы, но колеса прошли высоко надо мной, я даже не мог ухватиться за них, чтоб улететь.

Зодчий вскочил на ноги и в сильном волнении принялся бегать взад и вперед, заламывая руки.

— Ай-яй-яй, что же мне с вами делать, как быть с вами? Я же так вас просил вчера вечером, — обязательно постарайтесь этой ночью приземлиться на родине!

Единственный человек на свете, кто был хорошо осведомлен о Лейвике, скрижалах и Синае, сиротливо отозвался из простыни:

— Консул, вы уходите без меня, бросаете брата в этой пустыне? Мне так хорошо было с вами! Я здесь сойду с ума в одиночестве, я умру...

Презрение к этому человеку без творческой жилки вылилось у Фудыма в одном язвительном выкрике:

— Ложитесь в одну постель с профессором Кара-ханом! Может он вам поможет сесть в самолет?!

Натан Йошпа в ответ взвился на ноги, далеко отбросив от себя белую простыню. Голый, обросший густым, черным волосом, прыгнул на пол. Он обхватил ноги зодчего, осыпая их поцелуями.

— Не уходите, консул, не покидайте меня! Я буду служить вам, как собака, я буду сторожем при вашем Храме!

— Я думал уже и об этом, — отвечал зодчий. — Это никак невозможно. Мы с вами живем в разных пространствах и измерениях. Вы же торгуете трикотажными майками... Что скажет завтра Лейвик, если увидит вас на Синае? «Я не встречал его у Волчьего леса, — скажет он. — Я не встречал его на родине.»

Глядя снизу, из-под ног зодчего, Натан Йошпа сказал загадочно:

— А вы никуда не ходите, консул, У меня такое предчувствие, что вам лучше остаться.

— Мой Храм, благодарение Богу, — готов! — был твердый ответ.

— Я выдам вас профессору Кара-хану!

Ударом ноги зодчий поверг шантажиста во прах.

— Консул! Во имя вашего же спасения! Вы сами мне говорили — есть и такая жестокая логика: если надо спасти брата... Сам Лейвик говорил это, вспомните!

— История моя повторяется, — растерялся Исаак Фудым. — Лейвик действительно говорил так, но я стрелял в него за это.

— Тогда и меня убейте! — вскричал Йошпа.

— И убью! Тому, кто идет на родину, кто зовет за собой, тому и это позволено. Лейвик и этому учил меня.

Натан струсил, опять закутался в простыню. Потом забился на кровать, в дальний угол и принялся выть оттуда.

Исаак решил использовать время, оставшееся до завтрака. Взял табурет, уселся напротив Синая, размышляя о Лейвике.

— Перестаньте скулить, Натан. Я буду думать о Лейвике!

— Не перестану, жестокий вы человек! Я буду лаять и выть, как и подобает отличной храмовой собаке. Вы еще горько пожалеете, что не взяли меня на службу!

Синай заслоняло множество преград. Первой была распустившаяся под окном акация, дальше шел высокий каменный забор, обнесенный по гребню рядами колючей проволоки. А за ним была уже улица, откуда слышались скрипы проезжавших трамваев; вся городская жизнь, к которой Исаак Фудым был совершенно равнодушен.

«Ты и я, мы встретимся дома, на нашей родине, — говорил ему Лейвик у Волчьего леса. — Построим Храм, восстановим его во всем великолепии и славе. Мы найдем наши утерянные скрижали».

Да, именно так хорошо и говорил доходяга. И лицо его было вдохновенным... Что за странные вечера были тогда у опушки! И еще говорил он:

«Когда мы построим Храм, я хотел бы взойти на Синай, подняться на его святую вершину. Я не верю, будто скрижали утеря-

ны безвозвратно. Бог забрал их туда, откуда и дал. И надежда, что исполнится эта мечта, дала мне силы и мужество выжить в фашистском плену все эти годы».

Эта же самая страсть дала и Исаку Фудыму возможность строить свой Храм в окружении врагов. И труд его завершен, осталась самая малость. Итак, все будет завтра!.. Одно лишь досадно, Лейвик ни разу не появился на строительной площадке. Конечно, это не значит, что его нет на родине, Лейвик потому, может быть, не рубил со всем народом камни для Храма, что берег силы для восхождения. Ничуть не меньшим, чем Храм для Исаака, является восхождение на Синай для Лейвика. Однако зодчий не чувствует себя ослабшим, закончив строительство. Наоборот — он с огромным воодушевлением примет участие в мероприятии Лейвика. Этого фанатика, учителя, доходяги.

Г Л А В А 2

Сразу же после завтрака, едва больные стали возвращаться в палаты, на пороге «палестинцев» выросла атлетическая фигура медбрата, носившего кличку Господин Удав за удивительные способности мгновенно усмирить даже взбесившегося быка.

— Фудым! К профессору!

В лечебнице было достаточно много случаев любопытных заболеваний, вполне достойных научной работы, но профессор Карахан остановил свой выбор именно на Йошпе и Фудыме, применяя в исследованиях запрещенные официальной наукой методы психоанализа.

На этих двоих профессор и испытывал заграничное новшество, а с Фудыма, на свежую голову, и начинал каждое утро свой рабочий день.

Профессор был в свежем, накрахмаленном халате, глядел на собеседника поверх очков тяжелым пристальным взглядом.

Зодчий великого иудейского Храма опустился на стул допроса. Иначе он и не воспринимал всю эту фальшивую, вражескую обстановку. А ненавистные тонкие резиновые перчатки лежали, как обычно, наготове у правого локтя профессора.

Был обычный, сердечный вопрос:

— Как мы чувствуем себя? Как спали?

— Нормально, профессор, спасибо! Вполне нормально.

— Голова не болела, камни в печени не беспокоили?

— Нет, профессор! Вы же знаете отлично, все мои камни в моей душе...

Но профессор не дал ему говорить о Храме, отвлекаться.

— Рад, что спали нормально. И что же, Фудым, были сны? Хорошие сны, надеюсь?

— Мои сны спокойны, профессор, вот только сосед мой Йошпа! У него то, что вы называете сумеречным состоянием души...

— Не надо о Йошпе, Фудым, Йошпа сам о себе расскажет.

Сосредоточьтесь исключительно на самом себе. Не надо смотреть по сторонам. Не смотрите на эти перчатки, вечно они отвлекают ваше внимание. Пристально смотрите мне в глаза, смотрите пристально, Фудым.

И они встретились глазами. Профессор изо всех сил старался овладеть его вниманием, гипнотизировал. Это удавалось ему с большим трудом. В очках его стояли телескопические стекла, отчего глаза казались величиной с блюдце, что очень сместило Фудыма. А левый глаз профессора вообще был ужасно скошен к переносице, так что вся сила гипноза уходила насмарку.

Сейчас подошло время сказать, отчего родилась у Исаака Фудыма вражда к доброму и смелому профессору Кара-хану. Почему он упорно скрывал от профессора Синай, Лейвика и скрижали.

Все заключалось в этих самых тонких резиновых перчатках.

Больной разрешал профессору свободно путешествовать по всем уголкам своей запутанной биографии. Вместе они вспоминали детство Исаака, насколько он мог его помнить. Вспоминали войну, те самые три буханки черного хлеба, из-за которых угодили капитан Фудым в Сибирь, на каторгу. И как били его по голове молоденькие пограничники, когда он вышел на волю и решил бежать через афганскую границу, и все о Храме. Ибо великий Храм никак нельзя было скрыть от людей. Храм сооружался во дворе лечебницы, как раз между общественным туалетом и скотным двором. Никто, понятно, Храма его и в глаза не видел. Храм этот строился лишь в воображении гениального зодчего, который в любую погоду, в зной и стужу, пропадал на строительной площадке. У зодчего хронически болела голова, по которой его сильно били молоденькие пограничники прикладами, часто болела печень... Мало ли что может болеть у пожилого человека, истощенного напряженным трудом? Но никогда он не жаловался профессору на свое состояние, ибо было однажды открытие, потрясшее подозрительного зодчего до самых оснований его души.

В тот раз профессор обнажил его по пояс, велел лечь на кушетку. Начал ему мять живот, щупать: «Здесь не болит? А тут не беспокоит?» И говорил он это с таким участием, таким теплым, материнским голосом, что больной вдруг расчувствовался до горячих слез. Он никогда не подозревал, что на свете может быть подобная доброта, сострадание человеку. Такого Фудым ни разу не встречал в своей суровой жизни. И когда он схватил было руку профессора, чтобы осыпать ее благодарными поцелуями, то ужаснулся. Руки профессора были в перчатках! Как он позволил так обмануть себя? Почему доверился? Неужели профессор не знает, что не словом, а прикосновением обнаженной руки вливается в человека твое самое сокровенное содержание? Любовь нельзя передать через перчатки! А значит, профессор лгал, Фудым сам придумал его доброту!? И с той минуты зодчий сделался подозрительным, перестал ему верить. И шаг за шагом убеждался в истинных намерениях профессора, разгадал в нем злейшего своего врага. Сколько потом ни старался профессор, он не мог уже докопаться

до очага болезни. Добраться до очага вместе с больным, чтобы тот его увидел, и поняв, — излечился бы разом. В этом и состоял знаменитый принцип психоанализа.

Исаак Фудым пускал профессора свободно разгуливать по всем дорогам своей души, но едва доходило у них до тех вечеров у Волчьего леса, до Лейвика, — вилял, мутил воду, а сны придумывал.

Профессору показалось, что он овладел, наконец, вниманием больного.

— У вас свежий вид — сказал он. — Сегодня вы отлично выглядите. Можно полагать, успешно продвигается строительство? Скоро вы его кончите... Чем же мы займемся потом?

Зодчий с большим удовлетворением отметил, похвалив себя, как умно было с его стороны не трогать прически. Постригись он утром наголо, под Лейвика у Волчьего леса, это сразу насторожило бы умного профессора Кара-хана. Враг догадался бы о побеге. Он приставил бы к палате это чудовище Удава, и... прощай, Синай, прощайте, скрижали.

— О, профессор, должен признаться, — со строительством дело обстоит безобразно плохо, — начал зодчий. — Народ не исполнил и половины намеченных работ. Пришел в Иудею месяц Ийяр, самый неподходящий для строительства. По всей стране секут ливни, период затажных непогод. Дороги везде размыты, обозы застревают в пути. Обозы с пиломатериалом не в силах одолеть и малый холмик, не говоря уже о головокружительных тропинках в диких скалах. И стали поступать сведения, что рабочие расходятся по домам, покидают забои в каменоломнях. Народ этот нанят сплошь из сельского люда, вот и разбредаются они по хозяйствам и сельбищам готовиться к весенним трудам. Мне же в отчаянии этом впору дойти до греха. Я уж думал сегодня ночью, — не пойти ли мне к инородцам, к сынам Исмаила, не вербовать ли между ними рабочую силу. Им-то что, язычникам этим, лишь бы платили прилично! А мне на том свете голову оторвут за подобное кощунство! Ах, профессор, профессор, что говорить!? Столько черствости в моих иудеях, столько эгоизма! Не поступают в достаточных количествах свинец, лесоматериалы. По ходу работ приходится заменять десятников, пересматривать многие сметы и наряды. Бездна хлопот! Дай-то Бог дойти мне в этом году хотя бы до кровли. Я не осмеливаюсь говорить уже об отделочных работах. О, тут мы воспрянем! Тут поменяем весь штат мастеров, выпишем специалистов из-за границы. Тут я буду ходатайствовать перед правительством о выделении дополнительных ассигнований, — нечего им жмотничать! Да, профессор, отделочных работ я жду с особым удовольствием. Тут у меня припасены такие идеи, что всякий, кто явится под стены Храма, ахнет от удивления.

Профессор Кара-хан был в сильнейшем затруднении. Каждый раз, когда зодчий так искренне делился своими заботами, он явно впадал в тоску.

— Не нравится мне Храм этот, Фудым. Не лезет он ни в какие ворота. Ломаю себе голову и не пойму, что это за комплекс? Послушайте, милый, а может его нет, может Храма никакого не существует?

— Как же так, профессор!? — обиделся зодчий. — Как вы смеете говорить подобное? Вы знаете, Храм поглощает меня целиком. Я так много о нем рассказываю вам. Храм обязательно есть, от этого никуда не деться.

— Да, да, милый, конечно же существует! — поспешил утешить больного профессор. — Вот вчера вы рассказали мне замечательный сон, помните? Я бился над ним всю ночь, — классический комплекс неполноценности! Но Храм? Откуда он взялся у вас? Этого, — убейте меня, — никак не уразумею!

Зодчий усмехнулся и с большим достоинством отвечал:

— Сами вы говорили, профессор, что «палестиномания» — штучка новая и хитрая, вещь очень уж странная. Вот и надо бы понимать, что наверчено у меня такое, что только и расклебывай. Одному вам трудно. Вам бы привлечь к этому делу большой штат таких же умных и проницательных людей, как вы сами. Сдается мне, что все-таки вы не один, есть люди, что вам помогают тихо и незаметно. Признайтесь, профессор, есть, а?

— Опять вы, Фудым, об агентуре? Не надо, это вас недостойно! Не разменивайтесь на пошлости. Вот вам карандаш, вот бумага. Изобразите-ка лучше, как он у вас выглядит, Храм этот? В общих чертах хотя бы?

Но зодчий карандаш от себя отодвинул.

— Вам же известно, профессор, что Храм — это святыня. А пророки нас учат делать ограду вокруг святынь наших.

— Ну, ну, Фудым, — обиделся профессор. — Вы уж и впрямь в мистику ударились. Как же вы хотите меня убедить, что Храм существует, если никто его и в глаза не видел?

— А я и не пытаюсь убеждать никого, что Храм мой существует. Мне было бы гораздо спокойней, чтоб никто о нем ничего не знал. Но куда я строю его на вашей территории, и ежедневно вы видите меня в хлопотах и заботах, тут уже ничего не поделаешь. Я должен вас информировать обо всем.

Кончиком карандаша профессор почесал у себя за ухом.

— Кто мне может помочь, как не вы, Фудым? С чего это вдруг капитан артиллерии, орденоносец, бывший зек, современный, коротко говоря, человек строит вдруг некий иудейский Храм?

— Храм у народа должен быть! — решительно отвечал зодчий. — Без Храма евреям никак нельзя. Попробуйте, профессор, строить свой храм, и вы увидите, какой возвышенной сделается ваша душа!

Про себя же Исаак Фудым думал сейчас так:

«Ни в какой очаг тебе не проникнуть, профессор. Ни тебе, ни твоей агентуре. Все вы идете по ложному пути, на который я вас навел. Я сам дойду до очага болезни, сам разрушу его. Завтра услышу одно лишь слово Лейвика: да или нет! Если

он слышал звук выстрела, значит пуля моя не убила его, если нет, стало быть, Лейвик мертв. Вот и все, и не надо мучать меня дурацким психоанализом, знать непременно все мои сны! А если очень тебе хочется знать, что у меня за комплекс, то думаю, скорее всего, — тот же комплекс вины, комплекс раскаяния. Как повествует предание: и не дам я убийце покоя ноги его!».

Профессор продолжал вести сеанс в нужном русле.

— Вспомните, Фудым, когда впервые пришло вам в голову строить Храм? Вспомните детство, игру в песочек, карточные домики, картонные замки! Было такое?

— Я уже рассказывал, профессор, — после того, как меня били прикладами на границе...

— Помню, говорили! Ну, а служба в армии, вспомните войну...

— На войне мы только разрушали храмы...

— Ну а после, в Сибири, в лагере? Быть может, вы стремились построить себе отдельный барак, собственную землянку?

— Нет, профессор. В лагере мы валялись на нарах, ничего подобного мне не хотелось. Опять повторяю, — после того, как поймали меня на афганской границе и не пустили идти на родину...

— Итак, Фудым, — смиренно согласился профессор. — Живете вы сейчас на родине и строите иудеям великий Третий Храм?

— Абсолютно верно, профессор!

— Скажите же, милый, почему же вам не собирать камни и в самом деле? Постройте нам что-то настоящее, практически полезное. Вам это было бы трудотерапией, и мы бы пользу имели. Все бы видели, что именно вы строите. Вот я велю завести в лечебницу пару машин кирпича, цемент, шифер... Отстройте нам заново вольер для кроликов, загоны для ослов. Ведь наши животные, можно прямо сказать, родные вам братья по крови. У них мы берем сыворотку для уколов, излечиваем вас.

— Я уже строил для лечебницы, — сказал зодчий. — И что вы сделали из моих камней? Помойку для столовой?!

— Наглые повара понесли достойное наказание, — сурово отвечал профессор.

И понял, что разговор их сбился на амбицию, на старые обиды. Разговор принимал нежелательное направление.

— Итак, милый, вы утверждаете, что Храм ваш живет в одном вашем воображении? Каждый камень, каждое бревнышко имеют свое назначение? Всегда вы знаете, в каком состоянии строительство объекта?

— Ничего удивительного в этой работе не вижу, — удивился зодчий. — Моя работа чуть ли не детская возня в сравнении с феноменом Шаповаловым из сорок первой палаты. Вспомните, профессор, как сыграл однажды инженер Шаповалов блиц-турнир в шахматы. Его посадили спиной с завязанными глазами против двадцати сильнейших наших игроков. Ему выкрикивали только ходы, и, представьте себе, Шаповалов не спутал ни

одной позиции, не забыл положение фигур ни на одной доске. И что же мы имели в итоге: шестнадцать партий выиграл, две ничьи, и только две сдал.

И оба они помолчали, удивляясь про себя феноменальности инженера Шаповалова из сорок первой палаты.

— И все же я убежден, что Храма построить вы не можете, — упорствовал профессор Карахан. — У вас нет необходимого архитектурного образования. А о каком-то иудейском Храме, павшем двадцать веков назад, во всем прогрессивном мире и память изгладилась. Вы должны знать, как он выглядел, этот Храм, если вы взялись отстроить его заново? А откуда вы можете это знать? Сооружаете вы себе какую-то там глупость, наподобие куриного насеста, и выдаете всем за нечто значительное. Так, Фудым?

— Я уже просил Вас, профессор, не осквернять и словом Храм Иудейский. Если он и стоит на вашей территории, это не дает вам еще права хулить его. Я буду писать жалобы в международные суды и инстанции за то, что тут ущемляют нашу национальную самобытность. Не издевайтесь, прошу вас. Я вам обещаю, когда мой Храм будет готов, я заберу его отсюда и отнесу туда, где он и должен стоять. Я подарю его моему народу.

Тут зодчий вовремя спохватился и умолк. Он совершил еще один непростительный промах — дал явно понять, что готовится к побегу. И спасти его может одно, — слава Богу, что профессор давно привык ко всяким заносам его неудержимой фантазии, и может быть, не придаст значения этим словам.

— Простите, милый, беру свои слова обратно, — с удовольствием начал профессор. — Давайте-ка лучше приступим к анализу вашего сна об овцах, льве и пустыне? Разбирать станем, как обычно; сначала я его зачитаю, затем вернемся толковать наиболее выпуклые и значительные детали. Могу вас обрадовать, — это один из лучших снов, что вы рассказали. Весьма примечательный сон, я славно над ним потрудился.

Сразу бы надо заметить, что именно этот сон Исаак Фудым считал самой неудачной своей выдумкой. Многие его символы могли навести профессора на мысль о существовании Лейвика. А там, волей-неволей пришлось бы до конца разоблачаться. И зодчий призвал на помощь все свои силы и бдительность, чтобы быть начеку и путать профессору любые догадки.

Профессор снял с носа телескопические очки, тетрадь так близко поднес к глазам, что сделалось прямо-таки страшно и дурно.

«В раннем младенчестве я себя не увидел, не помню. А помню, что на краю пустыни нашли меня овцы и усыновили. Большое стадо кротких, покорных овец. Помню, что очень пришелся им по душе, и они охотно обучали меня своим нехитрым повадкам: как спастись от шакалов; где искать вкусную пищу, сочную траву; как лучше нагуливать жир? А больше всего — как угождать волкодавам, нашим хозяевам и покровителям. Потом я подросток. С

меня тоже стали стричь шерсть, как с моих братьев. А больше следили, чтобы стал я тучным, чего мне меньше всего хотелось. Я заметил, что самые тучные братья один за другим исчезают из стада. Именно тучные! Когда я спросил, наконец, куда же они исчезают, вожак на меня очень рассердился. «Ты, овца, тебе ни о чем не следует спрашивать. Не надо думать об исчезнувших, им там очень хорошо, на новом месте. Думай сейчас о себе, будь примерной овцой. Радуйся солнцу, травам, жизни, нашей прекрасной пустыне. Твои мысли идут тебе только во вред. Смотри, как отощал ты от своих размышлений! Какая на тебе грязная и короткая шерсть, ребра твои срамно выпячивают». И сделав мне строгий выговор, вожак снова затолкал меня в самую середину стада. Помню, как после сильных дождей мы оказались однажды на самом краю пустыни. Волкодавы пригнали нас на очень сочные пастбища. Все вокруг было побито, одной травы было вволю. Волкодавы почему-то стерегли здесь каждый наш шаг. Глаз не спускали с нас. Помню, был полдень. Из-за бархана вышел лев и направился прямо ко мне. От страха я повалился на землю и закрыл глаза. Тут я услышал голос: «Брат мой, вставай! Почему ты поджал хвост и блеешь, лежишь на земле и мочишься под себя от страха? Перестань скулить, ты же лев!» А я ответил: «Нет, царь, не говорите так, я вам не брат! Я овца, овца...» Тогда он поднял меня на ноги, укрепил на гнущихся коленях. «Тебя обманули! Пойдем, я покажу тебе, кто ты. Увидь свой истинный облик!» И лев привел меня к источнику с чистой, зеркальной водой. А я все дрожал и блеял, но когда заглянул в воду, то увидел там льва».

Профессор очень выразительно закончил чтение, даже с каким-то пафосом, будто сам пережил такое. Надел очки, а тетрадь с этим дурацким сном продолжал держать в руках.

— Чудные символы, — сказал он. — Большое удовольствие было с этим работать. Хочу похвастать, — без определенных исторических познаний мне бы никогда не подобрать ключей к вашему сну. Допускаю, что некоторые догадки притянуты за уши. Но — риск и фантазия — вот девиз психоанализа! Быть может, я ошибусь в чем-то, так вы следите внимательно, Фудым, Итак большинство населения этого сна уберем сразу на второй план. Центральная фигура тут, несомненно, лев. Это он делает вам в жизни величайшее открытие, без чего ваша предыдущая жизнь была подобна жизни животного. Встреча эта — озарение. Она выводит вас из оцепенения, из обмана и заблуждения. Кто же он, этот необыкновенный человек, выпешший вам однажды навстречу, как истинный брат?

Профессор сделал паузу, полагая, что Фудым внимательно следит за нитью этого следствия. Однако, собеседник его выглядел равнодушным. И чтобы не потерять мысли, профессор продолжал:

— В одной, весьма непримечательной детали, мне показалось, заключен серьезный смысл. Тут-то и пригодились мне эти познания о бродячей судьбе вашего народа в целом. Вот мы имеем два отчет-

ливых упоминания о крае пустыни. Первый раз вы упоминаете об этом в самом начале: «...на краю пустыни нашли меня овцы и усыновили!» Как всем это известно, народ ваш много раз жил в чужих владениях пришельцем. Другие народы и нации давали приют вам, усыновляли. Прав я, Фудым? Конечно прав! Во второй раз, когда из-за бархана выходит лев, вы снова стоите на том же самом краю пустыни. На границе с некогда утерянной родиной. Понимаете, куда клоню я? Не побег ли это к афганской границе? Сознайтесь, Фудым, есть тут нечто такое? Во второй раз на краю пустыни царит очень сложная обстановка. Побито все живое, много сочной травы, обильная пожива. Но в то же время — бури, следы разрушений! И эти самые псы — волкодавы особенно начеку. От каких таких опасностей и соблазнов стерегут они вас? Не молчите, Фудым, это очень важное место, помогайте мне! Насколько мне известно, львы обитают преимущественно в сердце пустыни, в оазисах. Похоже, что брат-лев приходит к вам именно из оазиса. Но буря! Поэтому будем ставить условие, будто во время бурь оазисы очень пострадали. Появление этого человека обусловлено временем каких-то катастроф. Что это было за время такое, Фудым? Не молчите.

— Не знаю, профессор, — вяло отвечал тот. — Быть может, война или конец войны. А может Сибирь, лесоповал. Я всегда жил в мрачное время, вся моя жизнь — катастрофа.

Исаак Фудым не на шутку струсил.

«Невероятно, — твердил он себе. — Я отказываюсь верить ушам своим! Не может быть, чтобы профессор зашел так далеко без помощи своей агентуры! Он вплотную стоит перед Лейвиком».

— Вы уже живете на родине, — продолжал поражать его профессор. — Брат-лев сделал вам открытие и исчез. Дальше о нем ничего не сказано. Сон ваш обрывается на этом. Куда он потом исчез? Если опять ставить условие, можно допустить, что между временем, когда вы, подойдя к воде, увидели свой истинный облик, и тем, что осознали это, — пролегает значительный отрезок времени. Брат — лев мог сделать вам это открытие, но осознать его пришлось уже вам одному. Скажите, Фудым, есть тут нечто похожее?

— Простите, профессор, ваши тонкие умозаключения очень меня утомили, — признался тот. — Вы ведь знаете, я имею дело с грубым камнем, с сельским людом, я давно отвык от тонких мыслей. К тому же — меня много били по голове. Я обещаю вам на досуге подумать над всем этим. Быть может, завтра мы по-настоящему сумеем продвинуться к очагу болезни.

— Согласен, Фудым. Позанимаемся завтра. Я вижу на вашем лице следы глубокого утомления. Ступайте к своему Храму, работайте. Но помните, я искренне желаю вам скорого выздоровления. Я не щажу на это своего времени и своих трудов. И не молчите так глухо, как сегодня. На наших занятиях взаимная откровенность совершенно необходима.

Лгал Исаак Фудым профессору Кара-хану, своему доброжелателю. И льстил, как вы помните. Именно так и льстит затравленный миром человек своему злейшему врагу. Мутит воду и вводит в заблуждение.

Когда же лукавый зодчий оказался во дворе лечебницы, вдохнул всей грудью сладкий весенний воздух, на лице его не было и тени скуки или усталости. Напротив, каждый нашел бы его свежим и отдохнувшим. Так и должен выглядеть сильной природы человек, сохранивший среди суеты и пустых разговоров силы для самого важного.

Во дворе, на коротких асфальтовых тропинках стояли скамейки. Тихо беседа, сидели тут обитатели скорбного дома, читали газеты, журналы, слушали транзистор из чьих-то рук. Были тут и игроки в шахматы. А многие просто прогуливались взад и вперед, греясь на теплом, ласковом солнышке.

Тотчас же кинулись к зодчему два человека, будто давно ждали, когда он выйдет от профессора к Храму.

Один из них — арабист Баба—Алиев, проживавший в настоящее время в Дамаске, в халифате древних Омийядов, был большим знатоком легендарной Пальмиры. Другой, русоголовый плотник Шохин, утверждал, будто был он одним из мастеровых—умельцев, рубивших собор Василия Блаженного, что и поныне стоит в Москве, чуть ниже Лобного места. Оба этих агента покоя не давали бедному зодчему Третьего иудейского Храма. Оба выдавали себя за страстных болельщиков строительства, лезли к нему со своими советами. Исаак же Фудым видел их насквозь. Яснее ясного, профессор велел им вынюхивать ежедневно, не идет ли строительство к завершению. А значит — поддельваться под образ всех его мыслей.

Почтительный, кругленький арабист сложил по-восточному руки, отвесил поклон до самой земли.

— Приветствую вас, несравненный усто! Позвольте обратиться ничтожному рабу, почитателю редчайших талантов моего господина!

— Я весь обратился в слух, мудрейший Баба-али, — отвечал зодчий, малость знакомый с нравами древнего Дамаска. — Я готов внимать вашим советам с благодарностью. Вы редко являетесь людям, поэтому с вами беседуют ангелы.

— Сегодня ночью, несравненный усто, ваш раб имел удовольствие гулять по базару Пальмиры, — суку Хаммадие. И совершенно случайно встретил вашего коллегу, величайшего зодчего мусульманского мира самого Аль-Шамуни, создателя мечети текка Сулеймани. Так вот, — таинственно зашептал этот шпион и пройдоха. — Покуривали мы кальян, попивали крепчайший кофе, и, представьте себе, господин мой, какая радость! какая удача! Мне удалось разузнать секрет изготовления майоликовых фресок. Ве-

ликий усто, я готов поделится с вами этой тайной. Она пригодится вам, когда вы дойдете до орнаментов Зодиака. Ведь я тоже полон желаний, чтобы Храм ваш сиял на Востоке, как луноликая пери в садах Аллаха.

— Желанный друг мой, любезный Баба-али, примите горячую благодарность от всего народа Иудей, — отвечал Фудым с повлажневшими глазами и растроганным лицом. — О, любимец пророка! Мы непременно воспользуемся секретом изготовления майоликовых фресок, когда дойдем до орнаментов Зодиака и символов Кабаллы. Но, к великому огорчению, дела мои сейчас плохи. Я предполагаю законсервировать строительство на неопределенный срок. Пришел в Иудею трудный месяц Ийяр, по всей стране стоят ливни, обозы застревают в пути, и народ покидает забои. Когда придут благоприятные времена, я непременно призову вас в Совет архитекторов, мудрейший Баба-али. Я призову и вас, любезный самоучка-умелец, — обратился он к Шохину, чтобы сразу от обоих и отвязаться. — Ваши советы, топорных дел мастера, неоценимы для всего народа Израиля в его звездный час воссоздания главной святыни. Дорогие друзья мои, горькая скорбь стискивает мне душу. Сейчас я иду к людям сообщить о прекращении всех работ, я должен покинуть вас, поспешая к Храму.

И со слезами на глазах зодчий отвесил поклон продажной шкуре из древнего Дамаска, сердечно обнялся и трижды почеломкался, чтя кондовые повадки боярской Руси, с мастером топорных дел Шохиным.

В тот миг, когда затравленный врагами и соглядатаями великий зодчий свернул на тропинку, ведущую к туалету, он сразу оказался под грандиозными стенами своего творения.

В этот же самый миг Господин Удав кликнул к профессору Кара-хану Натана Йошпу, человека, обреченного умереть из-за своего скудоумия в далекой, чужой стране. Именно этой, последней ночью у него не хватило сообразительности приземлиться в Галилее. Одно лишь мгновение думал зодчий о предстоящей беседе профессора с его соседом по палате, — не выдаст ли бывший начальник галантерейного цеха его побег к Сиону, — но тут же забыл обо всем на свете, увидев Храм и обезумев от восторга.

Да, лгал добрым людям лукавый зодчий о предполагаемой консервации строительства. Вводил в заблуждение, не гнушаясь хулить свой народ и свое правительство.

И вправду, стоял на Святой Земле трудный месяц Ийяр, самый неудобный для тех темпов, какими строили иудеи свой третий Храм. Свистели, крутились по стране песчаные хамсины вперемежку с дождем и градом. И размыты были дороги, тяжело приходилось многочисленным обозам одолевать на пути в Иерусалим страданные болота с ползучими библейскими гадами, кручи над пропастью в больших и малых горах. К тому же великое множество проходимцев и шарлатанов являлось под стены Храма, выдавая себя бог знает за кого! То это были современники царя Соломона, то люди времен Нехемии-пророка, люди Второго Храма. И лестили зодчему: «В на-

ши дни не знали подобного энтузиазма!» Клеветал на свой народ зодчий, обвиняя соотечественников в черной неблагодарности. Точно, стоял в Иудее месяц Ийяр, и надвигалось время весенних работ, разбрелись по своим сельбищам камнерубы и плотники. Но потому лишь они разбрелись, что отпустил их сам зодчий, ибо труд свой и долг перед предками Израиль достойно исполнил.

Но даже, если бы еще потребовалось камней для Храма, народ сумел бы и в карьерах взкалывать и поле пахать тракторами. Одной рукой здесь, а другой там. И не роптал бы никто! Головой готов поручиться зодчий, — нет, не роптал бы!

Лгал он еще про пиломатериалы, свинец, мастеров. Что свинец, когда стар и млад несут на алтарь своей славы серебро, и золото, и редкий камень! Несут и несут, и золота у Совета архитекторов скопилось больше, чем было его у царя Давида, когда копил он золото для Первого Храма. Больше, пожалуй, чем было его у сына Бат-Шевы, любовника козлоногой Офирской красотки в зените его могущества. Свинца у зодчего достало бы на десять храмов, на башню Вавель, возьмись он ее повторять.

А дерево имелось такое, что могло лишь присниться профессору Кара-хану в самом дивном сне. Это там, в Сибири, в стране придуманных снов, зовут дерево пиломатериалом, кличут так по-блатному. В какой-то жизни и сам зодчий валил сосны в Сибири, отправляя из лагеря вагоны. Здесь же, в Иудее, имелось под рукой самое благородное дерево, какое только производит лицо земли. Дерево это может быть известно таким знатокам, как арабист Баба-алиев, завсегдагая сука Хаммадие, — базара легендарной Пальмиры — ливанский кедр, пахучий сандал, редкий ситтим...

Ах, лицемерными были и жалобы зодчего, человека с запутанной биографией, что не дойти ему до храмовой кровли в этом году. Кровля—благодарение небу — давно была готова, и вечаала ее золотая менора, могучее дерево семисвечника. И не пришлось ни разу идти на поклон к заморским умельцам. В среде своего народа нашлись мастера, у которых кому угодно не стыд было бы поучиться. Сколько ни приставал поэтому самоучка Шохин к зодчему со своими услугами, тот в лучшем случае отправлял его помахать топором в эвкалиптовые леса Эфиопии или же порубать кактусы в окрестностях Ашкелона.

Оказавшись сейчас под стенами Храма, зодчий забыл даже покаяться за все эти грехи. Забыл, как несколько минут назад оболгал всевышний престол, прося помощи дойти до отделочных работ. О, лицемерный зодчий! Судьба неслыханно щедро отнеслась к нему! Отделочные работы он завершил еще прошлым летом. И удалась отделка блестяще, во всем соответствуя гениальной мысли. И поражался каждый, кто являлся под стены Храма, кто видел роспись и лепку.

Пришел великий час: этой ночью он заберет его в душу, поставит готовым на родине. Там, где и приличествует Храму стоять. А не здесь, на вражеской территории.

Окончание следует

ВИКТОР БОГУСЛАВСКИЙ

ПЕРВЫЙ ЛЕНИНГРАДСКИЙ ПРОЦЕСС

Идет большая алия из России: за последние три года более 100 тысяч человек прибыло в страну.

А 15 июня 1970 года в Ленинграде, в аэропорту Смольный, была арестована группа евреев за попытку нелегально покинуть пределы СССР. Затем начались аресты в Кишиневе, в Риге и опять в Ленинграде. Ах, как хотелось советским властям задавить, уничтожить еврейское движение! Но результат получился обратный: процессы эти прогремели на весь мир и вызвали бурный протест мирового общественного мнения и новый подъем еврейского движения в СССР. Началась большая алия.

Декабрь 1970 года, Первый ленинградский процесс — для многих это уже история. Для многих, но не для всех.

Они не собирались делать Историю, они шли. Шли на маленький самолет АН-2 в пригороде Ленинграда — шли в Израиль. Шли — каждый своею дорогой, каждый — всею своей жизнью. И жизни эти пересеклись там, у самолета АН-2.

Очень часто спрашивают (и в СССР, и в Израиле), почему евреи уезжают из СССР? Ответ: потому что они евреи, — на первый взгляд ничего не объясня-

ет. Но что это значит — быть евреем в СССР?

Марк Дымшиц остался без родителей во время войны. Из детского дома он был направлен в авиационное училище. Красивый, общительный парень, прекрасный спортсмен быстро завоевал симпатии окружающих. Он стал отличным летчиком. Он влюблен в небо, и его ценят. Он становится штурманом полка, и вдруг все переворачивает приказ Хрущева о сокращении военных кадров. На удивленный вопрос Марка: почему сокращают именно его? — ему с солдатской откровенностью указывают на «пятый пункт». Он пытается попасть в гражданскую авиацию, — опять отказ и по той же причине. У него хватает упорства, работая слесарем, закончить вечерний институт, стать инженером-электриком. Но небо, его любимое небо, ему запрещено.

Блестящие успехи израильской авиации в Шестидневной войне поражают его. Ведь он летчик, он еврей... Его бывшие товарищи по небу участвуют в бандитском нападении на Чехословакию. Это не для него. Значит, путь один — в Изра-

иль. Не выпустят. Но он человек дела, он летчик, он может поднять самолет и улететь. И не он один. Его семья, другие евреи, ведь есть, должны быть еще евреи, стремящиеся в Израиль.

Он узнает о курсах иврита, он предлагает.. нет, эти его новые знакомые избрали другой путь борьбы за выезд, они не согласны с его идеей.

Случайно он знакомится с Эдуардом Кузнецовым.

Эдуард Кузнецов, студент-философ, за участие в демократическом движении на семь лет попадает в исправительно-трудовой лагерь. Из узкого круга московских интеллектуалов - идеалистов — в самую «гущу народную». И тут узнает, что для народа все его демократические идеи — просто «жидовские штучки». Для того самого народа, ради которого он готов был пожертвовать жизнью...

И его близкие друзья по лагерю, Федоров и Мурженко, тоже видят безнадежность, бессмысленность демократического переустройства России. Освободившись, он едет в Ригу, где, как говорят, «иногда выпускают». Вскоре он женится на Сильве Залмансон.

Сильва говорит: «Не выпускают, четвертый раз отказали». Для нее уехать в Израиль — цель жизни, цель каждой минуты существования. Если сегодня уехать еще нельзя —

можно делать хоть что-нибудь, можно печатать литературу об Израиле, чтобы ее читали евреи других городов. Арон Шпильберг говорит, что в Ленинграде плохо с литературой? Чемодан «Исходов» — в Ленинград, из Ленинграда — Герцль и Жаботинский для Риги. Начали издавать журнал «Итон». — Сильва его печатает. Для Риги, Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Киева его размножают фотоспособом Шепшелович и Альтман. В редактировании участвует Иосеф Менделевич.

Марк предлагает лететь — конечно, лететь! И она, и Эдик, и ее братья — Вульф и Изя. Младшего, Сему, оставим с папой, — ведь всякое может быть...

Иосефу Менделевичу отказали в выезде, но из института выгнали. Ну что же, зато есть время спокойно учить Тору. История Исхода учит действию. Иосеф пишет статьи для «Итона», печатает его, но исхода это не приближает. Выезд все так же нереален. Можно улететь? Конечно, он согласен! И его сестра Мэри, и ее муж Арье Хнох. «Прочь из северного Вавилона!» — Даже если мы погибнем, весь мир узнает о нашем отчаянном положении.

«Бодня, мы вам снова отказываем в выезде». — «Но ведь в Израиле у меня мама!» — «Ваша мать—старуха, нам она не нужна, вот мы ее и выпустили. А вам там нечего делать.»

Нагло, тупо, безнадежно.

Борису Пэнсону говорил его учитель живописи: «Это нельзя выставить, у них это называется «формализм». Гитлер говорил просто: — «еврейское искусство». Ты же знаешь, как у них...»

Боря знает, как у них. Как отца без суда и следствия два года держали в тюрьме КГБ. Как его, семнадцатилетнего посадили по ложному доносу на 5 лет за «попытку изнасиловать» 30-летнюю проститутку.

Но в ОВИРе опять отказали. Через два дня быть в Ленинграде? Лететь в Израиль? Конечно, да! Только бы успеть сфотографировать свои работы, хоть негативы взять с собой...

Толик Альтман: «Я? Я просто рожден для свободной жизни. Свободно жить, ходить под солнцем, радоваться красивым птицам, красивому морю, радоваться, когда работа оживает в руках. Вот эти маски, это я резал. Это, на столе, тоже я. Да, свободно жить, чтобы из института меня не выгоняли, если я не считаю парапсихологию лженаукой; чтобы за тунеядство не таскали, если я не на заводе, а у себя дома хочу работать; чтобы не сажали, если я печатаю «Итон», а не призывы КПСС. Конечно, только в Израиль, ведь в любой другой стране я буду прежде всего евреем, а уж потом... А я хочу быть прежде всего человеком».

В начале января 1971 года меня привели из камеры к начальнику тюрьмы.

— Знаете о приговоре вашим самолетчикам? Читали газеты?

— Нет. Вы же прекрасно знаете, что я не мог читать газету: по вашему распоряжению мне уже неделю не приносят газет.

— Да? Вот, слушайте: «За попытку незаконного перехода границы СССР путем захвата самолета суд приговорил:

Дымшица и Кузнецова — к расстрелу (кассационная инстанция заменила 15-ю годами тюрьмы).

Федорова — к 15 годам

Мурженко — к 14 годам

Менделевича — к 12 годам

Сильву Залмансон — к 10 годам

Вульфа Залмансона — к 10 годам

Израиля Залмансона — к 8 годам

Хноха Арье — к 10 годам

Альтмана — к 10 годам

Пэнсона — к 10 годам

Бодню — к 4 годам».

— Вот, учли, что мать в Израиле, мы же гуманисты.

— Почему «мы»? Вы — КГБ, а приговор выносит суд?

— Ну, знаете ли... Не будьте ребенка.

— И при чем тут гуманизм, если Сильве дали 10 лет?

— А вы знаете, что она на суде заявила? По-вашему, на иврите, а потом по-русски: «Пусть отсохнет моя правая рука, если я забуду тебя, Иерусалим». А? Как же ей после этого можно было дать меньше?

ПИСЬМА СИЛЬВЫ ЗАЛМАНСОН

Мои милые рыцари!

Я так тронута вашим постоянным вниманием ко мне, что не нахожу слов для выражения и десятой доли моей к вам сердечной привязанности и благодарности. Не вижу также за собой особых достоинств, таких, которые могли бы «оправдать» ваши антирежимные действия. Но «сердце сердцу весть передает», и не надо меня уверять в вашей любви ко мне, как будто я в это не верю. Я очень хорошо вас понимаю, и люблю, и ваши заботы обо мне трогают меня до слез.

Я поздравляю вас и всех соотечественников со всеми праздниками, прошедшими и будущими, с Пасхой и Йом-Хацмаут. Мечтаю о том дне, когда можно будет встретиться за одним столом и под одной крышей, желательно где-нибудь у Красного моря, например, приложиться к традиционным цам и овсяной каше, вспомнить все и все забыть.

В ПКТ хорошо намерзлась. Изю всех сил старалась не расслабляться, закутывалась в газеты и прыгала целыми днями, а иногда и ночами.

Здравствуй, дорогой Изенька!

Пэкэтэшные страдания наши с тобой кончились. Судя по твоим письмам домой, ты держался молодцом. Горжусь тобой ужасно. У меня тоже все было бы очень неплохо, если бы не постоянный пронизывающий холод. По 3—4 дня в месяц топили прилично. Дни эти, само собой, воспринимались как подарок, а я была на грани блаженства. В остальные дни с небольшими передышками без конца прыгала и даже ночью приходилось вскакивать и плясать «фрейлахс». Я думаю и думала, что у тебя было так же. И поэтому я хотела писать прокурору о пересмотре твоего дела и о понижении тебе срока в ПКТ. Я даже набросала на черновик свои умо-заключения типа: раз мой брат дал по роже, значит, правильно сделал, и я уверена, что дал мало, потому что он в семье самый деликатный. Форма, правда, была иной, но смысл именно таков, с лестным для тебя выводом, что ты интеллигент не от немоци, а от душевной тонкости. Я забросила свою писанину в угол на случай, если все-таки решу послать ее в Явас. Но даже если бы не было полной уверенности в бесполезности пересмотра подобных спровоцированных дел и рассмотрения подобных жалоб, все равно не хочется лишний раз у них проситься.

Кстати, ко мне в ПКТ приходила прокурорша, по заявлению, кажется Владика и иже с ним. Кончила она беседу тем, что меня — таки надо было судить, а они пожалели, засадив в ПКТ на полгода, и что я голодовками (24.XII я постилась) и мордобоем создаю о себе неважное мнение и тем самым усугубляю свое положение. На что я ответствовала: «Вы напрасно полагаете, что главная моя цель — по-правиться вам. Мне глубоко безразлично ваше прокурорское мнение обо мне. Мои друзья меня поддерживают, совесть моя спокойна, а

для меня теперь это высший суд». Из чего она и сделала вывод, что меня надо было судить не по 112 статье, а по 116, II части, и дать как минимум 3 года.

И все же, несмотря на неприятную беседу, было тепло на душе от того, что обо мне заботятся друзья. Спасибо, дорогие!

Семка на свидании, наверно, рассказал тебе обо мне и по-видимому, мне нет необходимости погружаться в воспоминания, как бы приятны они ни были. Мне дали всего лишь два часа, да и того оказалось много. Семка еле ворочал языком и чувствовал себя очень усталым и без конца извинялся за то, что Эдику 8 месяцев вообще не писал.

Личного свидания меня лишили еще в августе за неподчинение. Аж страшно вспомнить тот день. Еще немного, и я бы бросилась дубасить опера. Но все обошлось благодаря его сдержанности. Что есть, то есть, и надо отдать ему должное, хотя письма он и зажимает.

Я тебе ко дню рождения выслала открыточку в ПКТ. Изенька, твое августовское письмо от 31 числа я получила в конце сентября, неделей позже журнала «Спортивная жизнь», который я выписала для того, чтобы подстегнуть себя и начать физкультурничать. И напрасно, потому что теперь развеялись мои последние иллюзии относительно себя. Эдик посоветовал мне считать это время шестимесячными тренировочными сборами. Я там бросила курить и стала катастрофически поправляться. Уже достигаю прежних размеров. Но до свободы, похоже, еще далеко, так что я не печалюсь по таким пустякам.

Эдик и я поздравляем тебя, само собой, с днем рождения и желаем всяческих благ. Вот что Эдик пишет:

«Я бы с удовольствием написал Изе (даже чувствую к тому потребность) и возможно, что ему мое письмо отдали бы (несмотря на твои опасения), но зато здесь его наверняка не отправят, о чем ты забыла вовсе. Поэтому пока вынужден ограничиться приветами через тебя. Как и Вульффу. Но хоть это-то обязательно, непременно передавай при всяком случае, присовокупляя самые сердечные пожелания — сколь бы они ни были горячи, это не окажется ложью ни в коей мере. Я за них ни капельки не беспокоюсь, ибо воображение мое не расстроено женскими фантазиями, — передай. Я абсолютно уверен, что для них лагерь не потеря, — передай. Я полагаю, в отличие от слабоверной сестрицы, что до конца дней своих они с удовольствием будут смаковать многие лагерные перипетии (разумеется, ни за какие коврижки не желая вновь пережить их, ибо все мы в конце концов обречены на обыденность, а лагерь, когда он в прошлом, — экстравагантное бытие). Однажды все мы обнаружим, сколь многим высоким обязаны мы лагерю. При существенной оговорке, что он нас не сломал. А это как раз то, за что я не боюсь. Этого с нами не случится».

Ты, наверно, понял из его слов все, о чем я ему писала. В каждом письме он передает вам с Вульффом приветы и папе с Семейю тоже. В предпоследнем письме он пишет:

Keep smiling, как молвят англичане, т. е. улыбайся. Право, это мудрейшее из лекарств. Оттенков смеха так много, что их хватает на все жизненные ситуации. И нам он позарез нужен, особенно, чтобы нести бремя еврейства. («Несите бремя белых, то бремя королей, Галерника колодок То бремя тяжелей.») Не все же кулаками, чаще смехом. Да и эффективнее, ибо враг миллиардоголов. Антисемитизм — это ложь в устах сволочей, милая сердцу вселенского обывателя. Keep smiling! Это почти девиз.»

И еще одно из мартовского письма я тебе с удовольствием процитирую: «...будь выдержанным, никаких эскапад без предельной на то необходимости, а то укутут тебя во Владимир, Да и без этого «а то» не надо дразнить гусей. Впрочем, мне бы такую рассудительность. «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны» — по словам Руставели. Но, видит Бог, я сдерживаюсь. Не без срывов, разумеется, даже и кулачных, но более искусных, чем твои, более организованных, — и я вне пределов уложения о наказаниях.

Но выдержка, выдержка, и еще раз она, великая, — вот наша доблесть и истинная сила. А еще рассуждение, когда кулаки уже набрякли: ведь этот гнев из все еще живущего во мне допущения, что подонки обязаны быть честными и доступными убеждению (кулак — тоже форма доказательства для тех, кто совсем недавно спустился с дерева). А они не обязаны! Ибо, как в Коране: «Все равно, учишь их или не учишь их, Бог запечатал сердца их и слух их, на очах покрывало». Следовательно, презрение, которое всегда — в чистом виде — холодно.»

В Московскую хоральную синагогу

Иудейское вероисповедание предков, память обо всех страданиях погибших евреев объединяет меня со всем моим народом, празднующим в эти дни свою Пасху.

У меня нет возможности соблюсти все канонические предписания, чтобы достойно отметить исход нашего народа из египетского рабства.

Поэтому прошу Вас обеспечить меня мацой, т. к. попытавшись в предыдущие годы заключению обходиться длительное время без хлеба, я наткнулась на значительные трудности, чего иудейская религия не может требовать от человека, тем более от женщины, оказавшейся в таком тяжелом положении.

При посылке мне мацы прошу объяснить администрации, что это не материальная помощь, а минимум культового обеспечения.

Примите наши традиционные пожелания о будущем годе, записанные в Агаде.

Шалом убаха нашей духовной отчизне, золотому Иерусалиму, празднующему в этом 5733 году 25-летие нашей Независимости!

* * *

...Словарь у меня есть, но уроков нет. Было бы замечательно, если бы вы могли передать мне их. Как вы добились получения всех уроков? Напишите мне, куда обращаться с жалобами. Эдик тоже не получил писем с уроками, которые послал ему мой папа. Эдика, Юру и Алика этапировали неизвестно куда, но предполагают,

что в Саранск, приблизительно 15 мая. Его мать собиралась к нему на свидание в сопровождении Семы и родственницы Эдика в начале июня. Боюсь, что им не успели сообщить о том, что Эдика на месте уже нет, да и КГБ, само собой, не предупредит.

У меня все по-старому, Никаких изменений пока нет. Живем дружно. Ирка 15 июня будет из солидарности вместе со мной поститься.

У нас ужасное положение с санчастью. Егорова, начальник санчасти, ведет себя с нами прямо по-хамски. Предлагает женщинам унизительные осмотры; не подвергая врачебному осмотру, не имея диплома врача (она медсестра), ставит диагнозы по внешнему виду, типа: «здоров, в лечении не нуждается». Пишет липовые заключения об анализе крови. В последний раз я даже не сдавала кровь для анализа в лабораторию, что не помешало Егоровой записать в карточке: низкий гемоглобин (поскольку его проверили на месте); остальные показатели взяты с потолка и подведены под норму. На необходимые для лечения медикаменты она накладывает вето. Аптека у нас очень бедная. С острой зубной болью женщины мучаются иногда по несколько дней из-за того, что Егорова не подписывает заявления на визит к зубному врачу. В прошлом году В. Мошкова была доведена до обморочного состояния сильной зубной болью.

Сейчас Ирина никак не может добиться лечения. После того, как Егорова ее оскорбила, Ирина подала на нее в суд и отказала ей в доверии как медику.

И еще: нас водят в ту же баню, где моются венерические больные и туберкулезницы. И сколько мы об этом ни говорили, бесполезно. Ну, хватит о грустных вещах.

Веселое, правда, здесь маловато. Нас сейчас здесь 22 человека, 9 верующих. Приехали в разное время — в апреле — мае месяце. Истинно прославленные примигивы. Ждем Белгородскую и Светличную. Стихотворения я еще не разбирала (на иврит).

Ответ пишу сразу же по получении вашего письма. От Изи получила письмо в мае. Письма ко мне доходят с трудом даже из дому.

Поздравляем всех с праздником и желаем хорошего настроения. Мои дорогие, если бы я только могла передать вам все мои чувства! Когда же мы с вами встретимся? Похоже, что не скоро. Сидеть нам еще долго и крепко, к сожалению. Но раз уже ситуация «сидеть» вступила в силу, — значит, так надо.

Дорогой Шломо, в который раз, счастливого пути, счастливой встречи с женой и сыном, родными, близкими. Не забывай нас и пиши почаще. Поздравь с освобождением Льва Львовича и передай от меня пожелания всего самого наилучшего...

Я уже писала, что у меня есть друзья. По вечерам, перед отбоем, мы устраиваем пирушки с чаепитием, «пирушки наши — завещанья, чтоб светлая струя страданья согрела холод бытия». Дружбу выбираем не по национальному признаку, а по сходству, или лучше сказать, по принципу совести, хотя украинки держатся вместе, невзирая на личные симпатии.

Дорогие Лилечка, Соломон и Давидка!

От всей души поздравляю вас с новым 5734 годом и желаю исполнения надежд, счастливого разрешения всех дел и удачи во всем. Пусть со старым годом уйдут все горести и печали, которые выпали на вашу долю, а будущее пусть будет голубым, как иерусалимское небо. Целую маленького Давидку, замечательного мальчишка, который через некоторое время пополнит собой число детей в детсадах Страны. Давидка, конечно, любит игрушки, и особенно ту лошадку, на которой он сфотографирован. А знает ли Давидка, что лошадка эта не совсем обычная? Об этом мне стало известно из одной, самой правдоподобной истории, рассказанной самым добрым человеком.

«Уже давно дядя Карло не строгал деревянных мальчиков. Вы, наверно, помните, сколько хлопот доставил ему Буратино? Вот с того времени папа Карло не решался взять полено в руки. Он очень боялся за свою голову, за свои очки; в особенности он боялся, что придется ему из каждого полена строгать деревянных мальчиков. А их и так уже немало в каждом магазине: желтых, красных, зеленых Буратино, и каждый хочет найти себе золотой ключик. Папа Карло сидел перед своим, теперь уже настоящим очагом и задумчиво смотрел на огонь. А вокруг него шевелились поленья и просили: «Выстрогай нас!». Особенно умоляло одно полено: «Ну, сделай из меня хоть муху!» — хныкало оно. «Еще чего, муху! — буркнул папа Карло, — мало их, что ли, по стеклам ползает?» Но полено так горько плакало, что папа Карло взял и выстрогал из него очень красивую деревянную лошадку. А чтобы она не брыкалась, приковал ее ноги к двум деревянным полозьям. «И-го-го! — заржала лошадка. — Ах, как хорошо мне качаться!» «Да, замечательно будет качаться, — засмеялся папа Карло, — и тебе и на тебе».

Лошадку подарили маленькому мальчику с большими черными глазами — Давидке. Вот теперь и начнутся приключения маленькой деревянной лошадки папы Карло, о которых Давидка узнает, если скажет, как зовут лошадку и расскажет что-нибудь интересное из ее жизни».

Поскольку я не могу подарить Давидке к Новому году игрушку, я решила рассказать ему сказку про ту же лошадку.

«На фабрике детских игрушек освоили технологию изготовления сереньких бляющих козчиков. Чертежи выкроек спустили в цех, раскроечный цех раскроил, пошивочный — сшил, механический — смонтировал пищалку. И вышел из козлика конек-горбунок, который при раскачивании говорил «мяу». Приставили его до отправки в магазин к свежевыкрашенному забору и получилась зебра, которую подарили и Давидке, маленькому мальчику с большими черными глазами. Бедный мальчик!».

Дорогие Лилия и Соломон! Письма ваши получила! Мерси, жду следующих с нетерпением. Пришлите мне, пожалуйста, свои фотокарточки. У меня все благополучно. Никаких происшествий. Жду свидания.

Обнимаю, целую. Сильва.

ПИСЬМА АНАТОЛИЯ АЛЬТМАНА

Здравствуй, моя маленькая!

Твои письма последнее время приходят сюда вдвоем, иногда еще с кем-нибудь. Я так их и воспринимаю, как свидание с друзьями. Вообще для экспериментальной психиатрии здесь огромное поле деятельности. Знаешь, дни можно сложить один в другой и незаметно, что их много. Вот и разберись, быстро или медленно идет время. Ввиду отсутствия раздражителей чувства обострены, и реакция на все в... кратной степени. Но даже делая на это обстоятельство поправку (я-то все понимаю), хожу все время улыбаясь. Причины разные. Пусть заодно это будет ответ на вопрос: что делаю? О чем думаю?

Поскольку я—«недоучившийся студент геофака», то мыслю чаще всего категориями и направлениями географическими. По цепочке добираюсь до тебя, до нас. Перетряхиваю архивы воспоминаний, прокручиваю ленты событий и т. д. Словом, работа не на износ.

Кстати, насколько мне помнится, ни от ветра, ни от моря не бывает обмороков. У меня есть нездоровое подозрение, что все девушки заняты приготовлением талии к летнему сезону. И, пожалуйста, бросьте ваших удавских штук — кушать раз в месяц пол-барана или, не помню уж, что еще.

Лапа, я тоже написал стихи, автора которых не помню ну и считай, что я уже достаточно поломался, я их тебе перепишу. Как сама видишь, все это «чужим голосом», но для меня это ценно как процесс и как способность к «перепеву», ведь я страсть как восприимчив, за что и страдаю часто.

Очень хотелось бы получить Бялика, там где говорится «о встрече столь же долгой, сколь желанной». Но зато, какая моя собака? Ой, не могу, Гур превзошел мои ожидания! Ну, а на предмет дисциплины, так с кем по молодости не бывает, кстати, я тоже люблю тебя целовать. Только не думаю, что смогу это скоро сделать.

Понимаешь, мама пишет, что в июле у нее отпуск, и лишь в это время она сможет ко мне приехать, и если мы с тобой используем сейчас краткосрочное свидание, то наши три дня личного свидания окажутся т. о. «под звездами». Я надеюсь, что дадут возможность попрощаться, не засчитывая как свидание и тогда ма придет в лагерь. Получил от Мери и Ханочки поздравления и письмо. Передай им огромное спасибо и поздравления с майскими праздниками.

А мне нравится, что в каждом письме ты повторяешься, я тоже тем же грешен. Вот и сейчас. Прощаюсь, обнимаю, целую.

Толя.

Хоть описание быта относится к части «заключенным запрещается», но попробую.

Итак, подъем, (не просыпаясь), туалет, уборка, завтрак, потом пробежка, 500 ежедневных упражнений, потом чтение. От этого пузыри носом, т. к. процесс напоминает жевание мыла, выбор книг... Потом обед, т. е. ради чего все предыдущее, событие, всегда вызывающее самое большое оживление у обитателей, потом контрабандой сон, иногда даже на ходу. Все время хочется заниматься английским, но времени так мало... Наверно тебе это знакомо? Вообще все вместе это мне напоминает отпуска за 10 лет вперед. Ну, а вечер несет отдохновение от дневных трудов. Положенные настольные игры (извлечение из правил), хождение в любом направлении (по каюте), беседа с попутчиком, да мало ли развлечений у молодого человека, но все кончается, кончается и день, и поэтому прощаюсь, целую.

26.IV.71.

Пусть войду я в тревожность твоих снов горевых:
Я руками раздвину вязкость страхов твоих,
И заклятьем волшебным отведу я беду,
А потом перед утром тихонько уйду.
Просыпаясь, с улыбкой ты встретишь рассвет,
Не понять и не вспомнить, что было, что-нет!
День, закрученный шумно в тугую спираль,
Запечатанный утром, не боясь открывай.
И по лестнице вверх, не боясь крутизны,
Ты до самого солнца, до неба иди
И не верь, что в конце ожидает покой —
Если кончится путь, я подставлю ладонь.
Пахнет ветер весенний пылью дальних дорог,
Всем дорогам начало — душных комнат порог,
И как в детстве далеко, наяву иль во сне,
В Рафаэлевском небе белой нежностью снег.

Ох, еще не все... ну, еще немного!

И...

Наши кеды пропылит дальних странствий земля
И пропахнут ветрами волосы...
...Не грусти у окна, скоро кончится дождь
На стене просыхают полосы.

И т. д.! Осталось самое трудное, купить петушка на палочке.

Как видишь, изготовление стихов не так уж сложно, по-моему даже есть пособие в издательстве «Умелые руки», хотя я не уверен. Вот и займись, а то и правда, доедает тебя лень. (Это прлюдия и «Домострою»). Лапа, правда, меня огорчает, что ты никак, ну, не утнездисься, что ли. Помни, все это не на год и тебе еще много понадобится долготерпения. Конечно, советами..., но главное не рас-

кисать, надо жить, а не ждать жизни. Каждая клетка правомочней своей деятельностью, нежели все философские системы вместе взятые.

Лапа, держись, ты у меня умничка!

Целую. Спокойной ночи. Это какой же Игорь зовет Альку в Одессу, что-то не припомню? Но все равно. Одесса — это хорошо!
1.V.71.

Родная моя, как же это тебя угораздило. Вчера получил твои письма и, как понимаешь, радости немного. А ты еще нахваливала свое здоровье. Вот теперь лежи, пока совсем не пройдет и, боже упаси, подняться, не выздоровев. Прежде всего ломается сердце, я эту весеннюю заразу знаю (теоретически). Теперь ты должна лопать траву, листья, почки, словом все зеленое и хлорофилловое. И твоя мама очень права. Кстати, как отношения с домочадцами, насчет Альки более или менее ясно (его попросту нет дома — это понятно), мама носит письма отправлять, тоже ясно, а остальные...?

Сегодня чудесный день, и уж точно мы с тобой слушаем вместе оркестры.

Посылаю две фотокарточки, это когда я был последний раз молодым (1, 2, 3, и т. д. молодости, так это последняя). И напиши, получила ли ты цепочку со звездочкой?

Твои замечания относительно католицизма я разделяю, и считаю, что религия как институт — порочна, это должно быть органично и в сердце, на мой взгляд. Среди христианства, вернее его разделений, наиболее соответствуют духу явления некоторые секты и толстовство.

А на вопрос, какой я холодный, имею сказать, что нет, «холодный не как рыба, а как гадюка». Что, наконец, решила выяснить кого пригрела? Напиши, чем жива, как наши все, передай мой шалом и поздравления с майскими праздниками. (купюра) «Короткие рассказы русских писателей», на английском языке, если примут здесь. Представляешь, я почти все выучил! (Диксон), а за учебник я не брался. Все забываю тебя поблагодарить за Гогена — огромное удовольствие. Готовы фото из

Кажется и в этот раз что-то не написал.

Родная, выздоравливай скорей. Я тебя целую и жду. Подговаривай всех, чтобы мне писали.

28.12.72.

Шалом, мой родной!

Сегодня как-то очень трудно писать. Причина — месяц без писем от тебя. С отъездом твоих родителей оборвалась и так, в общем-то, нечастая переписка. У нас здесь зима, очень красиво в солнечные дни, сейчас предновогоднее состояние. Это во всем: подводят итоги, намечают планы, ждут перемен. Я работаю на старом месте, только вот недавно перевели для выполнения плана на неделю на станок, сейчас опять налаживать. Возможно, с Нового

года переведут на индивидуальные заказы, ремонт — это поинтереснее. А в целом, — жизнь без перемен; события, которые с нами случаются, еще долго муссируются. Здесь все так покойно. За это время мы получили много писем от знакомых и незнакомых. Хотелось бы их всех поблагодарить за хорошие пожелания и подарки.

Два письма от Нисана, с подробным описанием хозяйства и твоего житья, то есть то, что я тщетно пытался выяснить все время. Далеко ли от тебя будут жить твои родители? Вероятно, после прохождения акклиматизации они переедут к тебе? Хнохи задали меня рисунками и сборниками песен (восторгов без конца). Теперь жду следующего сборника и, если есть пособие по освоению записи нот, вернее, музыки с помощью буквенных обозначений, — то есть мне надо вроде таблицы, где были бы представлены все аккорды (ну, чаще всего употребляемые) и их обозначения.

Рут прислала нам с Арье по ребенку собственного изготовления (копия Витька). И Саня теперь, вероятно, реб Исай, или как там его. Как Игорь поживает? Дина прислала мне письмо с описанием производства батика. Ничего, перевели; наш Лева теперь вместо Гила переводит с иврит. А английские тексты — я и сам с усам. Хотя энтузиазм иссякает прямо пропорционально накоплению подковожной клетчатки. Но с Нового года!... Кстати, как твой французский? Я надеюсь получить изображение результатов ваших трудов. Наверное, очень красиво. Далеко ли тебе до работы? Кто-то писал, что ваш салон состоит лишь из иностранцев. Что же — это обязывает как минимум знать язык. Писали, что Юра работает где-то в науке, видишься ли ты с ним?

Вообще, забавно получается: задаю тебе вопросы, а когда приходят ответы (если приходят), то я уже забыл, о чем спрашивал. Как Галка? Я все как с какой-то Галактики шлю все одни и те же вопросы в безмолвие. Пожалуй, я больше не стану о ней спрашивать (ни одного письма от нее за все время). Вероятно, называется атавизм. Зимой все как-то приглушено, мерное житье, тишина и полная отрешенность от всяких проблем. Знания и опыт, которые приобретаются, лежат невостребованные где-то; человек, лишенный возможности проявлять инициативу, заплывает внутренним жиром — и может это кратковременное состояние, но все звучит как сквозь вату. Помнишь, у Левы опыт с кошкой — размерность вызывает торможение, даже если выражается в резких звуках. Это — действие, вернее, результат повторений. Я все пытаюсь довести до тебя свое состояние, но, увы, выразить все это нельзя, — может, и не надо. И если в расстояниях и разлуках есть смысл, то кощунственно нарушать его. Надо пройти через это. Я уверен, что по высшему счету желание приходит тогда, когда этого уже не хочешь так сильно, как ранее, когда-то. А мы по незнанию куда-то спешим, отмеряем жизнь событиями в то время, когда самое главное происходит именно между ними.

Здесь есть Толстой. Я опять вернулся к старой теме. Многое, что когда-то безоговорочно было принято, сейчас пытаюсь переосмы-

лить, многие вещи оказались не по размеру. Занятно, как у Сани его трансформации, с толстовством связано много противоречий с точки зрения иудаизма. На снимке у него лицо отнюдь не отрешенное, а парень очень смешной. Как Р. И.? Они с детьми живут? Лапа, я, наверное, пишу тебе очень суровые письма, наверное, то, чего ты ждешь, здесь нет. — — — — —

Ну, я не могу ни писать, ни объяснить, почему. Это так. Очень уж все это непросто. Очень хочется знать о тебе побольше, получать твои письма, а их так мало. Можно подумать, что твой лимит писем меньше моего. Чем жива? Что читаешь? Где бываешь? Кто твои друзья? Есть ли в Израиле подводники? В каком виде существуют, т. е. ассоциации или это все, может, индивидуально? Какие музеи есть в Иерусалиме? Где ты побывала? Надеюсь, что ты не забыла еще об одной своей задаче—быть моими глазами и ушами. Лапонька, я уже заканчиваю, прощаюсь. Очень жду писем, известий от друзей, Але и родным мой шалом.

Целую Толя.

27.I.73.

Р. С. Ты куришь?..

Лапа, здравствуй!

Господи, как я уже соскучился по твоим письмам, не говоря обо всем ином. Вот только вчера получил за два месяца молчания открытку от 19-го декабря с видом экспресса. Письма твои редки, но я не нарекаю, все справедливо, и самым большим утверждением событий и явлений есть их существование. Я ведь и не могу что-нибудь требовать, тем более надеяться. Но вопрос этот пока не стоит на повестке дня и я просто очень скучаю. По тем беспорядочным описаниям твоего житья понял, что с приездом родителей стало как-то дышаться спокойнее. Я очень рад за вас.

Это — первое письмо в этом году. Зато получил в этой связи очень много поздравлений, никак не подозревал, что у вас все еще популярен гражданский Новый год. Пишут Пиня и Дина и еще кто-то, незнакомые и знакомые, — это греет. Обещание всех вас увидеть в Ягуре обязывает (как-то) Пиню. Нисон с Авраамом меня тоже подогревают изредка открытками и письмами. Вот в последнем Авраам писал о наступлении холодов и о мерах по утеплению жилья. У нас тоже это становится актуальным. Такое впечатление, что пришла зима. И хоть одеты мы не по-полярному, подвергаемся принудительному проветриванию. Но благо, работа недалеко, но на прогулки решимости и калорий не хватает. Ну что, живем маленькой колонией, все общее — письма, марки, сахар, судьбы, наши родные многие породнились между собой и все поздравления — всем поровну. Самый богатый Арье, иметь такого

брата — это даже не надо иметь прописку в Одессе. Я бы рекомендовал тебе позаимствовать опыт у него, как писать письма чаще и объемней, Лапа, я сегодня прощаюсь, пора на работу. Будь.
28.I.

Воскресенье. Ждем фильм. Обещали про «индейцев». Время и интересы идут вспять. То, что обычно постигают и ценят в ранние годы жизни, сейчас лишь по-настоящему переживаешь и ценишь в полной мере. Такие категории, как честность, верность, правда, любовь и т. д. Что ж, пусть лучше позже.

Постепенно вырабатывается, как установившееся дыхание, линия жизни, и если иногда разум подталкивает к обочине, интуиция властно отталкивает — иногда это непросто согласовать. Хочется жить для такого будущего, чтобы потом не стыдился прошлого. Ты не очень обращай внимание на эту велеречивость. Это я больше для себя. Когда-то я писал, что ты все больше становишься идеей себя, и я к тебе вот таким образом обращаюсь как к духовнику. Ну, пусть это будет отчетом за прошедший месяц (дневник, что ли?) Ну, а вообще внешне все благополучно. Мерное житье, отдых, чтение — язык я, кажется, основательно забросил, достигнув уровня чтения адаптированных текстов для 7—8 класса,

— — — — —
— — — — —
— — — — —
— — — — —

Нарик наш все писал все это время, пока был в Союзе. Сейчас, вероятно, он дома — даже в нем и во всех моих знакомых я частью себя тоже дома. Осталось малое — лично убедиться в этом. Лапа, я хотел бы увидеть твой дом, твоих друзей, знать о твоих занятиях, работе, словом, чем ты жив. Надеюсь, что скоро получу карточки, но ты тоже постарайся мне что-либо прислать из прошлого. Мне так не хватает писем, которые я так часто получал от твоей мамы. Передай родным мой горячий привет и запоздалые, правда, поздравления с прибытием.

— — — — —
— — — — —
— — — — —

Пине скажи, что сборник песен я получил, все время пытаюсь его разобрать, немного получается. Дине — я получил снимки батика и письмо, описывающее способ производства. Ну, что еще? — что жду следующего сборника и следующих писем (как ни нахально это звучит). Мишка — свинья, ни одного письма за все время, как он там? Авербухам — Александровичам — шалом и мои завидки (пацан очень похож на Витьку). Всем остальным знакомым — по степени твоих симпатий. Тебя целую, жду писем.

Толя
10.03.73.

Забутые страницы

В. ЖАБОТИНСКИЙ

ВОСТОК

Д-р Клаузнер дал недавно в «Гашилоахе» отповедь тому течению сионистской мысли, которая силится навязать нам, евреям, какое-то духовное родство с так называемым Востоком.

Статью г. Клаузнера я знаю пока только по газетным выдержкам, но выдержки эти приятно было читать, и по существу, и еще потому, что напечатаны они на «восточном» языке, в «восточном» городе Иерусалиме, и исходят от автора, который известен своим бережным отношением к нашей национальной традиции. Давно пора было высказаться на эту тему; завидуем «Гашилоаху» в том, что он предвосхитил нашу мысль. Востоконлюбивое течение в сионизме проповедуется особенно рьяно, если не ошибаемся, на аренах берлинской и пражской; главным проповедником, говорят, является г. Мартин Бубер — но так как я с его литературной деятельностью не знаком, то за эту последнюю подробность ручаться не могу. Содержание востоконлюбительства, однако, известно каждому, кто встречался за последние годы с сионистской молодежью из стран,

где говорят по-немецки. Это — одна из главных составных частей той духовной пищи, которой там обезличивают молодежь, причастную к сионизму, и отпугивают от сионизма молодежь, которая могла бы стать к нему причастна.

Содержание, вкратце, такое. Мы, евреи, народ восточный по происхождению; несмотря на западные влияния, к основе нашей души осталась восточной. Ибо у Востока есть своя особая душа (следует описание этой души; я его несколько раз слышал, но не понял и не помню). Во всяком случае, эта восточная духовность, по своим качествам выше души Запада, (а по другим авторитетам, является необходимым дополнением к душе Запада). Идя в Палестину, мы возвращаемся в среду народов, которые сохранили восточную психологию в целостности. Мы поэтому должны и в своем нутре разыскать элементы восточности, засоренные пылью Запада, но все еще живые, и заняться их культивированием. Затем следуют оговорки, ибо и востоконлюбы не хотят отказываться от электричества: оговорки о том, что, конечно, мы должны дать Востоку и западную технику, и даже — в

* Статья была опубликована в журнале «Рассвет», № 39. 26.9.1926 г.

строго прочищенном виде — некоторую долю духовной культуры Запада; но все это бахрома, а основа, суть, главное — овозможивается.

Против этой точки зрения с особенным удовольствием выдвигают противоположную — ту, к которой, если я верно понял выдержки, близок редактор «Гашилоаха»: у нас, евреев, с так называемым «Востоком» ничего общего нет, и слава Богу. Поскольку у необразованных наших масс имеются духовные пережитки, напоминающие «Восток», надо наши массы от них отучить, чем мы и занимаемся в каждой приличной школе, и чем особенно усердно и успешно занимается сама жизнь. Идем мы в Палестину, во-первых, для своего национального удобства, а во-вторых, как сказал Нордау, чтобы «раздвинуть пределы Европы до Евфрата», иными словами, чтобы начисто вымести из Палестины, поскольку речь идет о тамошнем еврействе, нынешнем и будущем, все следы «восточной души». Что касается до тамошних арабов, то это их дело, но если мы можем им оказать услугу, то лишь одну: помочь и им избавиться от «Востока».

Поскольку же нам, в течение переходного периода, или после, придется в Палестине жить среди окружения, пропитанного дыханием «Востока», то будь окружение арабское или старовероеврейское, все равно рекомендуется тот жест, который каждый из нас невольно делает, когда проходит в пальто по узким «восточным» улицам Стамбула или Каира или Иерусалима: запахнуть пальто, что-

бы как-нибудь оно не запылилось, и смотреть, куда ставить ногу. Не потому, что мы евреи, и даже не потому, что мы из Европы, а просто потому, что мы — цивилизованные люди.

2

Чем отличается «Восток» от Запада? Прежде всего, конечно, не географически. Самый густой и цельный «Восток» сохранился теперь именно в Марокко, а ведь Фец лежит к западу и от Парижа, и от Лондона. Незачем также останавливаться на различии между техническим прогрессом западных стран и технической отсталостью «восточных»: ведь и востоколюбцы наши не согласны отречься от железной дороги в пользу верблюда и не настаивают, по крайней мере, не все — чтобы мы сняли брюки и надели халаты. Речь идет о духовной жизни, вернее — об ее основных императивах. Только в этой области нам и советуют перейти на «восточную» диету: усвоить принципы «восточного» мирозерцания.

В чем заключаются эти «восточные» начала, пока ни в одном учебнике не сказано; а раз в учебнике не сказано, остается каждому толковать эти начала по-своему. Как уже упомянуто, толкование наших собственных востоколюбцев из Берлина и Праги я слышал, и не раз, не понял ни слова, поэтому дам свое, по собственным наблюдениям; не притязаю ни на полноту, ни на систематичность — наоборот, буду выхватывать из «восточной» психологии отдельные

куски, без системы; но смею думать, что куски эти существенные и показательные.

Психологически Восток (опускаю иногда кавычки для удобства набора, но прошу читателя помнить, что они нужны) отличается от Запада прежде всего своим этическим спокойствием. В этом покое, говорят, есть своя красота; возможно — красота есть в каждом цельном состоянии, например, в смерти, но мы тут не говорим об эстетике. Это настроение покоя иногда называют квиэтизмом, иногда фатализмом, иногда другими именами, но его наличие никто не отрицает. Европа ищет, мечется, починает, разрушает, строит, карабкается. Восток, когда его не толкает или не раздражает Европа, живет в состоянии равновесия. И на Востоке есть огромная разница между богатыми и бедными, есть эксплуатация, о которой Запад уже сто лет не слышал, но активного движения бедноты против богатства нет; этического протеста против несправедливости распределения благ, протеста в форме определенного общественного натиска, нет. Талант восточного престолярда философски удовлетворяется малым вошел в поговорку — так же точно, как принципиальная, неотступная неудовлетворенность обездоленных классов в Европе есть основная черта европейской общественной жизни.

В чисто политической сфере это различие выразилось так: Европа создала парламенты, свободную печать, сотни форм общественного контроля и инициативы; Восток (покуда не

стал подражать Европе) остался при деспотизме. Внутренне он остался при деспотизме и там, где есть парламенты. Надо только заглянуть поглубже, под надстройку любой тамошней палаты депутатов, и мы увидим почти безграничную власть шейхов над мужиком, мастера над подмастерьем, отца над детьми, мужа над женой — поскольку европейский губернатор не вмешался и не ввел кое-каких ограничений; и в то же время мы увидим почти полное отсутствие осознанного протеста у угнетенной стороны — поскольку не подстрекнул ее к тому, с весьма малым успехом, европейский агитатор.

Затем — религия. Ислам есть, вероятно, очень мудрая и благородная религия; дело не в нем, а в том, что Восток стремится вводить религию во все углы быта. Восток дорожит подлинной печатью Господа Бога на всем: на своде законов, на характере научного исследования, на времяпровождении Ахмеда и Фатимы, на одежде, на кухне и т. д. Запад твердо стал на ту точку зрения, что область религии строго ограничена: это есть внутреннее отношение человека к божеству. Ни в законодательство, ни в философию, ни в науку, ни в диету цивилизованных народов Запада религия не вмешивается: в семейном быту ее влияние сводится к церемониалу праздников, но не определяется ни одной из действительных сторон домашней жизни.

Больше всего это сказывается на положении женщины. Это, по-видимому, самая серьезная и самая трагическая палка в

колесах Востока. Многоженство, гарем и чадра не только религия и быт: эти два института влияют на всю общественную атмосферу колоссально. Это не шутка, когда человек вырастает в сознании, что мать его не есть полноценный человек, а только антропoid; ее лицо и волосы — неприличные; держать ее надо взаперти, а не то она согрепит; вообще — собственность и забава для мужчин, а не единственная в своем роде; и таковы же его сестры, и такова же будет его жена. «Вся беда наша в том, — говорили младотурки еще в 1908 году, — что мы поголовно — дети рабынь».

Можно еще продолжить это перечисление «восточных» особенностей, но не стоит.

3

Тут я предвижу одно возражение: разве Восток всюду таков? и разве он всегда был таков? Турция теперь отменила феску и чадру, раскрыла двери гарема и даже ликвидировала халифат. Египет живет жизнью, полной общественного протеста. В середине века, при всеобщем сне Запада, один только Восток подчеркивал традицию свободного научного исследования. И, наоборот, несколько сот лет тому назад Запад представлял именно ту картину, которую теперь вы называете «восточной»: религия давила быт и мысль, деспотизм не встречал отпора, женщина считалась собственностью и забавой, власть отца и мужа не знала границ... При чем тут Восток? Это просто разные ступени культуры и прогресса.

Таково возражение, которое я предвижу. Но это не возражение — это подтверждение.

Совершенно верно: нет никаких «восточных» и никаких западных черт, которые носили бы основной и органический характер. «Восток» и «Запад», с точки зрения эволюционной, пустые слова. Совершенно верно: при Гарун-аль-Рашиде Багдад был, выражаясь сегодняшним языком, пожалуй, «западнее», чем современный ему Рим. Совершенно верно: когда в «восточную» страну проникает влияние цивилизации, то страна теряет те черты, которые считались восточными. Это верно — и в этом все дело: то, что у нас принято называть «восточностью», есть просто низшая ступень культуры, в значительной мере неряшливая. Как всякая старина, эта отсталость может показаться живописной, особенно человеку, утомленному суетой и грохотом цивилизации. Так, кажутся многим живописными квинзизм, фатализм, фигуры в чадрах, робко скользящие по улице, резные окна гарема, патриархальная опека шейха, и все прочее. Но все это — черты незрелости, и так как незрелость эта — запоздалая, ибо мы все рождены от Адама и теперь 1926 год, то ее надо лечить. Лечить культурой. Тогда не останется ни гарема, ни чадры, ни патриархального шейха, ни фаталистической покорности року — словом, ни одной «восточной» черты. И чем скорее не останется, тем лучше.

Я, конечно, не отрицаю, что и через триста лет, при полном усвоении всех вершущек тогдаш-

ней культуры, духовная атмосфера Триполи будет отличаться от духовной атмосферы Англии. Понятно будет, ибо это разные национальности. Так и сегодня есть различия между духовной атмосферой Англии и Франции: песня общая, голоса, языки и темперамент разные. То же будет и между «Востоком» и «Западом». Итальянцы, французы, немцы, арабы, евреи будут жить одной культурой, составленной из обмена вкладами, который несут лучшие умы каждого из этих народов; языки и темпераменты останутся разные, будут свои особые оттенки — и только.

4

Но, если бы «Восток» и «Запад» действительно представляли собой две основные, органически укорененные категории духа, именно тогда пришлось бы особенно твердо настаивать на том, что мы, евреи, принадлежим «Западу» и ничего общего не имеем с «Востоком».

Я знаю, что расовое происхождение наше считается восточным, даже верю в это, хотя многие теперь это оспаривают. Но это не относится к делу. Из 15 миллионов евреев, которые насчитываются в мире теперь, 14 миллионов произошли от отцов, которые переселились на «Запад» около двух тысяч лет тому назад. За этот период Европа прошла всю дорогу от гуннов и тевтонов до Лиги Наций и беспроволочного телеграфа. Достаточно времени, чтобы отвыкнуть от «азиатского» темпа жизни и срастись с «европейским».

Я также знаю другой факт,

более грустный: что у нас, в старообрядческом еврейском быту есть еще много диких пережитков подлинной «восточности» — ненависть к свободному исследованию, вмешательство религии в быт, женщина в парике, которой чужой мужчина не подаст руки. Но если бы мы на минутку поверили, что эти черты принадлежат к органической сути еврейства, мы бы, вероятно, махнули рукою на идеал увековечения такой сути. На то и была у нас гаскала, чтобы отделить пережитки от сути. И она успела: пережитки вымирают, суть остается.

Суть же эта, по крайней мере наполовину, выражается в том, что Европа морально «наша» в том же смысле, как она для англичан, итальянцев, немцев, французов «ихняя». Мы не только зрители и не только воспитанники европейской цивилизации, мы — ее создатели, и притом из важнейших. Что ее этический пафос, создавший ее освободительные движения, легший в основу ее социальных переворотов, вскормлен нашей Библией — в двух изданиях — это старая истина. Что ее экономический прогресс был бы немислим без международной торговли и кредита, и что пионерами на обоих этих путях были именно мы — в этом ни один мыслящий человек, еще до преувеличений Зомбарта, не сомневался. И что, наконец, от «Авицебронна» (у нас он, Габироль: II век, то есть еще задолго до первой зари европейского пробуждения!) до Эйнштейна десятки тысяч индивидуальных евреев в разных странах лично делали науку, философию, ху-

дожество, технику, политику и революцию, одни на высотах мировой славы, как Спиноза, или Гейне, или Дизраели, или Маркс, другие во втором, и в третьем, и в десятом ряду — это старая песня. Ее не следует забывать.

Европа наша: мы — из ее главных создателей. За 1800 лет мы ей дали пропорционально не меньше, чем какая угодно другая из великих «западных» наций. Но мы, кроме того, начали строить ее еще задолго до общего начала — еще до того, как начали строить ее афиняне. Ибо главная черта европейской цивилизации — недовольство, «богоборчество», идея прогресса — вся та пропасть между мировоззрениями, которая выражается в антитезе двух верований: «золотой век» и «Мессия», идеал в прошлом и идеал в грядущем — эти черты дали Европе мы, еще задолго до того, как отцы наши пришли в Европу: Биб-

лию мы принесли с собою в готовом виде.

Может быть, мы больше всякого другого народа имеем право сказать: «западная» культура есть плоть от плоти нашей, кровь от крови, дух от нашего духа. Отказаться от «западничества», сродниться с чем-либо из того, чем характерен «Восток», значило бы для нас отречься от самих себя.

Говорю, конечно, о моральной «Европе». Географическое понятие «Европа» — такая же условная чепуха, как географический «Восток». Цивилизованный еврей эмигрирует в Азию так же точно, как цивилизованный англичанин в Австралию: везет «Европу» с собой в душе, и будет продолжать и развивать свою родную, кровную, двух-и больше — тысячелетнюю европейскую традицию в Палестине.

И соседям нашим по Азии желаем того же: скорейшей ликвидации «Востока».

ИЗРАИЛЬ И НАИРИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

«Караваны еще в пути» — этот философский репортаж армянской поэтессы Сильвии Капутикян недаром стал настольной книгой многих советских евреев — борцов за алию. Армянский «сионизм» по силе своего эмоционального воздействия ничем не уступает сионизму без кавычек. И недаром в аннотации, помещенной на обороте титульного листа русского издания этой книги, говорится, что переводчик с согласия автора несколько изменил, по-видимому, «смягчил» текст, дабы он стал более «понятен» неармянскому читателю...

Я был в Армении дважды. Второй раз совсем недавно — еще в качестве «благонадежного» члена Союза журналистов СССР, посланного в творческую командировку по своему выбору. Армению я избрал не случайно, так как я к тому времени уже вынашивал мысль о репатриации в Израиль — и хотел побыть хоть немного в стране хоть чем-то похожей на Израиль, хотел взглянуть на Арарат — и подышать хоть немного воздухом того «географического пространства», которое описано в нашем Танахе, короче — воздухом «библейских мест».

Были у меня разговоры с довольно видными армянскими интеллигентами и работниками так называемого «идеологического фронта», имена которых

я в их же интересах должен тут опустить. В неофициальных беседах — не только за кебабом и коньяком, но порой и в тиши служебных кабинетов (после маленькой манипуляции с телефонной трубкой) эти люди давали мне понять, что они, во-первых, «угадывают» мою еврейскую ментальность, во-вторых, что «судьбы наших народов — жертв геноцида — идентичны»... В-третьих, не армянин ли ваш (!) Моше Даян? Как-никак фамилия кончается на «ян»!

И когда я вскольз заметил, что одного из палестинских террористов, замешанного в те дни в попытке похищения самолета одной из западных авиакомпаний, зовут Тер-Карпетян, мои собеседники, отплеывались (в переносном смысле, разумеется): «Да что вы?! Это продажный субъект! Сволочь, а не армянин... Ваш (!) Тедди Коллек прекрасно ладит с нашим (!) иерусалимским патриархом Египше Тертерьяном». И так далее, и тому подобное...

И вообще — когда попадешь в «советскую» Армению, кажется, что «общесоюзными» являются только газетные передовицы «навстречу» очередной юбилейной дате да денежные ассигнации. Вывески многих магазинов в центре Еревана — только на армянском и... английском или же французском.

Более того: в подъездах жилых домов висят изготовленные в Пензе или Тамбове доски с русской надписью: «Список жильцов», а под этой надписью — фамилии жильцов только по-армянски, только армянскими «бусурманскими» буквами: даже «Сидоров» или «Иванов» записан по-армянски.

Советская Армения (Айастан или — поэтически — Нагри) является уникалом, прелестным «уродом в семье» так называемых братских народов Сэсэсэрэ. Армяне составляют 85% населения своей республики, более 90% населения своей столицы. «Русское присутствие» в Ереване выдают лишь некоторые белокурые «привозные» жены черноволосых армянских мужей. Даже — подумайте только! — офицеры на улицах армянской столицы, как правило, армяне. Если в Белоруссии советско-польскую границу охраняют азербайджанцы, а в Азербайджане советско-иранскую границу охраняют белорусы, то в Армении советско-турецкую границу охраняют в основном армяне. Даже антисоветски настроенный армянский пограничник готов косями лечь, лишь бы не дать проникнуть на территорию «остаточной Армении» хотя одному турецкому солдату (даже если бы Турцию провозгласили «народной республикой»).

«Остаточная Армения»... Никто из моих армянских собеседников — с партбилетом или без оного — не скрывал, что он хотел бы видеть Армению в ее «исторических границах», пусть даже в составе СССР (отпадают расходы на

особый «армянский Цахал», благо — так оно есть! — наличие «общесоюзной» военной мощи все же спасло армянский народ от окончательного решения «армянского вопроса», предпринятого было в 1915—1921 гг. «младотурками» и Ататюрком).

Москва терпит, что в магазинах Еревана продаются многотомные «Истории армянского народа», написанные вовсе не в догматическом «марксистско-ленинском» духе; что прямо на улицах с книжных лотков, словно свежие «фалафли», раскупаются исторические карты Армении I века до христианской эры (когда царство Тиграна II Великого охватывало территории от нынешнего Баку до нынешней Хайфы).

А в 1965 г., когда исполнилась 50-я годовщина геноцида (уничтожения «младотурками» полутора миллионов армян), на улицах Еревана демонстранты громогласно требовали, чтобы Армении был возвращен хотя бы округ Карса (отданный Лениным туркам в 1921 году), хотя бы «армянский Сион — святая гора Масис», то-есть Арагат.

Турецкий посол в Москве, понятное дело, вручил соответствующий демарш, и товарищ Брежнев снял товарища Заробяна с поста Первого секретаря ЦК КП Армении: армянские эмоции на сей раз вышли за рамки советской глобальной стратегии...

И все же, все же в центральном органе ЦК КП Армении на русском языке — газете «Коммунист» — мог появиться очерк о (ныне покойном) живописце Мартиросе Сарьяне, где гово-

рилось, что каждому гостю, посещающему домик «варпета» (мастера), прославленный седовласый художник на прощание пожимает руку и говорит: «Будь хорошим армянином!» Разве можно себе представить что-нибудь подобное, напечатанное в «Советской Латвии» или «Правде Украины»?

А красочный англоязычный проспект «Добро пожаловать в Армению», вручаемый каждому иностранному туристу? Там говорится буквально о «Земле Обетованной». В других подобных изданиях на английском, немецком, французском говорится о «праотце Ное, который, согласно преданию, насадил виноградную лозу в этом библейском краю».

...В бюллетене «Армения сегодня», издающемся на русском и английском языках стараниями «Армянского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами», помещена статья: «Снова на родину предков». Ее автор — председатель Комитета по приему и устройству возвращающихся из-за границы армян (читай — Мисрад клита!) Гаспарян пишет: «Армянская диаспора с первых дней становится предметом постоянной заботы правительства Армянской ССР... По инициативе трудящихся армян во многих зарубежных армянских колониях создавались комитеты содействия репатриации, которые приступили к составлению списков репатрируемых... Были и трудности, были и недостатки, вызвавшие недовольство среди части людей. Но история не знает примеров, когда при осуще-

ствлении больших национальных задач (подчеркнуто мною — Э. Г.) все бы шло, как по маслу»...

Товарищ Гаспарян говорит о происходящем ныне процессе ассимиляции зарубежных армян и о том, что «несмотря на то, что в зарубежных армянских колониях действуют национальные школы, клубы, культурные, благотворительные и церковные организации, издаются газеты, ассимиляция все же имеет место... Излишне говорить, что с переездом на Родину для репатрируемых армян решается и эта проблема, так как перед ними открываются широкие возможности не только для «обучения детей на родном языке, но и для повседневного общения с культурой родного народа, что в условиях зарубежной жизни не представляется возможным», (подчеркнуто всюду мною — Э. Г.).

Далее — «гвоздь программы». Мы высоко ценим благосклонное отношение тех правительств, которые не препятствуют делу репарации зарубежных армян на свою Родину... Мы намерены продолжать репатриацию зарубежных армян в течение предстоящих лет. Для Советской Армении это не кампания, а национальная забота».

Ставьте вместо «армяне» — «евреи», вместо «Армения» — «Израиль», и вот вам «лживая антисоветская стряпня — продукт зловонной пропагандистской кухни всемирного сионистского концерна».

Не так ли?

Кстати, о «всемирном сионистском концерне»... Компе-

тентные лица заявляли мне в Ереване, что такие «буржуазные» зарубежные армянские организации, как «либерально-демократическая партия, Рамкавар», «социал-демократическая партия Гнчак», «Армянский благотворительный всеобщий союз» (нечто вроде «Джойнта» или «Магбита») и члены семейства армянских «Ротшильдов» — Гюльбенкянов переводят значительные суммы (в долларах) на имя патриарха — католикоса всех армян Вазгена I. Этот духовный пастырь мирового армянства, довольно вольготно восседающий в своей резиденции в Эчмиадзине (чем-то вроде «Гейхал Шломо»), в свою очередь передает эти деньги Совету Министров Армянской ССР — на строительство школ, больниц, отелей и даже автострад.

Иванов, Евсеев и иже с ними клеймят «воротил сионистского капитала», переводящих в Израиль «огромные суммы, нажитые путем эксплуатации нееврейских пролетариев»!.

* * *

Да, что дозволено Юпитеру, не дозволено быку...

Незадолго до того, как я попросил пресловутую «характеристику», мне довелось случайно услышать передачу московской радиостанции «Родина», предназначенную для «дорогих соотечественников за рубежом». В этой передаче говорилось о репатриации нескольких десятков... черкесских семейств из Иордании. Диктор, захлебываясь от восторга, описывал, как

люди, чьи предки более ста лет тому назад с Кавказа попали на окраину Османской империи — в захолустный Амман, теперь «всем сердцем стремятся домой — в родную Адыгею... Им предстоит, — вещал диктор — привыкнуть к новой жизни на старой родине, им придется учить не только русский, но и заново усвоить свой родной адыгейский язык, который они успели позабыть на чужбине».

Интересно, захотят ли «галлийские» черкесы, проживающие в небольшом числе на севере Израиля, тоже репатрироваться в Адыгейскую автономную область? Я говорю об этом безо всякой иронии. Дело ведь в самом принципе права на репатриацию. Принцип этот должен быть един для всех, независимо от произвольного деления человечества на «два мира — две системы» и так далее.

Эх, уж эти «два мира — две системы»! Армяне, как и евреи, во всем мире тоже вовлечены в водоворот идеологических конфронтаций, в противоборство великих держав, в запутанную игру разведывательных служб на стратегических перекрестках планеты — и все же они по сути своей, в большинстве своем остаются прежде всего армянами: народом, ищущим точку опоры, народом, тоскующим по родному очагу. Подобно нам, евреям...

Как причудливо переплетаются судьбы этих двух «библейских» народов даже в нашем районе — на Ближнем Востоке: в Иерусалиме арестовывается фотограф Аноп Антара-

сян по обвинению в шпионаже в пользу СССР — через посредство посланцев армяно-григоринской церкви в Ливане. Но мэр объединенного Иерусалима — «наш» Тедди Коллек (см. выше) поспешил послать Иерусалимскому патриарху Египше Тертеряну послание, выдержанное в самом дружественном тоне, и корзину цветов — в знак того, что разоблачение неприглядной деятельности Антарасяна не должно омрачить сложившиеся добрые взаимоотношения между израильтянами и армянами. Добавим, что в конце концов трестиж «Хакибуц Хаярим» не пострадал из-за того, что еврей Егуд Адив, оказавшийся агентом сирийской разведки, вырос в одном из кибуцов этого движения...

Что касается армян в арабских странах, то и египетские, и сирийские органы безопасности неоднократно обвиняли «своих» армян (особенно лиц дашнакской ориентации) в симпатиях к Израилю и даже в шпионаже «в пользу сионистского государства».

С другой стороны, я отлично помню, с какой поистине редкой, в советских условиях, объективностью тот же орган ЦК КП Армении «Коммунист» незадолго до Шестидневной войны отзывался о хорошем приеме, оказанном общественностью (и правящими кругами!) Израиля гастролировавшему в еврейском государстве советскому Армянскому ансамблю песни и танца...

А в Ливане на посту министра информации оказался именно армянин — г-н Хачик Бабикьян: видимо, по той причи-

не, что армянину легче всего быть поистине нейтральным и объективным в условиях ожесточенной междоусобицы, раздирающей ливанских арабов христианской и мусульманской веры «антипалестинской и «пропалестинской» ориентации.

...Совсем недавно мировая печать вдруг вспомнила о стародавнем «армянском вопросе» в его наиболее болезненном аспекте: в аспекте ГЕНОЦИДА — в МЕСТИ за геноцид. Аспект, столь знакомый евреям!

В штате Калифорния 77-летний американец армянского происхождения — бизнесмен и литератор Гурген Яникьян застрелил турецкого генерального консула в Лос-Анжелосе Мехмета Байдара и вице-консула Бахадира Демира. По словам самого Яникьяна, в свое время, более полувека назад, 26 членов его семьи были убиты «турками и русскими». И он поклялся отомстить (хотя, естественно, нынешние турецкие дипломаты не могут нести никакой моральной ответственности за зверства, совершенные турецкой военщиной в 1915—1921 годы).

После этого инцидента турецкие власти стали очень чувствительными к «армянским эмоциям» и даже отозвали своего посла из Парижа — из-за того лишь, что в присутствии явца второстепенного члена французского кабинета в Марселе, во дворе тамошней армянской церкви, был открыт монумент с надписью: «В память полутора миллионов армян — жертв резни, устроенной в 1915 году по распоряжению...

турецкого правительства, и в память армян — борцов Сопротивления, павших в борьбе за Францию и свободу».

Турецкое правительство обижается на злопамятных армян. А армяне обижаются на турецкое правительство, которое в официальном справочнике «для заграницы» («Факты о Турции», 1972 г.) следующим образом упоминает о прославленной армянской династии БАГРАТИДОВ и о самобытной армянской архитектуре: «Династия Багратидов происходила из Турана, и их предки переселились из Средней Азии в Анатолию, где они были обращены из шаманизма в христианство. В Карсе и Ани они оставили потомкам сооружения, устоявшие в бурях времен. Их здания воссоздают оригинальные очертания среднеазиатских шатров».

Итак — нет армян, есть крепкие кочевники — турки...

Но этой странной версии противостоит другая, упоминаемая в ряде западноевропейских энциклопедий, и отнюдь не оспариваемая вами армянскими историками: согласно традиционным историческим преданиям армянская династия Багратидов (вместе с ее грузинской ветвью) ведет свое начало «от рода Давидова», от славного еврейского царя и псалмопевца, учредившего престол свой в Иерусалиме.

А израильский ученый — ныне покойный д-р Хаим Шибба — выдвинул теорию, гласящую, будто нынешние армяне — это потомки десяти еврейских «потерянных колен», т. е. тех 10 племен, которые после

падения Самарии в 732 году до к. э. были ассирийцами высланы в дальний северный предел их державы, тогдашний край Урарту. По словам ученицы д-ра Шибба — Батшевы Бонне, покойный ученый — генетик, зная о религиозных и литературных источниках, указывающих на сходство между армянами и евреями, со своей стороны указывал на «схожесть умственных наклонностей, способность к шахматам и коммерции, похожие обычаи и традиции, а также схожесть в физиономии и в строении тела»...

* * *

Как бы то ни было, факт остается фактом: есть два разбросанных по свету «библейских» народа, чуть было не стертые с лица земли в сравнительно недавнем прошлом. Эти два народа — при всей их оригинальности и, так сказать, неповторимости — имеют немало общего. Оба эти народа — евреи и армяне — имеют хотя и небольшие, «остаточные», но реально существующие «домашние очаги»: Израиль и Наири.

У нас в Израиле свои заботы: ближневосточный конфликт, вопрос о безопасных границах и о статусе «палестинцев». расходы на оборону и на преодоление социальных контрастов, репатриация и алия, взаимоотношения с галутом и т. д.

У них в Наири (Армянской ССР) свои заботы: сохранение максимальной автономии и самобытности в условиях подчиненности Москве, вопрос о

полномочиях патриарха в решении «общеармянских» дел, абсорбция репатриантов, вопрос об армянской культуре в Грузии и Азербайджане и о статусе Нагорно-Карабахской автономной области, взаимоотношения со «спюрком» (т. е. диаспорой) и т. д.

Ей-богу, неплохо бы увидеть две возрожденные отчизны — Израиль и Наирн. Если бы

только от них зависело, они бы, кажется, прекрасно ладили друг с другом — при всех различиях и особенностях. Ведь как-никак в Танахе упоминается гора Арарат и у подножья этой горы — страна Тогарма. Эти географические понятия так же относятся к нашему извечному «кругу познания», как Ниневия и Вавилон, страна Мицраим и Рабат-Амон...

Ш В У Т *

Любопытная статья, вошедшая в «Швут» — четвертая книга, выпускаемая Институтом по изучению еврейства стран рассеяния Тель-Авивского университета, касается Троцкого.

Статья не претендует на исчерпывающее изложение вопроса. Автор — доктор Невада издал большую работу «Троцкий и евреи», анализирующую этот вопрос. Он настолько интересен, что даже вызвал в недавнем прошлом живую дискуссию на страницах английского журнала «Энкаунтер». То, что Троцкий получил еврейское воспитание, — несомненно. То, что он в течение всей своей сознательной жизни не чувствовал себя евреем, — тоже несомненно. Впрочем, немалую часть жизни он и русским себя не считал, а был просто космополитом, что соответствовало его убеждениям. Оставим в покое и личные качества Троцкого (его тщеславие, неспособность к организационной работе в партии, что позволило Сталину с легкостью обводить его вокруг пальца, отсутствие широкой базы в партии и стране — базы, а не популярности, которая нередко дешево стоит

в политической борьбе). Об этих личных качествах очень много написано. Но в одном нельзя отказать Троцкому — в высочайшем интеллекте, по сравнению с которым Сталин и многие другие большевики были просто карликами.

Как реагировал Троцкий на фашизм? Видел ли опасность для евреев? Вот этому и посвящена часть статьи Невада. Давно прошли те времена, когда Троцкий писал в «Искре» о банкротстве сионизма и «мошенника Герцля», который сумел обвести несчастных евреев (статья «Разложение сионизма и его возможные преемники», «Искра» 1 января 1904 г.). В 30-е гг. Троцкий пришел к выводу, что до тех пор, пока еврейская проблема не найдет своего разрешения в рамках всемирной революции, нет выхода, нужно искать временного решения проблемы. Необходимость в ней вытекала из прихода гитлеровцев к власти в Германии и из усиления антисемитизма в среде сталинской бюрократии в СССР. Троцкий предвидел, что приближается мировая война, что она будет носить идеологический характер и что в ходе ее целый народ — евреи — может оказаться под угрозой. Поэтому нужно было увести евреев из района будущей бойни — Европы. Более того, хотя Троцкий исходил не из национальной, а из универсальной

* По техническим причинам из рецензии «Швут» А. Лев-Рана, опубликованной в журнале «Сион» № 7 за 1973 год, выпад отрывок, который мы приводим.

точки зрения марксиста, он не побоялся открыто сказать, что даже в его устранении Сталиным играл роль антисемитизм.

То, что Троцкий видел в фашизме страшную опасность, хорошо известно. Он призывал к профилактической войне и уничтожению фашизма до того, как он пришел к власти и укрепился. В те годы (1932) Троцкий опубликовал работу «Германия — ключ к международному положению». Оставаясь коммунистом и врагом идеологии социал-демократии, Троцкий призывал тогда к тактическому союзу между этими лагерями в их борьбе против фашизма (как известно, сталинские недомыслы именно против социал-демократов, а не против фашистов наносили тогда главный удар, да и называли их не иначе, как — социал-фашистами). Понятно, что «Троцкого «заклеймили» поджигателем войны.

Годы доказали правоту Троцкого. В декабре 1938 г. он писал: «Даже без войны будущее развитие реакции в мире указывает на физическое истребление евреев». А после Мюнхенского соглашения он недвусмысленно говорил, что над семью миллионами евреев Восточной Европы нависла угроза уничтожения. Другим народам будет причинен урон, но евреев ждет резня.

Если раньше Троцкий был ярким ассимилятором, хотя и сожалел о том, что еврея из-за их прирожденного мелкобуржуазного характера нелегко проглатывают коммунизмом и нелегко поддаются ассимиляции, в 30-е гг. он волей об-

стоятельств начал изменять свое мнение, и притом радикально. В одном из интервью в 1937 г. он сказал: «Мы должны помнить, что еврейский народ будет существовать еще долго. Но народ не может существовать без общей территории». Хотя дальше он говорит о том, что и сионизм не способен решить этот вопрос, т. к. все углубляется конфликт между евреями и арабами, но, в конце концов, приходит к прямо сионистскому выводу: «Рассеянные еврейские массы, которые захотят жить особой общиной, найдут, несомненно, широкое и богатое место под солнцем. Такие же возможности будут открыты перед арабами и другими расплывенными народами... Так в моих глазах выглядит историческое будущее. Работать на благо международного социализма означает также работать над разрешением еврейского вопроса». А дальше он прямо обвиняет сталинизм в культивировании антисемитизма, чтобы использовать его как громоотвод масс, недовольных советской бюрократией. Не предвидел Троцкий силу еврейского народа, по наивности счел он «Белую книгу» британского правительства концом надежд сионизма, но сам факт, что он, правверный марксист и коммунист, в конце жизни открыто признал необходимость целесообразности территориального решения еврейского вопроса, делает ему честь.

Троцкий постепенно склонялся к признанию права евреев на свою территорию. И в те же годы группа евреев, для кото-

рых этот вопрос уже был решен, создала его для себя заново — и непоправимо. Очень трудно понять евреев, которые возвращаются в СССР. Особенно трудно понять — невозможно понять людей, которые называют себя социалистами и коммунистами, недовольны израильским (а в прошлом палестинским) обществом и поэтому уезжают в СССР. Такой взгляд на общество является цинично-потребительским. Постройте для меня общество, которым я был бы доволен, тогда я буду здесь, а если общество не такое, каким я хотел бы его видеть, я уеду. Особенно нелогично поведение марксистов, ибо уж они-то должны верить в классовую борьбу, в революцию и Бог весть что, уж они-то должны верить в то, что лучшее общество должно создаваться в

борьбе, но — удивительное дело — все это в теории, а на практике, уж пусть борьбу ведут другие, а они согласны лишь пожинать плоды. История повторяется. Если сегодняшний оле недоволен Израилем (а разве кто-либо доволен всем?), перед ним широчайший спектр политических партий от свободного центра Шмуэля Тамира до РАКАХ Вильнера — вступай и борись за то, что ты считаешь правильным. Но вот находятся же евреи, которые уезжают в Вену и Рим и слезно умоляют дать им вернуться в СССР, т. к. только там, видите ли, их родина, а к капитализму не могут они приспособиться. Не можете приспособиться — боритесь, но на это нет пороку, проще брюзжать и требовать готовенького. И вот, оказывается, так было и раньше.

АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА

ЭЛИ ЛЮКСЕМБУРГ. Родился в 1941 г. в г. Бухарест. Во время мировой войны жил в эвакуации в Средней Азии. По образованию — техник-ирригатор. Мастер спорта, дважды чемпион СССР по боксу. Пишет с 12 лет, но публиковаться начал в Израиле. Репатрировался в 1972 г. и преподает в школе в Иерусалиме. Повесть «Третий Храм» публикуется впервые.

ВИКТОР БОГУСЛАВСКИЙ. Родился в 1940 г., в Ленинграде. Активный борец за алию. На втором ленинградском процессе был осужден на 4 года. Репатрировался в 1973 году. Статья «Ленинградский процесс» написана специально для «Сиона».

ЭФРАИМ ГОРДОН. Родился в 1928 г. в Риге. Закончив факультет журналистики МГУ им. Ломоносова, работал в рижской вечерней газете.

МОШЕ ШАМИР. Родился в 1921 г. в Цфате. Известный израильский прозаик «Поколения Пальмаха» (боевые отряды «Хаганы»). В своих книгах отражает настроение молодежи, воевавшей за независимость страны. («Он ходил по полям», «Своими руками» и др.).

БОРИС ВЕКСЛЕР. Родился в 1922 г. в Бессарабии. Опубликовал несколько сборников рассказов на молдавском и русском языках. Участник 2-ой мировой войны. Репатрировался в октябре 1973 г. «День первый» публикуется впервые.

ЭРНСТ ЛЕВИН. Родился в 1934 г. в Минске. Закончив институт, работал инженером-электриком. Репатрировался в 1972 году. Читателям «Сиона» уже знаком. Стихотворение «Читая тору» публикуется впервые.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

ВАШИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ОТЗЫВЫ О ДАННОМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА, А ТАКЖЕ О ЖУРНАЛЕ «СИОН» ВООБЩЕ ПРОСИМ ПРИСЫЛАТЬ ПО АДРЕСУ: ТЕЛЬ-АВИВ, УЛ. ХИССИН, Д. 4а, ПОДЪЕЗД 2, КВАРТИРА 8.

НАШИ ТЕЛЕФОНЫ: 299832, 299942.

ЖЕЛАЮЩИЕ РЕГУЛЯРНО ПОЛУЧАТЬ «СИОН» МОГУТ ОФОРМИТЬ НА НЕГО ПОДПИСКУ, ВЫСЛАВ ЧЕК ПО ТОМУ ЖЕ АДРЕСУ.

СТОИМОСТЬ ОДНОГО НОМЕРА — 4 ЛИРЫ; СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ — 24 ЛИРЫ.
